

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

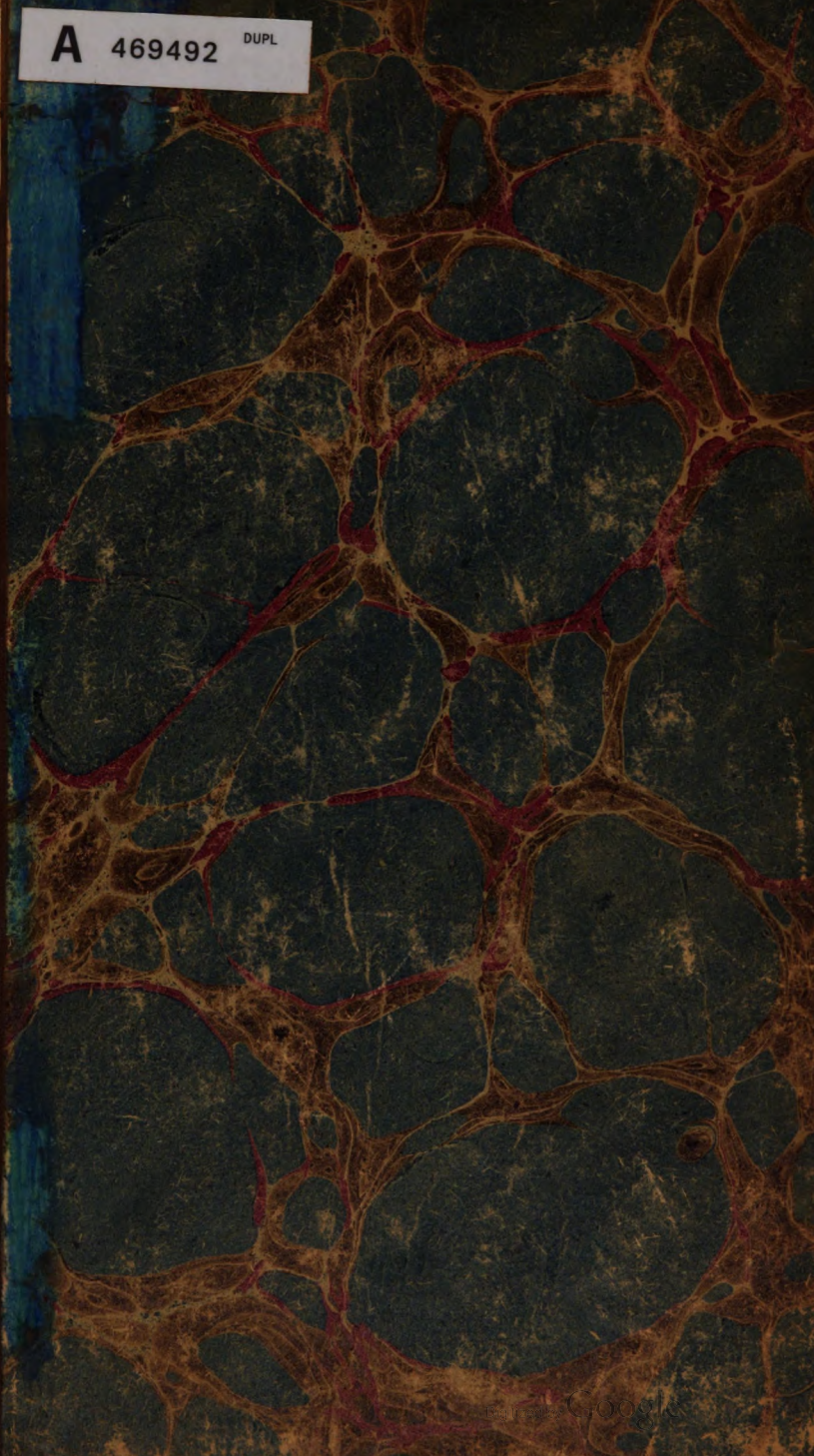
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

891.708
53
v.8

A 469492 DUPL

583

БИБЛИОТЕКА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

А. И. ЧЕРНОВ

BIBLIOTHEQUE RUSSE

„Russkaja Mysl“

CONSTANTINOPLE PERA

PROPERTY OF

University of
Michigan
Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

583

БИБЛИОТЕКА

„РУССКА

А И Т

BIBLIOTHE

„Russk

CONSTANT

VIII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Семень Юшкевичъ. Голодь.
А. Лукьяновъ. Мечъ враговъ.
Маріо Раписарди. Рудокопы.
Е. Чириковъ. Мужики.
Скиталець. Лѣсъ разгорался.
Ив. Рукавишниковъ. Три знамени.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

891.708

53

v. 8

Типо-Литографія С. М. Муллеръ. Вас. Остр., 9 лин., д. 18.

БИБЛИОТЕКА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

А. И. ЧЕРНОВА

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

„Roussine III“

CONSTANTINOPLE 1904

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
Семень Юшкевичъ. Голодь	1
А. Лубьяновъ. Мечъ враговъ	165
Марио Раписарди. Рудоконь	169
Е. Чириковъ. Мужики	175
Скиталець. Лѣсъ разгорался	345
Ив. Рукавишниковъ. Три знамени	371

БИБЛИОТЕКА КОМПЕТЕНТНОСТИ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

А. И. СЕРГЕЕВЪ

BIBLIOTHEQUE RUSSE

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СЕРГЕЕВЪ

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

Г О Л О Д Ъ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

*Посвящается
Константину Петровичу
Пятницкому.
Семенъ Юшкевичъ.*

Семень Юшкевичъ. Голодъ.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

*Société d'edition et de librairie „Demos“,
22, Bd du pont d'Arve, Genève, Suisse.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИНА. Работаетъ на сахарномъ заводѣ. 40 лѣтъ.

НАХОМА. Его жена. 33 года.

МИРА. Сестра ея. 20 лѣтъ. Работаетъ на табачной фабрикѣ.

ДАВИДЪ. Ихъ братъ. Въ ученьи у сапожника. 16 лѣтъ.

ВЕТЬКА. Высокая худенькая дѣвочка. 14 лѣтъ.

ГЕРШЕЛЕ. 7 лѣтъ.

НАХМАЛЕ. 5 лѣтъ.

ФАВЕЛЕ. 2 мѣсяца.

} Дѣти Нахомы.

СЕМЪ. Дядя Нахомы. Сторожъ. 60 лѣтъ.

ВЕРМАНЪ. Старьевщикъ. 50 лѣтъ.

} Живутъ у Нахомы

ГАВАЙ. Работаетъ на мебельной фабрикѣ. 25 лѣтъ.

СИМОНЪ. Заготовщикъ. 27 лѣтъ.

КУНА. Мельничный рабочій. Чахоточный. 40 лѣтъ.

ПЕРКА. Жена его. 35 лѣтъ.

ДѢТИ КУНЫ. Калѣки.

ОСНЕСЪ. Нищая. 50 лѣтъ.

ГЕРШЕЛЬ. Дурачокъ.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

} Старухи.

Сосѣди, сосѣдки, рабочіе, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ.

Семенъ Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Широкий немощеный дворъ По бокамъ длинныя одноэтажные флигеля, старенькіе, низенькіе. У дверей однихъ квартиръ семья пьютъ чай, сидя вокругъ маленькихъ столиковъ. У другихъ дверей на ступенькахъ сидятъ старики и старухи, нищія калѣки, и грѣются на солнцѣ. Въ глубинѣ ворота, соединяющія два фасадныхъ строенія. Съ правой стороны между боковымъ и фасаднымъ флигелями повозки, биндюги; тамъ же играютъ босыя и оборванныя дѣти со двора. Съ лѣвой—пустырь, гдѣ помѣщается водопроводный кранъ. Сюда приходятъ женщины съ ведрами, мужчины берутъ воду для лошадей. Вдали отчетливо видѣется городъ, церковь справа и напротивъ верхушка зданія театра, скрытаго за домами. Слѣва и далеко выдѣляются трубы заводовъ и фабрикъ. Въ ворота безпрестанно входятъ и выходятъ живущіе въ домѣ. Во дворѣ движеніе, шумъ отъ разговоровъ, суета, дѣтскій плачь, смѣхъ, перебранка сосѣдокъ.

Жаркій іюльскій день. Пять часовъ вечера. Мира стоитъ справа, у дверей своей квартиры и разговариваетъ съ Нахомой. Нахома держитъ на рукахъ двухмѣсячнаго Фавеле и пьетъ чай. Бетъка, присѣвъ на корточкахъ, щекочетъ ребенка. Остальныя дѣти Нахомы играютъ во дворѣ.

Изъ квартиры слѣва выходитъ Перка съ ведромъ въ рукахъ. Горбатый мальчикъ слѣдуетъ за ней.

МАЛЬЧИКЪ (назойливо).

Дай мнѣ, дай мнѣ!

ПЕРКА.

Ступай къ чорту! Ступай! Ты не уйдешь отъ меня?
(Грозить рукой)

МАЛЬЧИКЪ.

Хочу, хочу! (Хнычетъ)

ПЕРКА (кричить)

Вотъ жизнь! Ну возьми! (Даетъ ему ведро) По если
сломаешь,—убью тебя, помни! (Удаляется)

МИРА (къ Нахомѣ).

Мнѣ иногда хочется убѣжать отъ твоихъ разгово-
ровъ. Ну и осталась безъ работы! Не буду набивать
папирось на этой проклятой фабриктѣ. Ну и Бетька
осталась безъ работы. И всѣ эти остались безъ работы.
(Указываетъ на сосѣдей, сидящихъ во дворѣ) Привыкла!
Только не говори объ этомъ.

НАХОМА (къ Бетькѣ).

Не мучь его, Бетька... Отойди.

МИРА.

Улетѣть мнѣ иногда хочется. Все объ одномъ, все
о землѣ, о тлѣннѣ, какъ говоритъ дядя. (Разсмѣялась)

НАХОМА (грустно).

Я хотѣла бы произносить самыя лучшія слова...
Самыя лучшія! Бетька, не стой передъ глазами!

БЕТЬКА.

Я хочу его поцѣловать. Дай мнѣ его, мать. (Береть у Нахомы ребенка и начинаетъ подбрасывать его, цѣловать)

МИРА.

Какія? (Сходитъ со ступеньки и оборачивается лицомъ къ городу)

НАХОМА.

Я ихъ не знаю, Мира... я забыла! (Задумчиво)
Когда-то все знала, какъ ты! Когда-то! Что-то сіяло
впередн... И душа моя поднималась. (Опускаетъ голову)
Но оно прошло, вотъ эти глаза наплакались!...

МИРА.

Наплакались! (Вдругъ закрываетъ уши руками) Какъ
они кричатъ!

НАХОМА.

Я въ дурной день родилась, Мира. Пока ты была
маленькой, меня успѣли закопать вотъ такъ... глу-
боко.

МИРА.

Почему ты не боролась, какъ я?

НАХОМА.

Съ кѣмъ? Съ отцомъ, съ матерью? Можетъ быть, со
стѣнами? Я опускала голову, ницъ я падала,—не по-
могало. И вышла за Мину. Да, за Мину!

МИРА.

Не говори!

НАХОМА.

Иногда вспомню, что за Мину вышла, и не повѣрю. Такъ это правда? Нахома—жена Мины? Нахома! Согласилась она! (Машетъ рукой Грустно) Я всю жизнь работала то на отца, на мать, пока похоронила ихъ, то на тебя, на Давида, потомъ свои дѣти, Мина... и чего хочу я? Одной минуты, только одной минуты. Вздохнуть вотъ такъ и сказать: славу Богу! И этого нѣтъ! Нѣтъ этого... (Къ дочери) Бетька, ты его уронишь.

БЕТЬКА.

Нѣтъ, мать! Что-то онъ третъ глазки кулачкомъ. Его надо выкупать. (Бѣгаетъ съ нимъ)

МИРА.

Я жалѣю тебя, Нахома. Сердце мое сжимается отъ жалости. Но все-же, когда слышу вотъ эти разговоры дома-ли, или у сосѣдей—гдѣ бы я ихъ ни слышала,—я страдаю... У меня какъ будто крылья навѣки складываются и вотъ такъ я ихъ чувствую. (Дѣлаетъ движеніе) Я хочу, Нахома, только прекрасныхъ, хорошихъ словъ. Я хочу! Вотъ сегодня я вычитала въ книжкѣ что-то, и мнѣ хотѣлось смѣяться и кружиться. Я произносила это громко, и душа моя дрожала. Я люблю что-то, но что—не знаю. И скорбно мнѣ,—судорожно обнять кого-то хочется.

НАХОМА.

Ты странная дѣвушка, Мира. Я была другой.

МИРА.

Можетъ быть, можетъ быть...

НАХОМА.

Это отъ книжекъ. Онѣ вскружили тебѣ голову.

МИРА.

Не совѣмъ еще. Глаза мои! Ясно видятъ мои глаза.
(Разсмѣялась) Вотъ Гершель идетъ.

(Въ воротахъ показывается дурачокъ Гершель, весь въ заплаткахъ, въ помятомъ старомъ цилиндрѣ, въ лаптяхъ, и подпрыгивая уходитъ налѣво. Его окружаютъ дѣти, нѣкоторыя дергають сзади, кричатъ)

БЕТЬКА.

Сумасшедшій Гершель! (Побѣжала за нимъ)

НАХОМА.

Ну, а жизнь?

МИРА.

Что — жизнь?

НАХОМА.

Я о Симонѣ говорю...

МИРА.

Онъ некрасивый... (Показывается изъ флигеля Гершель)
Гершель, Гершель! (Манить его рукой)

ГЕРШЕЛЬ

(хохочетъ и кричитъ).

Я приду! (Хохочетъ и подпрыгивая заходитъ въ чью-то квартиру)

НАХОМА

(съ удивленіемъ).

Симонъ некрасивый? Въ первый разъ это слышу отъ тебя.

МИРА.

Ахъ, Нахома!... Я о душѣ его говорю. Душа у него простая.

НАХОМА.

Но зато онъ будетъ покорнымъ. Не будетъ гнуть тебя къ землѣ.

МИРА.

Мнѣ не нужно покорности. (Разсмѣялась) Нѣтъ, нужно.

НАХОМА.

Такъ откажи ему. (Съ жаромъ) Я, Мира, всегда дѣйствовала прямо. Прямо я шла.

МИРА.

И отказать не хочу. Почему? Не знаю, но не хочу Пусть ходитъ... Нѣтъ, мнѣ все равно, пусть не ходитъ. Развѣ я его привязала? (Вдругъ откровенно) Что-то есть въ этомъ хорошее, Нахома. Крикнешь: „Симонъ, Симонъ!“—и онъ уже здѣсь. Сидишь на фабрикѣ, крутишь папиросы, и тошно и мучительно. И вотъ вспомнишь: Симонъ думаетъ о тебѣ, Симонъ мучается изъ-за тебя...

НАХОМА.

Ну, а Габай?

МИРА.

Габай? (Задумчиво) Почему, Нахома, я радуюсь и сердце сжимается, когда слушаю его,—вотъ что хотѣла бы знать. Не знаешь, Нахома?

НАХОМА

(съ безпокойствомъ).

Онъ нравится тебѣ?

МИРА.

Это не то слово... Иногда вотъ такъ дрожишь,—вдругъ въ огонь хочешь броситься... Иногда чувствуешь,

что вотъ-вотъ крикнешь и убѣжишь. Нѣтъ, я не знаю—
что это!

НАХОМА.

Я жалѣю, что сдала ему уголь.

МИРА.

Я тоже... иногда.

БЕТЬКА (прибѣжала).

Когда мы Фавеле купать будемъ?

НАХОМА.

Ступай, принеси горячей воды. (Бетъка отдастъ ей ре-
бенка и убѣгаетъ въ комнату)

МИРА.

Пойду кончать работу. Все-же лучше, чѣмъ на фа-
брикѣ.

(Перка возвращается. Согнулась
подъ тяжестью ведра съ водой.
Поставила ведро у дверей своей
квартиры)

НАХОМА.

Подумай, Мира, о Симоѣ. Тебѣ двадцать лѣтъ.

МИРА

(стоя въ дверяхъ).

Ахъ, Нахома, Нахома!

НАХОМА.

Что—Нахома? Я спрошу тебя: а жизнь? Вѣдь отъ
нея не уйдешь.

МИРА.

Жизнь! Покорить ее нужно, Нахома. Надо смять ее

подъ себя, усѣсться на ней и бить ее кнутомъ... Тогда она пойдетъ!

(Засмѣялась и ушла въ комнату. Нахома пожимаетъ плечами. Бетъка выскочила съ чайникомъ и стрѣлой побѣжала къ воротамъ)

ПЕРКА

(подходить къ Нахомѣ).

Смѣется Мира? А я совсѣмъ не вижу, отчего можетъ быть теперь весело. Убейте меня,—не вижу. Фабрики! Кончились всѣ фабрики! Зарботки! Кончились всѣ зарботки! Народъ въ отчаяніи. Я сказала бы ей: удержиись. (Слышенъ дѣтскій плачь, она прислушивается) Только-что на улицѣ поймали вора. Вы никогда не сказали бы, что это воръ. Онъ шелъ, плакалъ и жаловался: „я отъ голода укралъ. Зачѣмъ меня бить?..“ Отъ голода! Опять моего калѣвку побили. Чтобъ ихъ съ корнемъ вырвало!

(Побѣжала въ конецъ двора, поймала какого-то мальчика и поколотила его. На крикъ ребенка выбѣжала женщина. Обѣ поссорились. Возвращается Бетъка съ чайникомъ и заходитъ въ комнату)

НАХОМА

(пьетъ чай. Обращается къ Бетъкѣ).

Вымой корыто.

БЕТКА.

Хорошо, мать.

ПЕРКА

(которая уже вернулась).

Такихъ проклятыхъ людей еще не было въ этомъ чворѣ. Живу здѣсь десять лѣтъ, а такихъ не видѣла.

(Садится возлѣ Нахомы. Бетъка показывается на порогѣ и выливаетъ воду изъ корыта)

ПЕРКА.

Что это? Вы его хотите выкупать? Дорогая, счастливы, что можете еще объ этомъ думать. Мои дѣти уже больше года не знаютъ горячей воды.

НАХОМА.

Ребенку вѣдь два мѣсяца...

ПЕРКА.

А если два? Гляжу на васъ и думаю: еще у нея эти глупости въ головѣ, еще она этимъ занимается...

НАХОМА.

Разъ онъ уже родился... Сказать правду, я его не хотѣла. Вотъ этого уже не хотѣла. Первые дни я на него смотрѣть не могла отъ злости. А теперь люблю... да, люблю! Что-то съ маленькими сама моложе становишься,—тише дѣлаешься.

ПЕРКА.

Не большое счастье.

НАХОМА.

Что-же мнѣ дѣлать? Стоять въ сторонѣ и смѣяться — легко. Богъ знаетъ, какъ не хотѣла этого. Но не могло, Перка. Вѣдь я за двѣнадцать лѣтъ девять разъ рожала, — насытилась! Четверо умерло, наплакалась! А спросишь у Мины, зачѣмъ намъ дѣти, такъ услышишь отвѣтъ!

ПЕРКА.

Мужчины — скоты... Ничего имъ не нужно, — только это! Знаю ихъ. Но своего чахоточнаго я таки выучила. Объ этомъ даже разговоръ не должно быть. Хлѣбъ, хлѣбъ, хлѣбъ,—вотъ о чемъ онъ долженъ думать.

НАХОМА.

Зазидую вамъ...

ПЕРКА.

Я ему пою: хлѣбъ, хлѣбъ,—и онъ поетъ за мной:
„хлѣбъ, хлѣбъ“.

НАХОМА.

А печаль,—когда они умираютъ? А скорбь? Четыре
жизни отняли они у меня, четыре здоровья...

(Гершель показывается во дворѣ.
Дѣти набрасываются на него, онъ
рычитъ)

ГЕРШЕЛЬ.

Я васъ, о-го-го! Съ хлѣбомъ скушаю!

(Наступаетъ на дѣтей, тѣ съ кри-
комъ убѣгаютъ отъ него. Погнался
за ними)

ПЕРКА.

Опять Гершель появился здѣсь. Не къ добру это

НАХОМА (мрачно).

Не люблю его.

ВЕТЬКА

(появляется на порогѣ).

Вода готова.

НАХОМА.

Сейчасъ иду.

(Въ ворота входитъ нищая — Ос-
несъ, съ палкой въ рукахъ, передви-
гается медленно. Голова у нея
трясется)

ПЕРКА.

Вотъ идетъ Оснесъ, несчастная душа. Посидите, по-
слушаемъ, что въ городѣ дѣлается. (Поднимается) Ба-

бушка Оснесъ, бабушка Оснесъ! Подойдите-ка сюда. (Старуха направляется къ нимъ) Здравствуйте, бабушка Принесли что-нибудь?

ОСНЕСЪ.

Что я принесла, дитя мое, хи-хи! Ничего я не принесла! Хи-хи-хи! Людямъ плохо, ахъ, какъ плохо! Никогда еще такъ плохо не было, хи-хи. (Трясетъ головой и переводить духъ) Безъ ногъ останешься, безъ здоровья, а вотъ что приносишь. (Показываетъ мѣдкн) Нищихъ, какъ мухъ въ этомъ году. И откуда они взялись, думаю себѣ, хи-хи...

НАХОМА (тихо).

И отчего она смѣется?.. Я все боюсь чего-то эти дни. Услышу слово и ловлю его. Можетъ быть, отсюда идетъ несчастье! Кто-то сторожитъ насъ! Кто-то...

ОСНЕСЪ.

Такой уже этотъ годъ. Охъ, вижу я этотъ годъ, хи-хи! Не было еще такого года! Меня спросите, — я все знаю, хи-хи!

ПЕРКА (испуганно).

Что вы говорите, Оснесъ? Расскажите что-нибудь повеселѣе.

ОСНЕСЪ.

Не купила еще веселаго, дитя мое, и никто его не продаетъ. И слезами его не выпросишь, хи-хи! Хожу по улицамъ и вижу длинныхъ людей... Молчаливыхъ людей! Но сердце ихъ знаю...

НАХОМА.

Выпейте, бабушка, стаканъ чаю.

ОСНЕСТЬ.

Таки выпью, добрая. (Усаживается на порогъ и не может отдышаться) Вотъ съ какимъ сердцемъ ходить пужно. За грошъ лѣзешь по лѣстницамъ и вверхъ и внизъ, на четверенькахъ ползешь, а часто и ничего не дадутъ. Вотъ какіе люди есть. Стоишь у дверей, стоишь ты, хи-хи, хи-хи!.. (Трясетъ головой) Ай, ай, я и позавтракала жизнью и пообѣдала, и поужинала ею. Вотъ такъ наѣлась жизнью! Пошла бы въ богадѣльню, а кто мою вдову-калѣку накормить? Кто мою внучку накормить? Нѣтъ, Нахомочка, я сахаръ не возьму. У чужихъ пью безъ сахара. Зачѣмъ людей разорять?

НАХОМА.

Видите, Перка... Сердце каменѣть! И только когда туда посмотрю... (Указываетъ на городъ) Меня желчь душитъ, когда посмотрю туда... Видите вы эти проклятые дома? Какъ они красивы, а я на нихъ кровь нашу вижу.

ПЕРКА.

Ну, это оставьте.

НАХОМА

(шопотомъ и съ ужасомъ).

Иногда выйду ночью... Стою и смотрю. И кажется мнѣ, что отъ него, проклятаго, протягиваются сюда длинныя, цѣпкія руки, чтобы отнять у насъ мужей, нашихъ дѣтей, нашу жизнь... И я стою и показываю ему зубы,—а сердце не вѣрить!

ПЕРКА

(посмотрѣла на городъ).

Что ни говорите, а тамъ не виноваты. Даже не возражайте мнѣ. Вы и вашъ Мина вѣчно нападаете на городъ. Развѣ намъ мѣшаетъ, что тамъ ѣдятъ изъ золотыхъ тарелокъ?

НАХОМА.

Они высасываютъ нашу кровь и паливаютъ ее въ свои жилы... Вотъ что намъ мѣшаетъ.

Идешь, мать?

БЕТЬКА (появляется).

(Нахома машетъ головой и входитъ въ комнату)

ПЕРКА

(тихо, къ Оснесъ).

Терпѣть не могу этой женщины! Видѣли вы? Она ненавидитъ богатыхъ! Она! Нахома! Мужъ ея любитъ выпить и всего-на-всего работаетъ на сахарномъ заводѣ, а она ненавидитъ богатыхъ. Мигнулъ бы ей богатый,—она бы на четверенькахъ поползла. Вотъ мужъ мой чохоточный и—кровью и потомъ работаетъ на мельницѣ, а я ни слова не говорю. Я знаю свое мѣсто.

ОСНЕСЪ.

Не знаю, отчего вы, Перка, разсердились, хи-хи...

ПЕРКА.

Молчите, бабушка. Я кланяюсь городу, на колѣняхъ готова стать передъ нимъ. Кто насъ кормитъ? Городъ! Кому нуженъ нашъ трудъ? Городу! Я это чувствую... Можетъ быть, вы думаете, что сестра ея лучше? Посмотрите на мою сестру и вы скажете: золото, тихая, золотая рѣка. А Мира играетъ Симономъ. Вотъ какая она дѣвушка.

ОСНЕСЪ.

А я люблю людей, хи-хи, и не чувствую къ нимъ ненависти. Люблю ихъ хорошихъ и всякихъ, хи-хи! Человѣкъ стоитъ, чтобы его любили.

(Изъ какой-то квартирки выходитъ худая женщина въ платочкѣ, на костыляхъ. Увидѣвъ Оснесъ, тихо кричитъ)

ЖЕНЩИНА.

Мама, что-же ты тамъ усѣлась? Иди домой!

(Старуха поднялась. Въ ворота входятъ нѣсколько рабочихъ. Одного изъ нихъ, худого и черноборолога, нѣсколько мальчиковъ встрѣчаютъ съ крикомъ: „отецъ, отецъ“! Онъ идетъ съ ними къ квартирѣ Перки)

ПЕРКА

(испуганно и всплеснувъ руками).

Боже мой, кто это идетъ? Я съ ума сошла. Вѣдь онъ долженъ былъ ночевать на мельницѣ! Да, это мой чахоточный! (Подбѣгаетъ къ нему и останавливаетъ его) Что это ты пришелъ, Куна? Что? И у васъ распустили людей? Когда? Теперь! Сегодня! (Опять всплеснула руками)

КУНА.

Я вѣдь давно говорилъ тебѣ, что мельница перестанетъ работать.

ПЕРКА.

Что говорилъ? Дуракъ! Какъ это мельница можетъ перестать работать? Какъ?—спрашиваю.

КУНА.

Ей-Богу, я не знаю, о чемъ ты говоришь, Перка!
(Кашляетъ)

ПЕРКА.

Что не знаешь? Уже закашлялся! А дѣти? А я? Намъ развѣ ѣсть не нужно? Что-же, съ ума они тамъ сошли на мельницѣ? Вѣдь идетъ къ осени, къ лютому звѣрю идетъ!..

(На крикъ Перки подходятъ сосѣди. Стоять, слушаютъ и качаютъ головами. У нѣкоторыхъ дверей разговариваютъ рабочіе, спорить съ женами и съ сосѣдями)

КУНА.

Сейчасъ они тебѣ отвѣтятъ! Вотъ тѣхъ (указываетъ на рабочихъ) тоже разсчитали. Стояли мы тамъ... Стой передъ глухой стѣной. Не кричи такъ, Перка!

ПЕРКА.

Не кричать? Мое дѣло, что имъ нужно мельницу остановить? Должны же они и о насъ подумать. Не отвѣчай, калѣвка,—молчи!

(Показываются Нахома и Мира.
Мира подходитъ къ Перкѣ)

НАХОМА.

Крики не помогутъ...

ПЕРКА.

Беру васъ въ свидѣтели, Нахомочка. Вы помните, что было два года назадъ? Тоже работалъ онъ на мельницѣ, а мельница сгорѣла. Годъ мы голодали, пока ее не построили. Теперь опять! Посмотрите же на моего счастливаго мужа!

ЛОСЪДКА (мрачно).

Онъ не виноватъ: идетъ къ осени. Гдѣ теперь есть работа?

ПЕРКА.

Пусть идетъ къ чорту! На тотъ свѣтъ пусть идетъ!

КУНА.

Не знаю, отчего ты кричишь, Перка? Вѣдь я работалъ, — прилежно я работалъ! (Кашляетъ) Всѣ меня любили на мельницѣ, честное слово, Перка!

ПЕРКА.

Молчи, чахотка!

КУНА.

Перка, прошу тебя. Люди слушают!

НАХОМА.

Это ничего, Куна, это ничего!..

(Куна кашляет)

ПЕРКА.

Нахомочка, Нахомочка!.. (Заплакала) Пикто не знает моего сердца, никто!

ГЕРШЕЛЬ

(появляется и хохочет).

Ага, ха-ха, ага!

СОСЪДКА (кричит).

Ступай къ чорту, нечистый! Откуда ты взялся?

ГЕРШЕЛЬ.

Оттуда! Хо-хо! (Оретъ) Оттуда!

СОСЪДЪ.

Прогоните его. Онъ всегда является передъ несчастьемъ.

СОСЪДКА.

Уходи отсюда, недобрый!

ГЕРШЕЛЬ.

Кто сытъ, а я хочу кушать! Жрать я хочу! (Заплакаль. Его толкають. Онъ уходитъ и слезливымъ голосомъ кричитъ) Хочу кушать!..

ПЕРКА (въ слезахъ).

Пустите меня къ Кунѣ, я хочу его спросить...

КУНА

(подходить къ ней).

Перка, Перка! Здѣсь народъ,—пойдемъ въ комнату.

ПЕРКА.

Что я съ тобой въ комнатѣ буду дѣлать? (Обращается къ сосѣдямъ) Посмотрите же на насъ! Чахоточный мужъ, чахоточныя дѣти,—и ни копѣйки за душой! Завтра придется руку протянуть.

СОСѢДКА

(утираетъ глаза).

Намъ всѣмъ придется...

СОСѢДЪ.

Будь они прокляты!

НАХОМА.

Не могу этого слушать! Въ глазахъ моихъ темнѣеть... Взгляните теперь на него! (Указываетъ на городъ) Вотъ онъ стоитъ, нашъ жестокой, сильный хозяинъ,—а мы тутъ плачемъ! За что? Кто покорнѣ насъ? Чьи плечи поддерживаютъ его? За что?..

ПЕРКА.

Что мнѣ въ его силѣ, когда я несчастна?

НАХОМА.

Я и говорю...

СОСѢДКА.

Проклятые звѣри!..

(Изъ квартиры Нахомы выходятъ Семъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ,—высокой старикъ, костлявый, съ длинной сѣдой бородой)

ПЕРКА

(возбужденно, къ мужу).

А за бороду ты не могъ его схватить? А за горло? Держать и кричать: съ ума вы сошли, господинъ управляющій? Вы жрать будете, а намъ голодать? Вы жи-

воты гладить будете, а намъ умирать? Пустите мельницу,—сейчасъ пустите! Не наше дѣло! Достаньте денегъ, достаньте пшеницу и пустите мельницу. Или мы вамъ ее разнесемъ, или мы васъ всѣхъ перебьемъ!

КУНА (испуганно).

Богъ съ тобой, Перка! Что ты сказала? Ты вѣдь умѣешь быть справедливой, когда хочешь... Развѣ управляющій виноватъ? Пойдемъ въ комнату.

(Беретъ ее за руку. Послѣ короткаго сопротивленія она идетъ за нимъ. Дѣти слѣдуютъ съади)

СОСЪДЪ.

Она говорила, какъ человѣкъ!

СОСЪДКА.

Несчастная душа! Посмотрите на этихъ калѣкъ.

(Перка и Куна скрываются съ дѣтьми въ комнату)

ОСНЕСЪ

(трясетъ головой).

А я люблю міръ, дѣтки, люблю, хи-хи! людей люблю.

(Уходитъ съ калѣкой-дочерью. Сосѣди расходятся. У квартиръ кучки людей продолжаютъ разговаривать)

НАХОМА (къ Сему).

Будемъ ждать Мину. Какія новости онъ принесетъ?

А я дрожу, дрожу... Хотите чаю?

СЕМЪ

(смотреть въ молитвенникъ).

Цалей мнѣ стаканъ.

(Мира уходитъ въ комнату и выноситъ оттуда столикъ, на которомъ небольшая горка табаку и гильзы,

М П Р А.

Солнце сѣло. Буду здѣсь работать. Еще одну сотню осталось додѣлать, и я свободна, и я птица!

(Набиваетъ папиросы. Семъ пьетъ чай и иногда заглядываетъ въ молитвенникъ. Нахома поминутно оглядывается, не покажется ли Мина въ воротахъ. Дѣти играютъ въ жмурки. Раздается плачь дѣвочки. Мира поднимаетъ голову и прислушивается)

М П Р А.

Роза опять бьетъ своего ребенка. Нахома, слышишь? Каждый день она ее истязаетъ. За что? Какіе люди! Зачѣмъ она бьетъ эту несчастную дѣвочку? (Встаетъ) Роза, довольно, слышите: довольно, довольно! (Къ Сему) И мы люди, дядя? И мы живемъ? Чудовища мы!

(Крики стихли. Пауза. Въ ворота въѣзжаетъ телѣжка, которую чловѣкъ тащитъ за собой. Семъ встаетъ и начинаетъ ходить по двору)

НАХОМА.

Что скажете, дядя, на то, что тутъ произошло?

СЕМЪ.

Ничего не скажу.

НАХОМА.

Теперь уже съ отчаяніемъ ожидаю Мину. Ему давно пора быть дома.

СЕМЪ.

Надо, Нахома, идти по одной дорогѣ, а не по двумъ. Отчаяніе! Оно никому здѣсь не нужно. Посмотри наверхъ и ты все увидишь, все узнаешь...

НАХОМА.

Скажите что нибудь земное-мудрое,—вотъ что нужно людямъ. Душа земного хочетъ, дядя.

СЕМЪ (съ сарказмомъ).

Земное!.. Я иду своей дорогой съ этой книгой (указываетъ на молитвенникъ)—и ничего больше. Люди кричатъ о тлѣнѣ и о боли,—я не слышу, я ничего не слышу. Я иду...

М П Р А .

Вы не добрый, дядя!

СЕМЪ.

Не рассказывай же мнѣ о людяхъ.

НАХОМА.

О комъ же говорить?

СЕМЪ.

Вотъ тебѣ дана книга...

НАХОМА.

Ну?

СЕМЪ (торжественно).

И тутъ все...

НАХОМА.

А когда жили трясутся отъ страха? А если четверо дѣтей на плечахъ? Развѣ вы сами не голодаете? Развѣ у васъ близкихъ не было?

СЕМЪ.

Я всѣхъ похоронилъ.

НАХОМА.

И не кричали, и не стонали?

СЕМЪ.

Я смотрѣлъ въ книгу.

НАХОМА (волнуясь).

Вы не человѣкъ... Каменный вы!

СЕМЪ.

Дитя мое...

МИРА (задушевно).

Какъ хорошо вы это произносите, дядя. Скажите еще!

СЕМЪ (къ Нахомѣ).

Дитя мое, покорности хочеть Онъ! Покорности! Посмотри на нихъ! (Указываетъ на людей во дворѣ) Свиной я вижу кругомъ... Хрюканье слышу!.. Растоптано „Слово“ свиными ногами. Дитя мое, сказано такъ: Въ потѣ лица своего будешь добывать хлѣбъ свой. Это надо понять. Или сердце можетъ быть правымъ, когда есть Онъ? Или языкъ смѣетъ роптать, когда повелѣлъ Онъ? Сказано: въ потѣ лица, въ страданіи... И спрашиваю: легко ли Ему видѣть страданія своихъ людей? Легко ли? Подумала ли ты о Его скорби? И вотъ уже утѣшеніе. Твое сердце смягчилось! Я страдаю, и Онъ страдаетъ. Далъ Законъ, далъ Слово, страдаетъ и молчитъ. Не мѣняетъ и молча за насъ страдаетъ. Что же мы такъ громко кричимъ? Вотъ такъ отгорожено,—такъ ийти нужно. Иди и страдай. Что я, Перка, ты, весь городъ, весь міръ, и всѣ наши слезы передъ однимъ вздохомъ Того, Кто наверху? Тлѣны! И вотъ гниетъ земля, но изъ гноища произрастаетъ садъ—Его садъ... Сгниемъ!..

МИРА.

А я не хочу...

НАХОМА (въ волненіи).

Такъ вы хотите, чтобы я Его пожалѣла, а не Онъ меня, чтобы я Его любила, а не Онъ меня? Отъ меня, слабой Нахомы, нужно доброе слово для Него? Онъ

нуждается въ немъ? Онъ Самъ ничего для меня, для всѣхъ насъ, не можетъ сдѣлать ни сердцемъ, ни силой Своей? Несчастные мы! Проклятые мы! Смѣшались мои мысли, дядя. Я буду молчать.

С Е М Ъ.

Дитя мое, не спрашивай! Молчи! Вотъ стонуть, плачутъ и ты и дѣти, стонете и плачете—молчи! Иди и молчи!

М И Р А.

А я молчать не буду. Ни за что! Что-то я чувствую, дядя, что-то бьется во мнѣ...

(Въ воротахъ показываются рабочіе. Среди нихъ Габай и Берманъ. Оба отдѣляются отъ остальныхъ и идутъ къ квартирѣ Нахомы. Берманъ весь въ заплатахъ; держитъ въ рукахъ пару старой одежды)

Б Е Р М А Н Ъ

(тихо кричить).

Старья вещи, вещи старья! Вотъ и я домой пришелъ.

Н А Х О М А.

Теперь мнѣ не до Габая.

(Махнула рукой и уходитъ въ комнату. Перка выходитъ и садится на порогъ. Мира при приближеніи Габая углубляется въ работу и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его. Семъ повернулся къ нему спиной. Габай не здороваясь заходитъ въ квартиру Нахомы)

Б Е Р М А Н Ъ.

Добрый вечеръ. Охъ-ой-ой! Жарко! (Вытираетъ цветнымъ платкомъ потъ съ лица) Семъ, добрый вечеръ!

МИРА.

Добрый вечеръ, Берманъ!

СЕМЪ.

Вечеръ добрый, какъ дѣла?

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! Дѣла? Нѣтъ дѣлъ. Одну пару калошъ кушилъ сегодня.

СЕМЪ.

Теперь вамъ не нужно бояться грязи.

БЕРМАНЪ.

Я самъ такъ думалъ. Охъ-ой-ой!

(Какая-то сосѣдка пзъ лѣваго флигеля говоритъ съ своего мѣста)

СОСѢДКА.

Что въ городѣ говорятъ, Берманъ?

БЕРМАНЪ.

Кромѣ богачей, никто не разговариваетъ. Вздыхаютъ вотъ такъ: охъ-ой-ой! охъ-ой-ой!..

(Выходитъ Габай. Въ рукахъ у него книжка)

ГАБАЙ.

Ну, добрый вечеръ. Чаю мнѣ хочется. (Трогаетъ руками чайникъ. Говоритъ къ Мирѣ) Можно взять чайникъ? (Мира киваетъ головой, не поднимая глазъ. Габай насвистываетъ. Выливаетъ воду изъ чайника и собирается пойти заварить чай)

БЕРМАНЪ.

Дайте мнѣ, я пойду.

ГАБАЙ.

Отлично, Берманъ! Купите и хлѣба. Гулять такъ гулять.

(Берманъ взялъ чайникъ, доньги и ушелъ. Габай садится у порога, перелистываетъ книжку и киваетъ головой)

МИРА

(не поднимая головы).

Вы сегодня веселы...

ГАБАЙ.

Не очень... скоро безъ работы останусь. (Повернулся къ Сему) Что подѣлываете, Семъ?

СЕМЪ

(не отрываясь отъ молитвенника, хмуро).

Не твое дѣло...

ГАБАЙ.

Вотъ тебѣ и разъ, а чье же? Живете, Семъ,—давайте отчетъ.

(Мира смѣется)

СЕМЪ.

Кому, тебѣ?

ГАБАЙ.

Конечно... Больше никому.

СЕМЪ.

Палкой по головѣ я тебѣ дамъ, вотъ что.

ГАБАЙ.

Попробуйте.

(Выходитъ Бетька)

СЕМЪ.

И попробую. Думаешь, посмотрю на то, что у тебя усы выросли.

ГАВАЙ.

Есть такая пѣсенка: мы будемъ защищаться.

МИРА (сдержанно).

Оставьте, Габай, дядю...

ГАВАЙ.

А-а, Бетька! Здравствуй. Ступай-ка сюда. (Посадить ее къ себѣ на колѣни) Ну что? Скверно, нехорошо?

БЕТЬКА (скромно).

Да, все безъ работы сижу.

ГАВАЙ.

Ну давай пѣсенку споемъ. (Поетъ) „Ахъ, Абрамъ, не могу я жить безъ тебя, — ты безъ меня, и я безъ тебя—что дверь безъ замка“.

БЕТЬКА (повторяетъ).

Ахъ, Абрамъ, не могу я жить безъ тебя...

ГАВАЙ.

Молодецъ Бетька!

БЕТЬКА

(не громко, обнявъ Габая).

Я васъ люблю, Габай. Какъ васъ зовутъ? Вотъ уже мѣсяць,—какъ вы здѣсь живете, а мы не знаемъ вашего имени.

ГАВАЙ (смѣется).

Меня зовутъ: Асмодей.

(Мира разсмѣялась)

БЕТЬКА.

Неправда, неправда...

ГАВАЙ.

Ну, хорошо... Я не знаю, какъ меня зовутъ. Не знаю. Будемъ пѣть. (Поетъ) „Помнишь, помнишь, у калитки я шепнулъ тебѣ на ухо: дай мнѣ свои губки“.

СЕМЪ

(съ досадой).

Зачѣмъ развращать ребенка?

ГАВАЙ.

Посмотрите въ молитвенникъ! Тамъ сказано, что вамъ до этого дѣла нѣтъ.

СЕМЪ.

Сказано: не развращай ребенка.

ГАВАЙ

(Берману, который вернулся).

Спасибо, Берманъ. Отличный хлѣбъ. (Наливаетъ себѣ чай и Берману) Ну, что тамъ сказано, Семъ, повтори-те-ка.

СЕМЪ.

Надо было слушать.

ГАВАЙ.

Вашихъ законовъ не хочу слушать. Мира, кто еще исполняетъ его законъ?

МИРА.

Я почитаю священныя книги.

ГАВАЙ.

Вотъ мы напишемъ новый законъ, и тогда его всѣ будутъ исполнять. Даже Семъ покорится.

СЕМЪ (плюнулъ).

Не могу слушать этихъ рѣчей. погоди,—отзовется это на тебѣ. А я буду смѣяться.

(Уходитъ въ комнату)

ГАВАЙ.

Не уходите же, Семъ. Это глупо. Ушелъ! Ну, Богъ съ нимъ! Налейте-себѣ еще чашку, Берманъ. Берите хлѣба. Бетька, не души, мнѣ жарко. (Бетька прыгнула съ его колѣнъ) Ну, Мира...

МИРА.

Что, Габай?

ГАВАЙ.

Я принесъ новую книжку... Посмотрите.

(Мира беретъ, перелистываетъ книжку и качаетъ головой)

МИРА.

Опять тѣ же слова. Такія страшныя! Хорошія слова, но я, кажется, боюсь ихъ. Я вечеромъ буду читать.

(Отдаетъ ему книжку)

ГАВАЙ

(искренно и горячо).

Дорогія слова здѣсь, Мира, дорогія мысли. Вотъ откуда намъ солнце сіяетъ. Если бы всѣ, Мира, кто трудится, знали, что тутъ!

МИРА.

Я кончила. (Поднимается) Работа кончена, и я свободна. Теперь выпью чай.

(Чуть темнѣетъ. Во дворѣ становится тише. Иные сосѣди заходятъ въ свои квартиры)

ГАВАЙ (задушевно).

Какъ пріятно теперь послѣ дня на солнцѣ. Прохладно. Широко здѣсь. (Оглядывается)

МИРА.

Я люблю этотъ дворъ, Габай. Здѣсь я выросла. Напротивъ домъ, гдѣ я родилась. Все мнѣ здѣсь знакомое, родное. Помню, когда отецъ выѣзжалъ на своемъ биндюгѣ, я садилась рядомъ и чувствовала себя... царевной я себя чувствовала. Каждый камень мнѣ здѣсь родной... Въ двѣнадцать лѣтъ я упала возлѣ той квартирки и поранила себѣ руку топоромъ. Остался знакъ на рукѣ, посмотрите. Какъ сейчасъ это вижу. А въ той квартирѣ умерла моя подруга отъ чахотки. Да, отъ чахотки!

БЕРМАНЪ (вздыхнулъ).

Время летить. Я тоже выросъ въ этомъ дворѣ. Имѣлъ жену, дѣтей,—всѣхъ похоронилъ. И намучились же мы, охъ-ой-ой!

ГАБАЙ.

А мнѣ тутъ все ново. Слушаю васъ, и кажется, что поднимаются тѣни и улыбаются... печально.

БЕРМАНЪ.

Откуда вы, Габай, и какъ васъ зовутъ?

ГАБАЙ

(хмуро и недовѣрчиво).

Не знаю...

(Берманъ качаетъ головой)

МИРА.

Пріятно въ сумеркахъ на этомъ дворѣ. Иногда, когда луна становится посреди двора, такъ умереть хочется, улетѣть хочется. И дѣти кричать... какъ птицы...

БЕРМАНЪ.

А мнѣ вздохи слышатся. Какъ наступить ночь, такъ изъ земли вздохи подымаются. Выйдешь, посмотришь, поищешь,—никого нѣтъ. А вздохи слышатся.

С. Юшковичъ. Голодъ.

ГАБАЙ (серьезно).

Вздохи!.. Вездѣ сокращають работу — вотъ вздохи!
(Послѣ молчанія) На заводѣ Мингъ вернули книжку...

МИРА (испуганно).

Не можетъ быть, Габай!

ГАБАЙ.

Заводъ прекращаетъ работу...

МИРА.

Что же это будетъ? Расскажите о другомъ... веселомъ. Бѣдная Нахома, бѣдныя дѣти!

БЕРМАНЪ.

Бѣдный народъ!..

МИРА.

Расскажите о другомъ. Лучше не думать.

ГАБАЙ.

О чемъ?

МИРА.

Не знаю... Но о чемъ-нибудь свѣтломъ, прекрасномъ.
Чтобы душа моя вотъ такъ сжалась.

ГАБАЙ (серьезно).

Она у васъ скоро и такъ сожметъ. Не отъ словъ она задрожитъ,—отъ событій!

БЕРМАНЪ.

Отъ событій?.. (Вздыхнулъ)

ГАБАЙ.

Отъ гнѣва сожметъ ваша душа. Скоро тысячи залыють васъ стонами. Вы задохнетесь!

МИРА (упрямо).

Какое мнѣ дѣло до нихъ? (Покорно) Нѣтъ есть, есть. И еще, когда слышу эти слова, — съ закрытыми глазами я бросилась бы впередъ!

ГАВАЙ.

Я... Мира, выучился желать одного: разрушенія! Если существуетъ вотъ это (жестомъ указываетъ на окраину),—то надо жить съ волею народа, надо, чтобы сердце всегда было съ нимъ. Пока врагъ не сломленъ, не о чемъ другомъ думать.

МИРА (задумчиво).

Да, страшно здѣсь... ужасно здѣсь...

ГАВАЙ.

Я живу однимъ, дышу однимъ: надо опрокинуть все. Возьмемъ свою силу, — соединимъ ее. Врагъ силенъ...

ВЕРМАНЪ.

Я простой человѣкъ и ничего не понимаю... не слышу...

ГАВАЙ.

Вотъ читаешь эти книжки... (Указываетъ на книжку) Отвѣтъ есть,—тутъ онъ. И увѣренно грозишь кулакомъ всѣмъ имъ, окружившимъ насъ своей проклятой силой... Я вижу прекрасный новый день! И сжимается мое сердце дикой и бурной радостью.

МИРА (въ волненіи).

Говорите еще, о, говорите...

ГАБАЙ.

Я счастливъ, что живу теперь, а не раньше или позже... Снаружи тихо, но внутри все кипитъ, бродить... накаплиются огромныя силы... Пойдемъ въ комнату, Мира. Зажжемъ лампу и сядемъ читать.

БЕРМАНЪ.

Не къ добру эти чтенія. Что мужчинѣ къ лицу, то женщинѣ срамъ.

МИРА.

Пойдемъ читать.

(Поднимается. Въ воротахъ показываются Симонъ, Мина и Давидъ. Мира увидѣла ихъ)

МИРА.

Симонъ идетъ сюда. Какъ нехорошо, что онъ теперь пришелъ. Если бы онъ зналъ! Габай, я не буду читать. Потемнѣло въ моей душѣ.

(Габай усѣлся въ сторонѣ, раскрылъ книгу и читаетъ. Подходить Мина, окруженный дѣтьми, которыя кричатъ: „отецъ пришелъ, отецъ пришелъ!“ Не здороваясь идетъ къ себѣ съ Давидомъ. Симонъ въ короткомъ пиджакѣ. Носитъ котелокъ. Въ рукахъ у него черная палочка)

СИМОНЪ

(снимаетъ котелокъ).

Добрый вечеръ, Мира. Здравствуйте, Габай! (Подаетъ имъ руку)

МИРА (неохотно).

Добрый вечеръ.

СИМОНЪ.

Что съ тобой, Мира? Ничего не случилось?

МИРА.

Ну вотъ еще... (Отвернулася и смотритъ упрямо передъ собой)

СИМОНЪ.

Я ничего не понимаю, Мира. Берманъ, можетъ быть, вы знаете? (Берманъ качаетъ головой. Симонъ подходитъ къ Мирѣ) Мира!

МИРА.

Хочу такъ сидѣть. Не мѣшай мнѣ! Я думаю... Или нужно, чтобы я не сводила съ тебя глазъ?

СИМОНЪ (смущенно).

Я ничего не хочу, Мира... Но ты такъ встрѣтила меня! Можетъ быть, я тебѣ мѣшаю?

МИРА.

Ахъ!.. Ну оставь меня въ покоѣ, на минутку! (Посмотрѣла на него и разсмѣялась) Какое у тебя лицо теперь... И причесался ты!

СИМОНЪ.

Я знаю, что я тебѣ не нравлюсь.

МИРА.

Мнѣ это не нравится. (Вскочила и растрепала его прическу) Ай, руки стали жирными!

СИМОНЪ (конфузливо).

Я вѣдь нарочно... Волосы блестятъ...

МИРА

(посмотрѣла на него и—торопливо).

Ну садись тамъ, садись гдѣ-нибудь. (Нерѣшительно, Можешь проще одѣваться, когда ко мнѣ приходишь. Ты не дѣвушка.

СИМОНЪ.

Я не знаю, какъ тебѣ угодить. Вчера я была въ другомъ сюртучкѣ, ты сказала, что я грязно одѣваюсь...

МИРА.

Я была права и вчера, и сегодня. Я была права! Никто не можетъ сказать, что я не права...

СИМОНЪ.

Я этого не говорю, Мира. Хотѣлъ бы только знать— какъ сдѣлать тебя довольной.

МИРА.

И я не знаю.

СИМОНЪ.

Можетъ быть, ты хочешь...

МИРА

(перебиваетъ его).

Ну довольно, довольно. Садись гдѣ-нибудь...

СИМОНЪ (садится).

Ты не сердись, Мира.

(Мина выносить столъ съ Давидомъ. Дѣти бѣгутъ впередъ)

МИНА

(сѣлъ. Онъ въ жилеткѣ. Обращается къ Габаю).

Вернули книжки!..

ГАБАЙ

(поднялъ голову).

Знаю. Они сами себѣ готовятъ гибель. Въ городѣ уже наберется тысячи безработныхъ. Это тянется съ мая.

(Симонъ тихо напѣваетъ. Играетъ палкой)

М И Р А.

Не пой, Симонъ!

М И Н А.

Гибель? Кого хозяевамъ бояться,—насъ? (Иронически разсмѣялся и ударилъ рукой по столу) Такихъ трусовъ? Всѣ мы храбрые дома... съ женами... а тамъ бы хоть слово сказали. Все хорошо понимаешь, а говоришь себѣ: лучше потерпѣть.

Г А Б А Й.

Не надо терпѣть.

М И Н А.

Легко сказать! На что я вспыльчивый, а тамъ я типе ципленка. Языкъ не поворачивается, — вотъ какими насъ сдѣлали. И почему имъ бояться насъ? Развѣ мало безработныхъ? Или сила не за нихъ? Что же она ужинъ не подаетъ. Нахома!

Н А Х О М А

(выносить большую чашку съ супомъ. Глаза у нея заплаканы).

Ну, вотъ, кушайте.

М И Н А.

Слезы? (Раздраженно) Сейчасъ перестань плакать!

Н А Х О М А.

Я перестала... Кушай!

(Всѣ садятся за столъ, кромѣ Бермана, Габая и Симона)

М И Н А (ѣсть).

Я еще съ утра видѣлъ, что дѣло наше плохо. Это чувствуется. Стоишь въ проклятой жарѣ или суетишься,—нѣтъ, что-то не то: другимъ воздухомъ пахнетъ. Передай-ка мнѣ хлѣбъ, Нахома.

НАХОМА (съ отчаяніемъ).

Я думаю, что теперь не такъ скоро работа найдется.

МИНА.

Мы это увидимъ. Кто-кто, а я-то ужъ работу найду.

МИРА.

Откуда у васъ такая увѣренность?

МИНА.

Оттуда! Захочу и отыщу!

СИМОНЪ (несмѣло).

Это легче сказать...

БЕРМАНЪ.

Мертвые будутъ хоронить живыхъ, охъ-ой-ой, вотъ какъ будетъ. Дайте только холоду придти.

МИНА (вспылилъ).

Зачѣмъ вы вмѣшались, вы, пятая нога? Какое вамъ дѣло? Что онъ хочетъ, этотъ старикъ? Сидите на своемъ мѣстѣ и вздыхайте, чтобы не слышно было.

НАХОМА (съ укоромъ).

Мина! Мина!

МИНА.

Зачѣмъ же онъ вмѣшивается? Обойдутся безъ его скрипки. И ты тоже, Нахома!... Вытри глаза. Не могу видѣть, когда у тебя текутъ слезы по лицу. Кушай, какъ я! Пусть все погибнетъ,—кушай!

ГАВАЙ

(поднявъ голову).

Это не долго продлится.

МИНА.

Что? Можетъ быть, вы поможете? (Разсмѣялся) Вмѣстѣ издыхать будемъ. Что? Вмѣстѣ будемъ. Когда начнемъ голодать, вцѣплюсь въ Нахому и въ дѣтей и лягу посреди города.

ГАВАЙ.

Это не поможетъ. Вы все-таки умрете.

(Симонъ сѣлъ подлѣ Миры и шепчетъ ей что-то. Она недовольно пожимаетъ плечами)

МИНА.

И вы тоже умрете.

ГАВАЙ.

Не дешево... будьте спокойны.

НАХОМА.

Мина, Мина!

МИНА.

Ну? Только поскорѣе. Кушайте, дѣти.

НАХОМА (твердо).

Мина, позволь мнѣ тебѣ сказать... Ты такой вспыльчивый. Позволь мнѣ... Вотъ ты остался безъ работы. Даже голова кружится, такъ мнѣ страшно...

МИНА.

Поскорѣе, поскорѣе...

НАХОМА.

Я плачу... Не могу я слезъ удержать!

МИНА

(словно готовится броситься на нее. Начинаетъ заикаться).

Ну, что ты еще скажешь?

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

НАХОМА (путаясь).

Когда я стояла подлѣ тебя въ комнатѣ, я опять почувствовала... Да, я почувствовала этотъ запахъ. И мнѣ хотѣлось тебѣ сказать съ упрекомъ: опять, Мина! Теперь-то? Вѣдь ты мнѣ обѣщала, ты клялся! Опять, Мина, эта проклятая водка! Уже тянетъ тебя къ ней. Вотъ ты теряешь все и разумъ. Характеръ у тебя портится...

МИНА.

Молчи, Нахома!

НАХОМА.

Хотѣла-бы... Въ комнатѣ удержалась, а здѣсь не могу. И какъ молчать, когда вижу нашу гибель? А о чемъ, Мина, раньше плакать мнѣ?

МИНА (сдерживается).

Дай мнѣ покушать, Нахома. Ты должна меня понять. Голова не на мѣстѣ, и вотъ я рюмочку выпилъ.

НАХОМА.

Сегодня одну? А въ пятницу, а на прошлой недѣлѣ? Ты всякій разъ находишь предлогъ... А голодь не за горами!

МИРА.

Кушай, Нахома.

МИНА.

Плевать мнѣ на твои слова, если такъ!...

НАХОМА.

Вотъ здѣсь нѣсколько человѣкъ, спроси ихъ, хорошо ли это? Спроси у дѣтей!

МИНА (встаетъ).

Замолчи, Нахома! Замолчи!...

НАХОМА.

Надо же меня понять... Нищета, четверо дѣтей, ни одного дня покоя, ни дня отдыха! Все скорби, скорби, да скорби! Что же это за жизнь?

МИНА.

Нахома, замолчи! Мнѣ кровь бросается въ голову...

НАХОМА.

Сердце стонетъ во мнѣ... Палачъ идетъ на насъ, надо умѣть встрѣтить его... Надо! Вотъ стояла въ комнатѣ и думала: лучше взять топоръ и убить всѣхъ насъ, если Мина опять выпилъ.

МИНА.

Пусть отсохнетъ твой языкъ! (Встаетъ и съ гнѣвомъ) Сейчасъ! Пусть отсохнетъ! И ты замолчишь... Не смѣй мнѣ противорѣчить! Пусть отсохнетъ, говорю я! (Бьетъ рукой по столу, лицо у него передергивается) Отсохнетъ!...

ГАБАЙ (встаетъ).

Садитесь, Мина! Будетъ вамъ кричать.

МИНА.

Что? Кто смѣетъ со мной такъ говорить? Я... (задышается) Я, Я... (подымаетъ край стола и опускаетъ его съ силой). Ты... ея... любовникъ! Ага! Любовникъ! (Хочетъ броситься на Габая, но его удерживаютъ) Я... я... тебя убью! Что? Ты... ты здѣсь не хозяинъ! Я хозяинъ! Всѣхъ убью, ее и дѣтей!

МИРА.

Мина, съ ума вы сошли. Сядьте, Мина, довольно!

НАХОМА.

Лучше кричи, лучше убей насъ, лишь бы не пей.
Что за жизнь у насъ будетъ!

(Вокругъ нихъ собираются сосѣди:
мужчины, женщины, дѣти)

МИНА

(садится. Сердитымъ тономъ).

Такъ я хочу. Буду пить, буду пьянствовать. Тебѣ
на зло—на улицахъ валяться буду.

ВЕРМАНЪ.

Успокоились бы вы, Мина! Собрали народъ... И се-
вѣмъ не весело это слушать! Жалко это слушать.

МИНА.

Смотри, Нахома, что ты дѣлаешь. Помни это...

НАХОМА.

Убей меня,—это легче! Не могу я видѣть—какъ ты
падаешь.

МИРА.

Что за жизнь!... (Встаетъ въ волненіи)

МИНА

(опять встаетъ).

Молчи же, проклятая! Вотъ мое честное слово, что
подниму руку на тебя. Честное слово. Трижды честное
слово мое!...

НАХОМА (встаетъ).

Не могу я сидѣть за столомъ. Что ты рассказыва-
ешь, что руку поднимаешь. На меня? На меня? Гдѣ же
твой Богъ? Развѣ я пьянствую? Развѣ я не работаю
или не смотрю за дѣтьми? Или гуляю на сторонѣ? За
что?—спрашиваю тебя. Не говори этихъ словъ, Мина!
Моя душа переполнилась. Чувствую, что кончается мое
терпѣніе...

МИНА.

Какъ?... (Заикается) Молчать! Закрыть ротъ!

СИМОНЪ.

Должны же вы перестать. Нахома, Мина!

МИНА.

Ни звука! Замереть... Не дышать!... Противъ кого она? Противъ этихъ усталыхъ рукъ? Противъ этой спины? Противъ этихъ мозолей? Замереть, на колѣни пасть... Смотрите на это измученное тѣло! Когда я отдыхалъ? Когда? Пусть кто-нибудь скажетъ, когда Мина прилежъ отдохнуть? Или когда голова его лежала спокойно на плечахъ, или когда его лицо смѣялось? Шестъ человекъ носить Мина на себѣ, и каждый виситъ на его жилахъ! Шестъ!... Съ шестью страданіями онъ ложится, съ ними отъ встаетъ! Шестъ съ нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ...

СОСѢДЪ (пожилой).

Мы всѣ работаемъ до упаду. Посмотрите на насъ: мы всѣ готовимся къ смерти. Зачѣмъ же ссориться?

НАХОМА.

Дай мнѣ сказать, Мина. Вотъ люди собрались,— пусть скажутъ, пусть разсудятъ. Ты приносишь шесть рублей въ недѣлю... Отсчитай для себя полтора,—что намъ остается? Ты спросилъ, какъ могу я накормить всѣхъ? Голова моя разрывается!.. Насъ шестеро, мы голодаемъ, и я, какъ проклятая лошадь, работаю на васъ. Скажи, упрекнула ли я тебя за эти двѣнадцать лѣтъ? Съ ногъ я падаю ежеминутно, но еще не спросила, когда конецъ, гдѣ конецъ? Мечтала я, Мина: потерплю еще, дѣти подрастутъ—и легче станетъ. Отдохнетъ моя голова! Свою жизнь, Мина, я потеряла и не думала о ней: такова моя судьба! Такова, Мина, и твоя

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

судьба, таковы всё мы здѣсь... Но терпѣла я и голодъ, и болѣзни дѣтей и голодная думала: вотъ, Богъ дастъ, опять Мина станеть работать. Уговорю я Мину и онъ станеть человѣкомъ. А вотъ, Мина, ты началъ отбиваться... И этого я испугалась... Въ нашей жизни голова на плечахъ должна быть ясной...

МИНА (растроганно).

Я испугался, Нахома. Голодъ мнѣ вспомнился и я выпилъ... Только одну рюмочку.

СОСѢДЪ.

Мы бы всё напились съ горя.

ДРУГОЙ.

Выбросили людей на улицу! Что дѣлать?

МИНА.

Терпѣть надо! Если бы не боялся, всёхъ перебилъ бы отъ гнѣва...

СОСѢДЪ.

Гдѣ силъ взять для терпѣнія? Вотъ у меня шестеро дѣтей, (указываетъ на другого) а у него пятеро! Тамъ восьмеро, а тамъ десятеро! Здѣсь больныя женщины, тамъ больныя дѣти, а тамъ мужичины, тутъ старики — и всё безсильные... А голодъ уже чувствуется, голодъ уже бьетъ. И хочется умереть. Развѣ теперь время ссориться? Посмотрите кругомъ! Оглянитесь! Сердце дрожить, сердце стонеть.

ТРЕТІЙ (мрачно).

Несчастные мы!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Надо вырыть большую яму и всѣмъ лечь въ нее....
Пусть насъ закопаютъ!

(Ропотъ и жалобы. Гавай стоитъ среди толпы и старается разслышать то, что ему говоритъ первый сосѣдъ. Онъ дѣлаетъ нетерпѣливые жесты, начинаетъ волноваться)

ГАВАЙ.

Почему же вы только плачетесь? Не жалость рождаетъ ваши слезы, а гнѣвъ. Влейте немного смѣлости въ свои жилы и скажите прямо, чего хотите! Ее можете? Нѣтъ? Такъ я скажу за васъ. Вотъ ваши палачи!
(Указываетъ на городъ)

МИНА (бормочетъ).

Мы трусливы, какъ кошки...

ГАВАЙ.

Кто виноватъ въ вашихъ несчастяхъ и въ вашихъ, и въ вашихъ? Скажемъ всѣ въ одинъ голосъ: они!

СОСѢДЪ.

Не говорите такихъ словъ...

ВТОРОЙ.

Мы боимся нашей тѣни.

СЕМЪ

(стоявшій въ толпѣ).

Вы не должны возбуждать народъ.....

ГАВАЙ (рѣзко).

Оставьте меня, Семъ! (Обращается ко всѣмъ) Вы боитесь? Что же вы за люди такіе?.. Молотъ бьетъ по нашимъ спинамъ,—возмутимся!... Возстанемъ противъ угнетателей! Обрушимся на нихъ, и они побѣгутъ отъ на-

шего гнѣва, отъ нашей силы. Пойдемъ туда, запрудимъ ихъ улицы, ихъ площади и подь окнами ихъ станемъ съ угрозой... Пойдемъ туда и громко скажемъ, чего хотимъ,—и получимъ..... Еще разъ! Возмутимся! (Съ силой) Еще разъ! Возстанемъ!... Падеть угнетатель—и встанеть господинъ: господинъ-народъ! Онъ устроитъ жизнь! Или вы не хотите народа-господина? Тогда молчите: пусть насъ задавятъ, пусть насъ замучатъ... Слушайте! Начинаются безумные дни! Неистовые дни начинаются. Вспомнимъ всѣ обиды, всѣ наши горести, всѣ несчастья и съ смѣлымъ сердцемъ пойдемъ туда! Пойдемъ...

(Толпа начинаетъ волноваться)

СЕМЬ

(бросается впередъ).

Народъ, назадъ! Онъ зоветъ васъ на гибель! Назадъ, народъ!

(Волненіе растетъ. Иные грозятъ кулаками. Гдѣ-то во дворѣ Гершель кричитъ)

ГЕРШЕЛЬ.

Голодъ идетъ! Голодъ!... Ага, ха-ха!

С. Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

С. Юшкевичъ. Голодъ.

4

Комната средней величины. Сырые стѣны, грязный полъ. Напротивъ широкая деревянная кровать. Слева окно на улицу. Справа плита, кое-какая утварь на полкахъ. Маленькій шкафчикъ. У стѣны узенькая деревянная кровать, принадлежащая Мирѣ. Подлѣ казанокъ. Посреди круглый столъ и три табурета. Напротивъ дверь.

Октябрьскій вечеръ. Стѣнная лампочка освѣщаетъ комнату. Дѣти На хомы лежатъ на кровати. Бетька и Давидъ сидятъ тутъ же. Пятилѣтній Нахмале плачетъ.

ВЕТЬКА (грустно).

Не плачь, Нахмале,—ты умный мальчикъ. Бетька тебя любить, потому что ты всегда былъ умнымъ мальчикомъ. Сейчасъ придетъ мать и принесетъ хлѣба...

ДАВИДЪ (мрачно).

Кто ей дастъ? Пошла она въ общество, и ей отказали. Почему? Потому что въ этомъ году много голодающихъ. Не хватаетъ на всѣхъ. А богатые не жертвуютъ. Такіе жадные, что не хотятъ и жертвовать. Даже угля въ этомъ году дали только пять пудовъ, а въ прошломъ десять.

ВЕТЬКА.

Можетъ быть, она всетаки принесетъ что-нибудь?

ДАВИДЪ.

Не принесетъ! Вчера вѣдь не принесла! Сегодня ночью я лежалъ и долго думалъ, отчего богатые никого не жалѣютъ? Тутъ я вспомнилъ о нашемъ бѣдномъ Фавеле и заплакалъ. (Вытираетъ глаза)

ВЕТЬКА (жалобно).

Не вспоминай о немъ, Давидъ! Какъ онъ ручками дѣлалъ? Вотъ такъ онъ дѣлалъ (показываетъ) и пицалъ, какъ кошечка. (Заплакала. Пауза)

ДАВИДЪ.

Мина уже два мѣсяца ничего не зарабатываетъ. Меня сапожникъ разсчиталъ. Никто не работаетъ, и я не знаю, что будетъ съ нами. Умремъ мы всѣ съ голода. Пошелъ бы украсть, да боюсь.

БЕТЬКА.

Красть нельзя.

ДАВИДЪ.

Конечно, нельзя, но что же дѣлать? И жалко мнѣ всѣхъ. Нахома уже все продала, что въ комнатѣ было. Къ кому ни зайдешь во дворѣ,—все продано, всѣ плачутъ. А что у бабушки Оснесъ дѣлается? А у Перки? А у Фавла? И теперь тутъ дѣти у всѣхъ умираютъ... Ты крѣпко голодна, Бетка?

БЕТЬКА.

Даже здѣсь болить. (Указываетъ. Нахмале заплакалъ) Спи, Нахмале. Вотъ мать придетъ и хлѣба принесетъ, Нахмале. (Со слезами) Нахмале! Что же ты плачешь?

ДАВИДЪ.

Онъ хочетъ кушать.

БЕТЬКА.

Что же я буду съ нимъ дѣлать? (Растерянно) Нахмале!

ДАВИДЪ.

Знаешь, Бетка: ляжемъ всѣ мы вмѣстѣ и закроемся. Можетъ быть, уснемъ и забудемъ, что голодны. (Всѣ ложатся и закрываются старымъ одѣяломъ. Пауза.)

ДАВИДЪ.

Ты спишь, Бетка?

БЕТЬКА.

Я закрыла глаза и увидѣла... хлѣбъ... съ поджаренной коркой... такой красной...

ДАВИДЪ (блаженно).

Я тоже вижу... Теплый такой,—правда, Бетька? Такт-онь пахнетъ хорошо.

БЕТЬКА.

Пахнетъ? А я вижу поджаренную корку... (Вормочеть) съ красной коркой... Я кушаю... Дѣтей жалъ.

ДАВИДЪ.

И я жалѣю. Нахому жалѣю и мужа Перки, и Фавла... Отчего же Нахома не приходитъ?

БЕТЬКА.

Не плачь же, Нахмале! Принесетъ мать хорошій хлѣбъ.

ДАВИДЪ

(какъ бы со сна).

Что ты сказала, Бетька? А я больше не могу выдержать. Я кушать хочу! (Вскакиваетъ) Кушать... (Подбѣгаетъ къ окну и стучитъ) Дайте намъ хлѣба, хлѣба!..

БЕТЬКА.

Онъ круглый... съ коркой. (Вормочеть) И селедку. (Съ восторгомъ) Селедка, Давидъ. Такая вкусная. (Давидъ стоитъ у стѣны и бьетъ въ нее кулакомъ. Бетька подбѣгаетъ къ нему съ плачемъ)

БЕТЬКА.

Давидъ, перестань. (Точно вспомнила) А гдѣ-то те-перь кушаютъ, гдѣ-то смѣются...

(Стоять и плачутъ. Входитъ Нахома. На ней старая шаль. Въ рукахъ корзинка. Пытливо оглядываетъ комнату)

ДАВИДЪ (съ радостью).

Вотъ Нахома пришла. Ты принесла что-нибудь?

ВЕТЬКА
(бросается къ ней).

Мать, мать! (Плачетъ) Я думала, что ты никогда уже не придешь.

НАХОМА.

Вотъ и пришла. Перестань... Сейчасъ будетъ тепло. Дѣти плакали?

ВЕТЬКА.

Плакали... они звали тебя.

(Нахома сбросила корзинку на столъ. Сбросила съ себя шаль. Давидъ и Бетька рожются въ корзинѣ и вскрикиваютъ: „хлѣбъ уголь, картофель!“)

НАХОМА

(подходить къ кровати и оглядываетъ спящихъ дѣтей).

Дѣти. (Со слезами на глазахъ) Дѣточки мои, птички мои. (Беретъ Нахмале на руки) Нахмале, жизнь моя. (Страстно цѣлуетъ его) Я принесла тебѣ хлѣба. Нахмале, Нахмале. (Мальчикъ стонетъ. Она стонетъ за нимъ, думая, что ему отъ этого легче) Любишь свою мать, любишь? (Подбѣгаетъ съ нимъ къ корзинѣ, вынимаетъ оттуда хлѣбъ и показываетъ ему) Видишь, что я тебѣ принесла? Давидъ, разрѣжь хлѣбъ. Только на маленькіе кусочки.

(Суетится по комнатѣ. Дала каждому хлѣба. Всѣ кромѣ нея усаживаются рядышкомъ на кровати и жадно ѣдятъ. Шумно выражаютъ свою радость)

НАХОМА.

Не кричите, дѣти. Что-то голова у меня болитъ. Никто не приходилъ? Отца не было? (Разводитъ огонь въ казанкѣ. Поставила варить картофель) Сейчасъ будетъ тепло. А отца еще не было?

ДАВИДЪ.

Нѣтъ. (Ѣсть) Гдѣ ты работала сегодня, Нахома?

НАХОМА.

Гдѣ? Не знаю. Кажется, я горы переворачивала. И что принесла? Пятнадцать копѣекъ. Купила пять фунтовъ угля, хлѣба, картофеля и ни гроша не осталось. Опять ни гроша.

БЕТЬКА.

Дай, мать, еще хлѣба Нахмале.

НАХОМА.

Уже съѣлъ весь хлѣбъ? Не кушай такъ скоро, Нахмале. Нельзя такъ скоро кушать. Надо отцу оставить. Вотъ возьми, только потихоньку кушай. Видишь какъ? Кусочекъ—и въ ротъ. Долго держи во рту.

(Береть его на руки, опять страстно цѣлуетъ. Посадила на кровать. Входитъ Оснесъ. Стоитъ на порогѣ и какъ бы колеблется зайти. Смотритъ скорбно и умоляюще. Голова ея трясется)

ОСНЕСЬ

(дрожащимъ голосомъ).

Добрый вечеръ, Нахома.

НАХОМА.

Не стойте же на порогѣ, бабушка. Закройте дверь, на дворѣ не лѣто...

ОСНЕСЬ

(долго возится съ щеколдой).

Вотъ этими руками когда-то мнѣ переворачивала, хи-хи. Теперь онѣ никуда не годятся... Никуда. Хи-хи.

НАХОМА.

Этими руками? (Посмотрѣла на нее) Хорошо, хорошо. Что же вы стоите? Сядьте гдѣ-нибудь. А что ваша Ита?

ОСНЕСЬ шопотомъ).

Смерть прокрадывается въ мой домъ. Ахъ, Нахома, Нахома... И маленькая уже свалилась.

НАХОМА.

Что вы говорите? И маленькая? Когда?

ОСНЕСЬ.

Сегодня утромъ. Горитъ дѣвочка и... кусочекъ лимона просить... А у меня ни одного гроша. Два дня мы уже не ѣли... Вы хорошая, Нахома. Шла по двору и думала: Нахома у насъ хорошая.

НАХОМА (подозрительно).

Вотъ этого не говорите, бабушка. Если человѣку плохо, онъ хуже звѣря. (Вспомнила о своей заботѣ) А Мины все нѣтъ.

ОСНЕСЬ

(подходить къ Нахомѣ и долго смотреть на нее).

Нахома!

НАХОМА.

Что, бабушка?

ОСНЕСЬ.

Нахома, я къ вамъ зашла. И въ той квартиркѣ была, и у другихъ людей была... (Безнадежно машетъ рукой) Стѣны кричатъ, стѣны плачутъ... Зашла и къ Перкѣ. О чемъ вамъ раньше рассказать? О ней или о Куиѣ, или о ея дѣтяхъ? Комната пустая. какъ въ лѣсу—у нея страшно. И четвертый день ничего во рту не имѣли. А Куна кончается,—хрипитъ уже Куна.

НАХОМА.

Не рассказывайте мнѣ. (Сердито) Прошу васъ, бабушка... Тамъ насмотрѣлись, а сюда пришли свалить... Не мое дѣло. Не мое... (Машетъ руками)

ОСНЕСЬ.

Нахома! Кусочекъ лимона. Одинъ только кусочекъ лимона она просить. Что-то ей нехорошо. Одолжите мнѣ что-нибудь, хоть пять копѣекъ. Куплю четверть лимона, четверть хлѣба, заварю въ лавочкѣ чай... Что-нибудь, Нахома. Вы думаете, для меня? Ничего не хочеть это тѣло,—только сердце еще чувствуетъ. Что-нибудь, Нахома.

НАХОМА

(смотреть на нее съ упрекомъ).

Мнѣ кажется, что вы съ ума сошли, бабушка.

ОСНЕСЬ.

Я уже и здѣсь всѣ сто квартиръ обошла, и въ со-сѣднемъ домѣ обошла... Даромъ, Нахома. Ни у кого ничего нѣтъ. Пустые лѣса стоятъ. А въ городъ не могу пойти, нѣтъ, не могу. Хоть пять копѣекъ, Нахома. Хоть три копѣйки. Вы добрая, Нахома. (Трясетъ головой)

НАХОМА.

Что вы сказали, бабушка? Подумайте. Пять копѣекъ? Теперь? Съ ума вы сошли. Сегодня я заработала пятнадцать копѣекъ... Заработала... Ударило васъ? Два дня бѣгала, искала, а на третій пятнадцать копѣекъ заработала. А сколько наработалась, а какъ наработалась! Вѣдь если нѣтъ копѣйки, то это тоже самое, что нѣтъ тысячь. А что мои глаза кругомъ видѣли? (Съ ужасомъ) Голодь. Люди кричатъ и падаютъ. Скажите, гдѣ взять душу крѣпкую? Люди бьютъ другъ друга за грошъ, меньше чѣмъ за грошъ, и падаютъ...

ОСНЕСЬ.

Знаю, Нахома, ахъ, знаю.

НАХОМА.

Пять копѣекъ. Скажите—пять тысячъ и это будетъ не меньше. Идите и не мучьте моего сердца.

ОСНЕСЬ.

Хоть что-нибудь, Нахома. Какъ мнѣ домой вернуться? Если бы вы слышали, какъ она просить... Плача ея не могу перенести.

НАХОМА (въ волненіи).

Ну и пусть ваша внучка умретъ. Легче вамъ будетъ. Умеръ же мой Фавеле. Я только стиснула зубы... Только. Пусть весь міръ умретъ... Кто теперь царь нашъ? Голодъ. Такъ молчите. Будемъ молчать. Скушаемъ послѣдній хлѣбъ и впустимъ царя... Умеремъ. Кто первый, кто послѣдній. Бейтесь, можетъ быть вы будете послѣдней,—но не трогайте меня. Не бейте моего сердца. Не смѣйте. Я пью свой ядъ.

ОСНЕСЬ.

Я боюсь васъ, Нахома.

НАХОМА

(иронически разсмѣялась).

Кого? Меня? Меня? (Еще разъ разсмѣялась и грозно) Вставьте раньше въ ротъ мой желѣзные зубы, тогда бойтесь. Я буду кусаться. Дайте мнѣ сильное сердце, крѣпкую душу и тогда кричите: я боюсь Нахомы. Возьму я голодъ за шиворотъ и брошу его сильнымъ, какъ бросаютъ большой камень въ дорогое зеркало. Или дайте мнѣ широкую глотку,—вотъ когда бойтесь. Я крикну такъ, что люди содрогнутся...

ОСНЕСЪ (испуганно).

Вы такъ, тамъ (дѣлаетъ жестъ) иначе,—но всѣ сойдемъ съ ума.

НАХОМА.

Говорю вамъ,—я пью свой ядъ.

(Входятъ Берманъ и Семъ. Берманъ въ шубенкѣ,—вокругъ шеи красный шарфъ. Въ рукахъ у него старая дамская кофточка. Семъ раздѣвается и усаживается подлѣ казанка. Держитъ молитвенникъ въ рукахъ)

БЕРМАНЪ (съ удивленіемъ).

Тепло здѣсь. Охъ-ой! А на улицѣ рѣжетъ, — вотъ такъ рѣжетъ. Бросаетъ вѣтеръ людьми. (Снимаетъ съ себя шубу, шарфъ и крихтитъ) Кости мои перемерзли,— вотъ какой морозъ теперь... Гдѣ Мина? (Разсматриваетъ кофту)

НАХОМА.

Не пришелъ еще Мина. Что это вы купили сегодня?

БЕРМАНЪ

(пожимаетъ плечами).

Спрошу у васъ. Самъ не знаю... Народъ все уже распродалъ, что имѣлъ. Теплая кофточка,—а кому она нужна? Теперь ей цѣна какъ разъ два гроша, а я далъ пятнадцать копѣекъ. Охъ-ой-ой, Нахомочка, плачется народъ.

НАХОМА.

И я продала все, что у меня было.

БЕРМАНЪ

(вѣшаетъ кофточку на гвоздь).

Охъ-ой-ой! Говорятъ, что въ Писаніи сказано про тотъ голодь. Ходишь по улицѣ и слышишь: кризись,

кризисъ; а я не знаю, что въ Писаніи сказано про этотъ голодь. Такой человекъ мнѣ объяснилъ. (Подходить къ Сему и тычетъ пальцемъ въ его молитвенникъ) Почитайте-ка намъ, Семъ. Я простой человекъ,—но сказано такъ: „Придетъ такая зима, что всѣ люди, сколько ихъ есть бѣдняковъ, умрутъ отъ голода. Почернѣетъ небо и хлынетъ каменный дождь“. Охъ-ой-ой! Вотъ какъ сказано. „И всѣ звѣри, домашніе и дикіе, умрутъ отъ голода. И всѣ птицы, что умѣютъ летать и не умѣютъ, умрутъ отъ голода. И останутся одни богатые“. Такъ говорить народъ. Охъ-ой-ой. Охъ-ой-ой!

СЕМЪ.

Этого нѣтъ въ Писаніи, примите руку...

БЕРМАНЪ.

А можетъ быть, и нѣтъ. Я простой человекъ и ничего не знаю. Старикъ одинъ мнѣ сказалъ. И звѣзду какую-то ищутъ на небѣ. Съ хвостомъ. Охъ-ой-ой! Вотъ я скажу такъ: (тычетъ пальцемъ въ воздухъ) міръ темный, и жизнь темная. (Садится на корточкахъ у казанка и грѣетъ руки. Оснесъ подходитъ къ нему)

ОСНЕСЪ.

Хотѣла бы у васъ, Берманъ, попросить... Что-нибудь, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Что хочешь, старуха? Просить. Я лучше тебя умѣю... Не помогаетъ, старенькая. Всю жизнь прошу, языкъ мой шелковымъ сдѣлался,—не помогаетъ, нѣтъ, нѣтъ, охъ-ой-ой. И тебѣ не поможетъ. Какъ добрая собачка, я и такъ ложусь и вотъ такъ, и на лапкахъ стою, и на веревочкѣ танцую,—не помогаетъ.

ОСНЕСЪ

(подходить къ Сему).

Ну, а вы, Семъ? Что-нибудь?..

НАХОМА

(послѣ колебанія).

Возьмите, бабушка, кусочекъ хлѣба.

СЕМЪ.

Не смотри на меня, Оснесъ.—Не проси: что у сторожа за богатство. Меня не трогай, Оснесъ.

ОСНЕСЪ.

Хлѣбъ—что-нибудь. Ахъ, Нахома... Ну пойду уже. Зайдите, Нахома, къ Перкѣ. Вотъ къ ней зайдите. (Къ Сему) А я не сержусь, Семъ. Душа болитъ, а на людей не сержусь, хи-хи. Нѣтъ, нѣтъ, хи-хи. (Выходить. Нахома провожаетъ ее глазами)

НАХОМА.

Вотъ, дядя, какъ люди умираютъ съ голода. Тихо и безъ шума. Маленькая ея тоже свалилась.

(Семъ погрузился въ молитвенникъ, не отвѣчаетъ. Нахома снимаетъ кастрюлю съ казанка и выбираетъ картофель)

БЕРМАНЪ

(вытащилъ изъ кармана соленый огурецъ и кусокъ чернаго хлѣба).

Только-что въ лавочкѣ рассказывали, что на улицѣ подняли голоднаго... Шелъ человѣкъ и упалъ... (Есть) Хорошій человѣкъ съ виду, говорятъ—съ бородой, шелъ и упалъ. (Послѣ молчанія) Кто-то далъ ему кусокъ хлѣба... И онъ заплакалъ. Охъ-ой-ой.

БЕТКА.

Пусть онъ не рассказываетъ, мать. Я боюсь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

ВЕРМАНЪ.

Не надо бояться... Еще хуже будетъ. Пройдись-ка по базару, Бетька.

НАХОМА (къ Сему).

А почему вы молчите, дядя? Ничто васъ не трогаетъ? Все молитесь,—еще не надоѣло? Ступайте лучше на улицѣ и соберите народъ. Что вы эту книгу все передъ глазами держите? Зачѣмъ вы молитесь, кому вы молитесь?

СЕМЪ

(спокойно, потомъ съ волненіемъ).

Каждый здѣсь приставленъ къ чему-нибудь, Нахома. Этого ты не хочешь знать. Тебѣ мучиться, мнѣ молиться, тому кричать... Набери въ ротъ воды и ты тоже чему-нибудь научишься. Кто слышитъ крикъ человѣка, страданіе человѣка? Люди? Ты не скажешь: люди. Онъ слышитъ. Повернись же лицомъ къ Нему, закрой глаза и стань на колѣни. Ты хочешь крикнуть. Задави свой крикъ,—ну, задави же. Задави. Смотри, вотъ очистился путь твой и ты идешь по ровному пути Ты идешь, куда нужно. Не бойся. Кто-то стонетъ, кто-то плачетъ,—прислушайся. Развѣ это ты? Это Онъ. Въ Немъ боли, въ Немъ скорби...

НАХОМА.

Не говорите, дядя. Не смотрите на меня такъ вашими глазами. Почему-то въ душѣ смолкаетъ и она умиляется. Робкой становится моя душа. (Отворачивается отъ него) Но когда я не могу... (Взволнованно) Онъ. Все—Онъ. Гдѣ Онъ? Гдѣ? Подайте-ка мнѣ Его. Поставьте Его здѣсь и я съ Нимъ поговорю, я. Я спрошу Его. Я скажу: Ты, всесильный, всемогущій, всевидящій, почему Ты отвратилъ лицо отъ насъ? Почему лаской и добромъ сіяешь. Ты только сильнымъ, только избраннымъ? Почему одарилъ Ты однихъ всѣмъ—и золотомъ, и здо-

ровьемъ, и теплымъ домою, и смерть Ты посылаешь имъ рѣдко, а у насъ Ты отнялъ все, Ты вырвалъ надежду? Почему, когда Ты говоришь о людяхъ, то думаешь о тѣхъ, а насъ поставилъ ниже скотовъ, ниже червей. И что бы Онъ ни отвѣтилъ, я сказала бы Ему: обманщикъ Ты. Не всесильный, не могущій, а слабый, съ лукавымъ сердцемъ, съ лукавымъ языкомъ. Всѣхъ, что страдаютъ на землѣ, взяла бы въ свидѣтели и сказала бы Ему: уйди съ глазъ нашихъ, лукавое сердце, лживый языкъ. Уйди, прислужникъ богатыхъ, поденщикъ у сильныхъ...

БЕРМАНЬ.

Охъ-ой-ой, Берманъ... До чего мы дожили. Берманъ, Берманъ.

СЕМЪ (сурово).

Я не слышу, Нахома, знай, что я не слышу.

БЕРМАНЬ.

Скажите ей что-нибудь, Семъ. Надо же... Пусть она опомнится. Мучаюсь самъ, но хожу съ опущенными глазами. Языкъ мой тащится по землѣ.

СЕМЪ (твердо).

Будемъ молчать...

(Погружается въ молитвенникъ. Нахома подходит къ кровати и начинаетъ раздѣвать спящихъ дѣтей. Входятъ Симонъ и Мира. Дѣвушка взволнована)

МИРА.

Они сидятъ спокійно. Развѣ вы не знаете, что во дворѣ дѣлается? Куна вѣдь кончается.

НАХОМА.

Я уже слышала объ этомъ, Мира. Мнѣ рассказали.

БЕРМАНЪ (вздыхаетъ).

Голодъ убилъ его...

МИРА.

Весь дворъ собрался у ея дверей. Женщины кричатъ, плачутъ... А Перка... Я только въ окно посмотрѣла и отшатнулась. Голова у меня закружилась.

СИМОНЪ

(обращается къ Мирѣ).

Ты видишь, здѣсь ничего не случилось. Пойдемъ.

МИРА

(сѣла на кровать и цѣлуетъ Нахмала).

Я не пойду. Я раздумала. (Вздыхнула)

НАХОМА.

Куда вы теперь пойдете, Симонъ? Снимите пальто.

СИМОНЪ

Видите ли, Нахома. Она все время у Розы сидѣла, и мы словомъ не обмѣнялись. Понимаете ли вы меня? Нельзя вѣдь разговаривать при чужихъ, о чемъ хочешь. (Къ Мирѣ, умоляюще) Ты мнѣ обѣщала, Мира.

МИРА (нетерпѣливо).

Ну, обѣщала, а теперь раздумала. И перестань повторять: „понимаете вы меня“. (Снимаетъ шаль)

СИМОНЪ (конфузливо).

Я таки перестану... Можетъ быть, ты позже пойдешь, такъ я посижу, хотя мнѣ и нужно къ утру сдать работу. (Неохотно сбрасываетъ пальто)

МИРА (разсѣянно).

Можетъ быть... развѣ я знаю? Что это, Нахома, Миџа еще не пришелъ? Гдѣ онъ можетъ быть?

НАХОМА.

Если бы я знала. (Поднялась и поставила возлѣ казанка табуретку) Сядьте здѣсь, Симонъ, согрѣйтесь.

СИМОНЪ.

Я мороза не боюсь и мнѣ не холодно.

МИРА.

Я принесла сахаръ, Нахома... (Оглядывается, словно ищеть чего-то) А Габай тоже не приходилъ?

ДАВИДЪ (вдругъ).

Смотри-ка: она покраснѣла...

НАХОМА.

Молчи, Давидъ. Такихъ словъ нельзя говорить.

МИРА

(вспыхнула. Встала).

Развѣ я покраснѣла? Симонъ, иди-ка сюда. Посмотри, я покраснѣла?

СИМОНЪ (бормочетъ).

Все это глупости...

МИРА (повелительно).

Подойди, я хочу... Сама хочу узнать, покраснѣла ли я?

ВЕРМАНЪ.

Эта дѣвушка когда-нибудь съ ума сойдетъ. Охъ-ой-ой!

СИМОНЪ (подошелъ).

Немножко, Мира... Но это ничего... только немножко.

С. Юшкевичъ. Голодь.

МИРА.

Неправда. Развѣ можно покраснѣть, когда говоришь: Габай?

СИМОНЪ (осторожно).

Мнѣ кажется, что объ этомъ намъ не слѣдуетъ разговаривать. Выходить какъ будто не красиво... Я ничего не говорю... Понимаешь ты, но это не идетъ какъ-то.

МИРА

(посмотрѣла на него. Торопливо).

Ну, хорошо. Садись тамъ, нѣтъ, вотъ тамъ. Нахома, дай мнѣ свой гребень, я расчешу волосы.

НАХОМА (даетъ ей).

Берманъ, принесите ведро воды. У насъ есть сахаръ, и я сварю чай.

БЕРМАНЪ.

Давайте, охъ-ой-ой. (Одѣвается и выходитъ) .

МИРА

(ходитъ по комнатѣ и расчесываетъ волосы).

А дядя все съ книжкой? Почитайте мнѣ что-нибудь изъ Писанія. (Заглядываетъ въ молитвенникъ)

НАХОМА (къ Симону).

Что у васъ слышно, Симонъ? Есть ли работа?

СИМОНЪ.

Понемножку. Я никогда не жалуясь. Только вотъ... (Сдерживается) Немножко больше, немножко меньше, — безъ бапмаковъ люди вѣдь не живутъ. Зарабатываю теперь свои шесть-восемь рублей въ недѣлю. Заготовщику всегда хорошо. Кризисъ, а я не чувствую его. Вотъ только... (Сдерживается) Вы понимаете меня (Знакомъ указываетъ на Миру) Но нужно терпѣть...

НАХОМА

(разводитъ руками).

Что съ ней подѣлаете?

МИРА.

Почитайте-ка, дядя, что-нибудь изъ Писанія. Зачѣмъ,—не знаю. Но хочу.

СЕМЬ

(нѣжно оглядываетъ ея).

Я расскажу тебѣ объ одной дѣвушкѣ, которую звали —
Мира. Это будетъ лучше.

МИРА

(съ любопытствомъ).

Расскажите.

СЕМЬ.

Ее звали Мирой... Она не знала, чего хочетъ отъ жизни, и никто этого не зналъ. Вотъ это самое главное. Вотъ это...

МИРА

(въ волненіи).

Дядя, откуда вы все знаете? (Быстро рѣшается) Симонъ, одѣвайся и уходи. Сейчасъ. (Со слезами на глазахъ) Уходи и не приходи больше.

СИМОНЪ.

Ну вотъ... (Разводитъ руками. Взволнованно) Это уже пехорошо, Мира, честное слово. Два года хожу сюда, и ты этого никогда не говорила мнѣ. Честное слово, пехорошо это. Всѣ скажутъ: смѣется она надъ Симономъ. Я на тебя не сержусь, но что-то оно пехорошо... Для тебя же. Отчего же ты плачешь? (Растерянно) Отчего же ты плачешь? Вы видите, Пахома. Это трудно

понять, это совершенно трудно понять. (Торопливо, къ Мирѣ) Ну, хорошо, хорошо, вотъ я одѣваюсь, вотъ я и ухожу...

МИРА

(вытираетъ глаза. Засмѣялась).

Какъ я жалѣю тебя.

СИМОНЪ (перебиваетъ).

Вотъ этого ты не должна говорить мнѣ.

МИРА.

Понимаешь ты меня... жалѣю. Я пойду съ тобой. Скорѣй дай мнѣ кофточку, или я раздумаю. (Съ отчаяніемъ) Нѣтъ, я уже раздумала...

СИМОНЪ

(держитъ кофточку въ рукахъ. Съ недоумѣніемъ).

Такой странной дѣвушки, какъ ты, я еще не видѣлъ. Понимаешь ли, — клянусь...

МИРА

(въ отчаяніи).

Чего же я хочу? Я смѣялась. Да, я смѣялась. Я... страдаю... я мучаюсь. (Заплакала. Сдержалась и — нетерпѣливо) Дядя! (Подходить къ нему) Я хочу знать, что пишутъ тутъ. (Тычетъ пальцемъ въ молитвенникъ) Хоть тутъ...

СЕМЪ (просто).

Тутъ пишутъ, что все благополучно, — все благополучно.

МИРА.

Такъ я довольна... Я довольна, Симонъ...

(Слышенъ стукъ шаговъ въ корридорѣ. Входитъ Берманъ съ ведромъ воды въ рукахъ и Габай. При видѣ Габая, Мира садится возлѣ Симона)

ВЕРМАНЪ.

Ну вотъ и вода. Охъ-ой-ой. И этотъ молодецъ — вотъ.

НАХОМА.

Дайте мнѣ ведро. (Беретъ у него ведро и относитъ въ уголъ. Поставила чайникъ на казанкѣ)

ВЕРМАНЪ (къ Габаяю).

Вы молчите. Поговорите-ка... Теперъ спрошу: зачѣмъ мучить эту старую голову? Эта старая голова — вотъ.
(Бьетъ пальцемъ по столу)

СПМОНЪ.

Что съ вами случилось, Берманъ? Здравствуйте, Габай.

ГАБАЙ.

Здравствуйте. (Снимаетъ пальто и ходить по комнатѣ)

ВЕРМАНЪ

(слѣдить за нимъ, съ негодованіемъ).

А еще человѣкъ съ книжками. Скажите вы, Семъ. (Упираетъ руки въ бока) Что значитъ слово—бунтуй? А? Охъ-ой-ой. Какое слово. А? Стыдитесь, молодой человѣкъ.

СЕМЪ.

Изъ-за такихъ народъ распускается. Вотъ враги народа. Сюда не посмотрятъ. (Указываетъ на книгу) Зачѣмъ имъ?

ГАБАЙ

смѣется. Легъ на полъ и подложилъ подушечку подъ голову)
А что сказано въ вашей книгѣ нужное людямъ?

СЕМЪ.

Покорись,—вотъ что сказано.

ГАБАЙ.

Ага. А въ моихъ сказано: борись. (Поднимается, достаётъ пальто, книжку и погружается въ нее) Это получше.

МИРА.

Гдѣ же правда?

СИМОНЪ.

Это уже не наше дѣло.

БЕРМАНЪ

(все стоитъ, уперши руки въ бока).

Змѣя мнѣ милѣе. Она жалитъ, но безъ словъ. Вы молчите, Габай? Развѣ это по-человѣчески? Охъ-ой-ой. Иду я, Семъ, по двору... Что возлѣ Перки дѣлается, словъ много знаю, а не расскажу. Иду, и въ сердцѣ горько-горько... Думаю я себѣ: что же Ты, Господь, задумалъ, когда создавалъ мѣръ и людей. Могъ вѣдь Ты лучше сдѣлать, а создалъ такъ. Почему-то. Создалъ морозъ, бѣдняковъ, голодъ, Перку. Выдумалъ горе, боли, болѣзни и конецъ человѣка. Кажется мнѣ, могъ Ты что-нибудь получше выдумать, а выдумалъ это...

СЕМЪ

(перебиваетъ его).

Лучше бы вы замолчали. (Плюетъ)

БЕРМАНЪ

(не разслышавъ).

Я простой человѣкъ и то, кажется, могъ бы придумать что-нибудь поумнѣе. Сдѣлалъ бы человѣка, такъ изъ стали сдѣлалъ бы его, изъ золота. Не далъ бы ему желудка, чтобы ѣсть не хотѣлось, не далъ бы сердца, а если бы далъ, то сдѣлалъ бы изъ мѣди или изъ чугуна... Нашелъ бы уже планъ. И думаю я себѣ: дуракъ ты, Берманъ. Охъ-ой-ой, ужъ дуракъ. Можешь ли ты по-

нять, что онъ этимъ думаетъ? Вѣроятно, нужно страдать..
Вѣроятно, такъ лучше и не надо спрашивать. Страдай

МИРА.

Не тяните же, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ я иду такъ и все думаю объ этомъ, а на сердцѣ
у меня нехорошо. Черная ночь у меня на сердцѣ... И
вдругъ встрѣчаю я этого чорта...

НАХОМА

(прерываетъ его).

Кажется, это шаги Мины.

БЕРМАНЪ (не слушая).

Добрый вечеръ, говорю ему...

(Габай смѣется. Входитъ Мина.
Шапка у него на боку, глаза го-
рять, походка не совсѣмъ твердая)

БЕТКА.

Отецъ пришелъ. Отецъ!..

БЕРМАНЪ (обернулся).

А, Мина... Ну, довольно—ну, хорошо. (Машетъ рукой
садится у казанка на полъ)

МИНА.

Отецъ. Я, Бетка... Иди, поцѣлуй меня. Пусть никто
не мѣшаетъ. Я буду цѣловаться съ своей дочерью. Доб-
рый вечеръ.

НАХОМА

(всплеснувъ руками).

Ты пьянъ, Мина? Опять ты напился?

МИНА.

Сердцемъ пьянъ я. Злобой пьянъ я. Что такое водка?

А, Семъ? Вы не знаете? Для камня водка — вода. Для отчаянія—мечъ. Съ мечомъ хочу я идти...

(Нахома въ отчаяніи усаживается въ сторонѣ и наблюдаетъ за нимъ)

СИМОНЪ.

Успокойтесь, Мина.

МИНА.

Ага, Симонъ. Это хорошо, что ты здѣсь. Честное слово, сапожникъ.

ГАВАЙ.

Уложите его, Нахома.

МИНА.

Я таки выпилъ, но почему мнѣ нельзя было выпить, когда это ничего не стоитъ? Я, Симонъ, весь день бѣгалъ, какъ вчера, какъ мѣсяцъ тому назадъ. Всѣ двери заперты. Нѣтъ дверей... И я шелъ и спрашивалъ у людей: такъ это правда? Что? Правда? Голодъ! Голодъ! (Въ бѣшенствѣ) Вотъ онъ. Сапожки его подкованы. Тонкій онъ, какъ коса... Лицо его звѣрское... Идетъ и зубами вырываетъ мясо у людей. Съ кровью... Морда его окровавлена. (Грозитъ кулакомъ)

БЕТЬКА.

Опять. Я боюсь его, мать.

МИНА.

Меня? (Хохочетъ) Никто Мины не боится. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который сказалъ бы: я боюсь Мины. Мина былъ трусомъ и есть трусъ. Мина—собака безъ зубовъ.

НАХОМА (умоляюще).

Ложись, Мина. Ноги у меня дрожать отъ страха и отъ отчаянія дрожать. Ложись,

БЕРМАНЪ.

Плохо вы кончите, Мина, охъ-ой-ой.

МИНА.

Нѣтъ, Нахома. Не проси. Развѣ я пьянъ? Душа моя пьяна. Только душа. (Грозно) Нахома, дай Минѣ поужинать... Вотъ эти зубы сегодня еще хлѣба не пробовали.

НАХОМА (угрюмо).

А водку?

СЕМЪ.

Дай ему покушать, Нахома. Не спорь съ нимъ.

НАХОМА.

Пусть возьметъ себѣ, вотъ тутъ, на столѣ стоитъ.

МИНА

(подходить къ столу).

Что тутъ есть? Картофель? Хлѣбъ? (Ѣсть, стоя) Водку? Сейчасъ я тебѣ расскажу, Нахома. Все имѣетъ свою причину. Все. Вышелъ я утромъ, какъ всегда. Бросился къ одному заводу, къ другому, бросился на биржу,—ничего. Бѣгу и думаю, кому продать свою силу? Почему она никому не нужна? За грошъ отдамъ—только возьмите ее.

НАХОМА.

И я такъ бѣгала и тоже самое думала.

МИНА

(оставляетъ ѣсть).

Ты понимаешь, Нахома? Понимаешь? Дѣти тутъ плачутъ, за квартиру не заплачено, въ комнатѣ морозъ,—понимаешь? А лавки открыты, вездѣ торгуютъ хлѣбомъ, углемъ, мясомъ. (Бьетъ рукой по столу) Кто же могъ такъ обмануть насъ? Кто заставилъ насъ думать: это твое, это мое? Я голоденъ, лавки переполнены добромъ. не

смѣй трогать. Умри, но не смѣй. Народъ съ ногъ падаетъ, а никто не подумаетъ сказать: мы не хотимъ больше, довольно.

БЕРМАНЪ.

Ложитесь уже, охъ-ой-ой. Водка сдѣлала васъ сумасшедшимъ.

ГАБАЙ.

Молчите, Берманъ, дайте ему договорить.

МИНА.

Водка? Да, Абрамъ, меня угостилъ,—я выпилъ. Утопился бы я въ водкѣ. Или мы ослѣпли? (Лицо у него подергивается) Я встаю и спрашиваю людей: люди, почему мы должны страдать? Ага, вы не знаете?

ГАБАЙ.

Кто хочетъ страдать, тотъ страдаетъ.

МИНА (со злобой).

Никто не хочетъ. Это колдовство. Вотъ правда. Люди здоровые, сильные,—быки, а не люди,—идутъ тихо... ихъ давятъ, топчутъ,—они идутъ тихо и... ничего... (Съ силой и негодованіемъ) И ничего...

СЕМЪ.

Людямъ данъ одинъ путь...

НАХОМА.

Молчите, дядя. Почему не выйти на улицу и не крикнуть: мы не хотимъ страдать!

ГАБАЙ.

Мы скоро выйдемъ, но скажемъ другое. Подождите немножко.

НАХОМА.

Почему жаловаться тихо-тихо, а не собраться всѣмъ съ заводовъ, съ фабрикъ, съ биржъ, съ окраинъ, пойти туда и сказать: довольно. Сытые и сильные, выходите-ка изъ своихъ дворцовъ, уходите-ка, хозяева,—все принадлежитъ народу. Почему?

ГАБАЙ.

Отлично, Нахома. Лучше и сказать нельзя было... И не сегодня—завтра мы пойдемъ...

МИРА (возбужденно).

Я первая пошла бы. Шла бы впереди и требовала: отдайте народу его хлѣбъ.

СИМОНЪ.

Это не наше дѣло, Мира. Намъ объ этомъ не нужно говорить.

БЕРМАНЪ.

А я лягу. Не хочу этого слушать. Вотъ такъ время, охъ-ой-ой.

МИНА

(слушаетъ. Лицо у него подергивается, кулаки сжимаются).

Почему? Въ этомъ весь вопросъ. Никто не знаетъ, а я знаю. Трусы мы. Проклятые трусы мы, вотъ правда. Жилы наши трусливыя, мясо наше трусливое. Вотъ эти руки трусливыя, эти глаза всего боятся, платье наше трусливое. Потому что сами мы себѣ враги больше нашихъ враговъ. Всѣ стонемъ и отъ работы, и отъ безработицы, а что бьетъ насъ? Сами мы бьемъ другъ-друга. Каждый требуетъ: я для себя хочу. У меня моя жена, моя семья. Умри ты сегодня, а я завтра. Сильные видятъ такой народъ, — сильные бьютъ по такому

народу, и не рождается гнѣва, не рождается. (Грозно) Я пьянъ? Неправда. Сердце ненавистью пьяно противъ своихъ жилъ, противъ своего мяса. Возьмите это проклятое сердце, разорвите его, — я буду смѣяться. Такъ его, такъ его. Не будь трусомъ, — не будь. (Дрожить и опускается на стулъ. Пауза)

Г А В А Й.

Если бы всѣ такъ чувствовали. Если бы...

СИМОНЪ.

Ты пойдешь, Мира? (Хочетъ встать)

МИРА.

Нѣтъ, — сиди. Я дышала свободнѣе... Я хочу надышаться.

ПАХОМА.

Ложись, Мина. Посмотри на себя. Ты на человѣка не похожъ.

МИНА.

И не надо быть похожимъ. Уложи меня гдѣ-нибудь.
(Она стелетъ на полу возлѣ окна)

ПАХОМА (работая).

Видите, дядя, мою жизнь. Если бы не мое терпѣніе...
(Машетъ рукой) Ступай, ложись, Мина.

МИНА (миролюбиво).

Вотъ я выдохся теперь весь. Не сердись на меня, Нахома. Я усталъ, Нахома. Я былъ крѣпкимъ работникомъ, а что изъ меня жизнь сдѣлала. Не сердись. Ты знаешь, какъ люблю тебя, дѣтей. Не я пью, горе мое пьетъ. (Идетъ пошатываясь и устраивается на полу) А вѣдь и завтра нужно жить и послѣзавтра.

НАХОМА.

Не легче мнѣ отъ этихъ словъ, нѣтъ, Мина. Я привыкла къ своей тачкѣ, правда. Я сгибаю спину, но человекъ не желѣзо. Не желѣзо, Мина,—знай это. Вышла я за тебя—тоже я спину согнула... И не лежало мое сердце къ тебѣ, другого я любила,—ты знаешь. Не я шла, судьба моя шла. Помни, Мина, не изъ желѣза я.
(Мина захрапѣлъ)

СЕМЬ.

Ты этого не должна говорить ему, Нахома.

НАХОМА (сосредоточенно).

Кто мои слезы сосчитаетъ? Гдѣ мои слезы?

(Сидитъ удрученная. Пауза. Раздается плачь. Все вскакиваютъ. Въ комнату вбѣгаютъ нѣсколько женщинъ. Въ открытую дверь виденъ длинный корридоръ, гдѣ столпились сосѣди. Нѣкоторые бѣгутъ. Слышны возгласы: „Куна умеръ!“)

НАХОМА

(бросается къ первой сосѣдкѣ).

Богъ съ нами. Богъ съ нами.

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Нахомочка, мать моя. Умеръ, бѣдняжка.

НАХОМА И МИРА.

Умеръ.

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Умеръ, мать моя. (Страстнымъ шопотомъ) Отъ голода. Даже не лѣчили, не кормили. Копѣйки тамъ не было. Несчастная наша жизнь.

НАХОМА.

Неудачница Перка. Бѣдная Перка!

ПЕРВАЯ СОСѢДКА (шопотомъ).

Этого она не перенесетъ. Сама, бѣдняжка, на мертвеца стала похожа.

НАХОМА (растерянно).

Еще сегодня утромъ я съ нимъ разговаривала. Что съ ней будетъ?

ПЕРВЫЙ СОСѢДЪ.

Какъ свѣча онъ угасъ. Тихо, безъ жалобы. (Шопотомъ) И никто ничего не зналъ. Нельзя было говорить.

(Мира, Симонъ, Габай и Давидъ выходятъ. Берманъ поднялся и вышелъ вслѣдъ за ними)

ВТОРОЙ СОСѢДЪ (къ Нахомѣ).

Зайдите хоть къ ней... Выдержитъ ли Перка?

НАХОМА.

Идемъ! (Набрасываетъ на себя шаль. Всѣ выходятъ. Шумъ и плачь постепенно утихаютъ)

СЕМЪ

(одѣваетъ валенки. Провожаетъ толпу возгласомъ).
Въ твои пути вѣрю, Господи.

БЕТЬКА

(дрожитъ. Удерживается отъ слезъ).
Дѣдушка, ты тоже уходишь?

СЕМЪ.

Пора мнѣ... Поставилъ меня Богъ сторожемъ на землѣ.

ВЕТЬКА.

Я боюсь, дѣдушка...

СЕМЬ
(одѣваетъ пальто).

Кого бояться, если Богъ съ нами?

ВЕТЬКА (тайнственно).

Мы тоже умремъ?

СЕМЬ.

Когда Онъ скажетъ—пора,—мы умремъ.

ВЕТЬКА
(послѣ молчанія).

Слышишь, тамъ плачутъ.

СЕМЬ.

Это душа къ Богу уходитъ... Не слѣдуетъ плакать.

ВЕТЬКА (вдругъ).

Я люблю Бога. Вотъ такъ я люблю Его. (Прижимаетъ руки къ груди)

СЕМЬ.

Я Его тоже такъ люблю. Что Онъ дѣлаетъ, то и хорошо. Спокойной ночи, Ветка.

ВЕТЬКА (дрожа).

Спокойной ночи, дѣдушка.

(Семь уходитъ. Пауза. Входятъ Мира и Симонъ. Изрѣдка слышится заглушенный плачь)

МИРА (взволнованно).

Я испугалась. Уведи меня куда-нибудь. (Дрожить) Сейчасъ. Отыщи теплое мѣсто, родное мѣсто. Съ солнцемъ... (Короткая пауза) Пустая комната... мертвое тѣло, уроды дѣти и голодь, голодь. Спрячь меня куда-нибудь.

СИМОНЪ (холодно).

Меня это не тронуло, Мира. Я хочу сказать—тронуло, какъ всякая смерть. Смотрѣлъ и думалъ: вотъ и меньше однимъ несчастнымъ. Несчастливымъ лучше умереть.

МИРА (оглядывая его).

Какъ ты сказалъ, Симонъ? Несчастливымъ лучше умереть?

СИМОНЪ.

Зачѣмъ ты такъ смотришь на меня? Я не могу быть другимъ.

МИРА.

Что же у тебя за сердце?

СИМОНЪ.

Сердце, какъ сердце. И... зачѣмъ говорить объ этомъ? Умеръ—похоронять. Голодаютъ — найдется кто-нибудь и накормить. Я не хочу объ этомъ думать, Мира...

МИРА

(ходитъ въ волненіи по комнатѣ и изрѣдка взглядываетъ на него).

Мнѣ кажется, что ты занялъ всю комнату, всю ты ее наполнилъ, и мнѣ нечѣмъ дышать.

СИМОНЪ.

Зачѣмъ меня мучить, Мира? Или я мало покоренъ тебѣ? Я буду покорнѣе. (Умоляюще) Мира...

МИРА.

Оставь меня.

СИМОНЪ.

Я оставлю... на сколько дней?

МИРА (съ силой).

Оставь меня.

СИМОНЪ (настойчиво).

Чѣмъ ты меня взяла? У меня все есть, что нужно; я доволенъ и только ты... Чѣмъ ты меня взяла? Околдовала ты меня. Ничего я не вижу безъ тебя. Два года не день. Можетъ быть, это болѣзнь,—такъ кто же меня вылѣчить?

МИРА.

Лучше бы ты не говорилъ теперь. Лучше.

СИМОНЪ.

Можетъ быть, и лучше было бы. Не знаю... Всегда ты устроишь, чтобы я не могъ поговорить съ тобой. Вѣдь у меня вѣрное сердце и я всѣмъ доволенъ. Если еще нужно ждать, — я подожду. Я работающій и тебѣ будетъ хорошо у меня. Вѣрь, что будетъ хорошо. Я открою мастерскую... Я вытянусь, я сожмусь,—но тебѣ будетъ хорошо у меня. Дай мнѣ слово. Я не требую и не прошу, я только говорю: дай мнѣ слово.

МИРА.

Что? Слово? (Старается вдуматься) Всѣ слова.. Всѣ мои слова даю тебѣ. Когда ты такъ говоришь со мной, я становлюсь слабой... Да, слабой. Но нужно и меня понять. Нужно. Вотъ я испугалась... О чемъ же ты говоришь. Мнѣ сейчасъ надо подняться.. понимаешь, Симонъ, подняться. Куда? Не знаю. Чего-то хочу я, до смерти хочу. Хочу что-то, чего еще не видѣла. Можетъ быть, красиваго. Можетъ быть, гордаго.

СИМОНЪ.

Тебѣ не слѣдовало ходить туда.

С. Юшкевичъ. Голодь.

М И Р А (не слушая).

Иногда какъ бы со сна спрашиваю: почему я здѣсь? Не здѣсь, въ комнатѣ, (нетерпѣливо) а здѣсь. (Дѣлаетъ жестъ) Почему. Или я прилетѣла сюда, или меня въ цѣпи заковали и привезли сюда. И я смотрю въ окно и бьюсь въ окно. Что-то я вижу тамъ. Что я вижу? Что? Развѣ я знаю. Что-то свѣтитъ, кто-то манить... (Вдругъ какъ бы опомнилась) Это я съ тобой говорю, Симонъ.

С И М О Н Ъ (въ отчаяніи).

Почему я не понимаю тебя. Я—какъ дерево. Мозгъ мой становится каменнымъ. Я хочу думать съ тобой,— не могу. А я люблю тебя всей кровью, всѣмъ сердцемъ.

М И Р А.

Развѣ я могу дать тебѣ слово. Кому, тебѣ. Я вѣдь только жалѣю тебя. Я только спускаюсь къ тебѣ... (Быстро) Нѣтъ, не спускаюсь. (Раздумала) Нѣтъ, спускаюсь. Вдругъ я дамъ слово. (Недовѣрчиво разсмѣялась) Послѣ свадьбы ты отведешь меня къ себѣ, вотъ въ такую клѣтку съ окномъ. Черезъ годъ будетъ ребенокъ. У меня. Я стану худой, какъ всѣ здѣсь, и глаза мои ввалятся, чтобы никогда уже не видѣть свѣта. Ты посѣдвешь... Какъ ты скажешь тогда: „Мира, я люблю тебя“. Симонъ, убей меня сейчасъ.

С И М О Н Ъ (безнадежно).

Опять то же. Опять—нѣтъ, опять.

М И Р А (порывисто).

Конечно, нѣтъ. Всегда нѣтъ. (Колеблется) Или когда нибудь—да. Нѣтъ, нѣтъ. Я вѣдь не люблю тебя. Какъ съ братомъ говорю съ тобой, какъ съ глупымъ бра-

томъ. И ты мнѣ нуженъ, — зачѣмъ-то нуженъ... Нѣтъ, не нуженъ. (Смотритъ на него, какъ бы пораженная чѣмъ-то)

СИМОНЪ.

Ну, перестанемъ. Я опять буду молчать. Опять буду копить деньги и молчать. Я открою мастерскую, у меня дѣло пойдетъ хорошо, можетъ быть богатство смягчить тебя.

МИРА (недовольно).

Это меньше всего, меньше, Симонъ. У тебя вырастетъ борода и посѣдѣетъ. (Всмотрѣлась въ него и разсмѣялась)

СИМОНЪ (серьезно).

Прошу тебя... Я буду ждать. Я умѣю, я долженъ. Мнѣ все равно не жить безъ тебя. Всего ты меня забрала.

МИРА

(пожимаетъ плечами).

Я знаю, ты будешь ждать, пока я покорюсь. Вотъ этого-то боюсь... Нѣтъ, не боюсь. Я не покорюсь, — никогда. Или покорюсь...

СИМОНЪ.

Что же дѣлать. Что я долженъ дѣлать? Скажи.

МИРА.

Откажись отъ меня. Это будетъ лучше. Ты вѣдь, мнѣ нуженъ только... (Обрывается)

СИМОНЪ.

Славно ты хотѣла сказать, Мира... Но я буду ждать. И можетъ быть... Кто знаетъ...

(Доносится сильный плачь)

МИРА (испуганно).

Кто это плачетъ?

(Входитъ Габай, онъ возбужденъ)

ГАБАЙ:

Это выше силъ... Выше. Мозгъ леденѣетъ. Я убѣ-
жалъ оттуда...

СИМОНЪ (спокойно).

А что случилось?

ГАБАЙ

(смотреть на него).

Только-что Перка умерла. Упала на трупъ и не
поднялась. (Угрожающе) О...

МИРА.

Не можетъ быть, Габай. Перка. (Громко) Перка! (Съ
крикомъ) Перка!

СИМОНЪ.

Вотъ это нехорошо. Съ этимъ я согласенъ.

ГАБАЙ.

Что? Съ чѣмъ согласны?

СИМОНЪ.

Ей не слѣдовало умереть. Надо было о дѣтяхъ подумать. Развѣ отчаяніе могло его вернуть.

МИРА.

Я не могу тебя слушать... Перестань.

СИМОНЪ.

Ты не хочешь меня понять... Мира... Я говорю только,
что это меня не трогаетъ.

ГАБАЙ (сердито).

Послушаемъ-ка ваши проповѣди...

СИМОНЪ.

Не знаю, что вамъ нужно отъ меня. Я все понимаю. Оставьте меня въ покоѣ.

ГАБАЙ.

Такъ съ кѣмъ же мнѣ говорить? Подайте мнѣ покойника Куну, — я встряхну его. Я вдуну въ него гнѣвъ...

СИМОНЪ

(отступаетъ отъ него, беретъ за шапку).

Вы меня беспокоите этими разговорами. Не беспокойте меня. Мира, я уйду.

МИРА.

Мнѣ тяжело... Мнѣ страшно... Посиди еще немного. Нѣтъ, лучше уходи.

СИМОНЪ.

Зачѣмъ же онъ меня беспокоитъ?

ГАБАЙ.

Съ кѣмъ же мнѣ разговаривать? (Оглядывается) Со стѣнами. Стѣны, проклятыя, терпѣливыя, кроткія стѣны. Свидѣтели насилій... Проклятыя, глухія стѣны. Слышите? Отъ безстыдной силы, отъ безграницной власти умерло двое и еще погибнуть тысячи. Кричите, стѣны, объ этомъ!

СИМОНЪ (безстрастно).

А я думаю, что лучше быть терпѣливымъ и кроткимъ. Нужно молчать и работать.

ГАБАЙ.

Слушайте, Мира. Нужно взять ихъ тѣла и бросить въ середину города. Возьмемъ мечъ и ткнемъ имъ въ сердце города. Мечъ, залитый нашей желчью, бросимъ въ городъ. Какъ смѣемъ мы такъ умирать, такъ?..

МИРА

(съ увлеченіемъ).

Я пойду съ вами, Габай, — я буду съ вами. Симонъ, — я уйду съ нимъ.

СИМОНЪ (вспыхнувъ).

Я ненавижу его... говорю прямо: его ненавижу. Всѣхъ его товарищей, всѣхъ этихъ проклятыхъ разбойниковъ ненавижу. Съ кѣмъ ты пойдешь. Изъ-за нихъ мы страдаемъ. Боротся. Вѣдь насъ раздавать, какъ червей. Я помню прошлый годъ. Я помню, что было три года назадъ. Избивали, высылали и смирили насъ. Мы всѣ хорошо помнимъ это. Голодь. Никто не виноватъ въ немъ. Теперь кризисъ. Надо перемучиться, и опять дѣла поправятся. Опять будетъ работа...

ГАБАЙ

(съ презрѣніемъ).

Развѣ я звалъ васъ? Скорѣе бы камень позвалъ, позвалъ потому, что камень можно бросить во врага. Я говорилъ, но то мой разумъ помутился.... Рыданія, плачь, уроды дѣти, и ни одного гнѣвнаго стона.... Мой разумъ помутился... Ни одного гнѣвнаго крика я не услышалъ. Покорные, они умираютъ, какъ живутъ, покорно и примутъ завтрашній день.

СИМОНЪ.

Конечно. И отлично дѣлаютъ. Мы должны быть покорными, мы должны молчать... всегда. Вотъ и хозяе-

вамъ теперь плохо. Надо и ихъ пожалѣть. Ихъ пожалѣешь, себя пожалѣешь...

Г А В А Й.

Вы слышите, Мира? Вотъ враги народа. Это языкъ врага. Кого жалѣть, тупой, темный человѣкъ.

СИМОНЪ.

Потише,—я васъ не боюсь. Васъ-то не боюсь. Я знаю, что нужно сдѣлать съ такими, какъ вы.....

МИРА.

Замолчи, Симонъ. Замолчи, прошу тебя. Ты долженъ.

Г А В А Й

(желчно смѣется).

Жалость, Мира, къ угнетателямъ, къ гранитнымъ сердцамъ! Уничтожьте ихъ, вотъ будетъ ваше милосердіе. Сожгите ихъ, вотъ будетъ ваше добро. Станемъ хищными, беспощадными, свирѣпыми... Будущее человечество пойметъ насъ. Оно скажетъ: ваше изступленіе было милосердіемъ, ваша жестокость была жалостью. Потому что распахать жестокою каменистую землю можно только сохой и бороной. И если, Мира, кровь должна пролиться, то что значить небольшой ручеекъ ея передъ морями. Что значить крикъ насильника передъ тысячелѣтнимъ ревомъ обездоленныхъ. Что боль его, страхъ его передъ пыткой человечества. Милосердіе,—проклятіе ему! Жалость,—проклятіе ей! Оставимъ это имъ. Ни одной пяди не уступать назадъ..... И когда свершится, Мира,—встанутъ мертвецы.... Они разобьютъ крышки гробовъ, выйдутъ, чтобы увидѣть желанную жизнь, и мы обнимемъ ихъ. Мы скажемъ: ступайте спокойно назадъ въ ваши могилы,—дѣти вашихъ дѣ-

тей освобождены, дѣти вашихъ дѣтей увидѣли новую жизньъ.

М И Р А .

Свершится ли?

Г А В А Й .

Свершится... Отъ страданій на мигъ мой разумъ помутился. Свершится, Мира. Трусливые, слѣпые и темные плачутъ, дрожать, покоряются, но мы поднимаемся. Смотрите, мы поднимаемся. Повсюду несется дыханіе гнѣва работниковъ.... И оттого, что такъ скверно кругомъ, скажите себѣ: вѣковой ночи приходитъ конецъ. Запоры уступаютъ. Желѣзная дверь трещить... Дружные! Мы выбьемъ ее.....

С И М О Н Ъ .

Теперь я знаю, кто онъ.

М И Р А .

Ты еще здѣсь, Симонъ... Почему онъ здѣсь? Я какъ будто только-что родилась... Вотъ комната, грязь, бѣднота, а на душѣ такъ свѣтло. Уходи, Симонъ.

С И М О Н Ъ .

Я уйду, Мира. Никогда не думалъ я, что ты.....
(Машетъ рукой)

М И Р А (нетерпѣливо).

Знаю, знаю. Только уйди теперь.

(Симонъ смотритъ на нее нѣсколько мгновений и уходитъ не прощаясь)

МИРА.

Говорите еще, Габай, говорите.

(Смотрить на него съ восторгомъ. Входятъ Берманъ, Давидъ, Нахома. Нахома тихо плачетъ. При ихъ появленіи Габай и Мира отходятъ другъ отъ друга)

БЕРМАНЪ (мрачно).

Охъ-ой-ой. Тяжелое время, трудное время. И что Онь тамъ на небѣ думаетъ объ этомъ. (Разводитъ руками)
Охъ-ой-ой, охъ-ой-ой.

НАХОМА

(сѣла. Плачетъ).

Можетъ быть, это и насъ ждетъ. Можетъ быть, завтра Мина или другой сосѣдъ... О Господи, помоги же намъ, помоги всѣмъ несчастнымъ на землѣ. Съ этими двумя смертями пусть кончаются горести людей. Что-то на душѣ у меня неспокойно, Берманъ. Сердце плачетъ, плачетъ, какъ о своемъ.

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой, нѣтъ у меня силъ, Нахома, охъ-ой-ой, охъ-ой-ой.

(Пауза. Нахома плачетъ. Габай ложится на полу подлѣ казанка и укрывается пальто. Мира ложится на кровати. Нахома встаетъ, подходитъ къ кровати и ложится съ дѣтьми. Берманъ немедленно раздѣвается и устраивается на полу подлѣ Габая. Поворачивается лицомъ къ стѣнѣ)

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой, охъ-ой-ой!

Семень Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та-же комната. Изъ мебели осталась только кровать Нахомы, подушка и старенькое одѣяло. Кровать Миры, скамейка, казанокъ. Обѣденное время. Январь. День солнечный. Мимо окна отъ времени до времени проходитъ кучка мужчинъ. Дѣти сидятъ на кровати и то начинаютъ плакать, то перестаютъ. На скамейкѣ сидятъ Оснесъ и Нахома. Семъ стоитъ съ молитвенникомъ въ рукахъ у окна и выглядываетъ на улицу.

С Е М Ъ.

Окна оттаяли. Сегодня хорошій день. Опять прошла кучка рабочихъ. Куда это они идутъ?

Д А В И Д Ъ.

Я знаю!

С Е М Ъ.

Ты знаешь? Много ты можешь знать.

Д А В И Д Ъ.

Я говорю, что знаю, значить это такъ.

О С Н Е С Ъ

(трясетъ головой).

Съ утра тутъ неспокойно...

(Дѣти заплакали. Сначала Нах-
мале, а за нимъ Гершеле)

Н А Х О М А

(сорвалась съ мѣста).

Опять плачете! Что же я вамъ дамъ? Что? Мясо мое?
Ну отрѣжьте, отрѣжьте и кушайте. Разорвите меня!
Кусайте меня!

БЕТЬКА.

Я уже не могу выдержать. Развѣ я виновата? Со вчерашняго дня ты мнѣ кусочка хлѣба не дала. Иди достань гдѣ-нибудь, попроси у кого-нибудь.

(Всѣ опять заплакали. Семъ отошелъ отъ окна и заглядываетъ въ молитвенникъ)

НАХОМА (путаясь).

Что я съ ними буду дѣлать? У кого попросить, кто дастъ? Что вы тамъ молитесь, дядя, съ ума вы сошли! (Къ дѣтямъ) Не кричите же. Слышите, не смѣйте кричать! Я тоже голодна и молчу. И молчу! Не хочу слышать вашихъ голосовъ. Замолчите! Что? Голодны? Не смѣйте быть голодными. Молчать! (Подходить къ нимъ и бьетъ ихъ) Убью васъ. Вчера дала по кусочку хлѣба и на сутки должно быть довольно. Я не богачка, чтобы кормить васъ хлѣбомъ каждый часъ. Молчать, молчать! Здѣсь всѣ умираютъ съ голода и никто не кричитъ. Никого не слышно, кромѣ васъ однихъ.

(Дѣти еще громче плачутъ)

СЕМЪ

(поднявъ голову).

Я не могу этого слушать, Нахома.

НАХОМА.

Такъ дайте имъ покушать, дядя. Продайте вашъ молитвенникъ и принесите имъ хлѣба, если у васъ такое сердце. Я все продала, что имѣла, и сердце мое окаменѣло. Я съ ума сошла, дядя! Гдѣ Миня? Два дня какъ нѣтъ Миня!

ОСНЕСЬ.

Не надо отчаяваться: Богъ дастъ, онъ вернется. Вернется!.. Если Богъ мнѣ мою маленькую вернуетъ...

НАХОМА

(прерываетъ ее).

Кто? Богъ? (Иронически смѣется) Когда-то на Мину и смотрѣть не могла, а теперь съ безпокойствомъ спрашиваю: гдѣ Мина? Вотъ что Богъ можетъ сдѣлать. Страшно мнѣ безъ Мины! Когда онъ молодымъ былъ, молодцомъ онъ былъ, Мина, а я не хотѣла пойти за него. Теперь онъ и выпить любить и постарѣлъ Мина, а я дрожу и спрашиваю: гдѣ же Мина? Куда онъ пропалъ?

ДАВИДЪ.

Опять прошли рабочіе.

НАХОМА.

...И сердце щемить. Что же это за проклятое сердце? О чемъ я говорю? Дѣти меня съ ума сведутъ. О чемъ я говорила? (Оглядывается) Мина два дня домой не приходилъ,—и я спокойна! Опять, дѣти, плакать! Молчать! Смѣйтесь... Нѣтъ голода, нѣтъ зимы. На дворѣ хорошо, тепло. Отецъ принесъ деньги, и мы славно покушаемъ. Что намъ еще нужно? Богъ, что намъ еще нужно?.. И отчего у меня голова кружится и въ глазу стрѣляетъ? Это оттого, дѣти, что нашего бѣднаго отца уже два дня какъ нѣтъ дома!..

ОСНЕСЬ.

Можетъ быть, онъ нашель работу? Никто ничего не можетъ знать, хи-хи. Онъ вышелъ въ добрый часъ изъ дому и встрѣтилъ человѣка... Хорошаго человѣка, хи-хи. И тотъ сказалъ ему: вотъ, Мина, есть для тебя работа! (Семъ киваетъ головой) Пошелъ Мина работать и принесетъ рубль. Хи-хи!

НАХОМА (растроганно).

Это похоже на сказку. На хорошую! Когда я, Оснесь, была маленькой, то зимой забиралась на печку, и ба-

бушка моя рассказывала сказки. Отецъ отдыхалъ, мать перебирала перья для подушки, а я свѣшивалась вотъ такъ внизъ головой и слушала, и видѣла, какъ на высококой горѣ, въ зеленой травѣ стояли два нѣмца, два нѣмца!.. (Откровенно) Мина въ гнѣвъ ушелъ. Не могъ онъ слышать плача дѣтей, такъ онъ сказалъ. А я поссорилась съ нимъ. Надо сказать правду, я разсердила его.

О С Н Е С Ъ .

Мы всѣ такія.. Мы любимъ мужей, когда они кормятъ насъ, хи-хи.

Н А Х О М А .

Я сказала ему: ты сталъ пьяницей и ничего не можешь заработать. Ты убиваешь своихъ дѣтей, Мина! (Становится серьезной) Онъ ударилъ меня... Оснесъ, онъ меня побилъ въ первый разъ за двѣнадцать лѣтъ! Я не кричала, нѣтъ, Оснесъ, я не кричала. Я стиснула зубы и думала: вотъ и совѣмъ пропала жизнь!

О С Н Е С Ъ

(указываетъ на себя).

А спросите, что это тѣло вытерпѣло? Можетъ быть, извощикъ свою лошадь такъ не бьетъ, какъ меня билъ мой Фавль. Забывалось, Нахома! А что я выиграла? Иногда сижу и вспоминаю свою жизнь. Зачѣмъ я замужъ вышла? И зачѣмъ мы голодали? Зачѣмъ я дѣтей рожала, когда изъ десяти только одна калѣка осталась? Такъ сижу и думаю о жизни. Помню я, когда Фавль открылъ мастерскую... Что дѣлалось! Души наши летали. И это прошло! Потомъ мастерскую закрыли,—все описали. Прошло, Нахома! Десять дѣтей было... Они умирали, умирали и, бывало кажется, что душа твоя отлетитъ отъ горя,—прошло, Нахома, все прошло!.. Что же я выиграла? Зачѣмъ жила?

С Е М ь

(киваетъ головой).

Хорошо спросила Оснесъ, но отвѣта не будетъ.

Н А Х О М А .

Не хочу этого знать... Какое мнѣ дѣло? Мое сердце разрывается! За что? Хоть не у кого спросить, а я все буду кричать: за что? Гдѣ справедливость?

(Оснесъ хочетъ отвѣтить. Семъ перебиваетъ ее)

С Е М ь .

Дай ей покричать. Если она будетъ молчать, то кто скажетъ, что Онъ (указываетъ пальцемъ вверхъ) стра-
даетъ съ любимыми и избранными?

(Дѣти обступили Нахому и пла-
чуть. Она оглядываетъ ихъ съ
ненавистью. Сейчасъ же сжали-
лась)

Н А Х О М А (съ тоской).

Вѣдь я надъ ними кровь проливала. (Беретъ Нахмале
на руки, тихо стонетъ и горячо цѣлуетъ его) Дядя, вы опять
молитесь? Дядя, есть ли теперь въ городѣ несчастнѣе
насъ?

С Е М ь .

Скажи Ему: все принимаю изъ Твоихъ рукъ.

Н А Х О М А .

Ну, а справедливость?

С Е М ь

(бьетъ рукой по молитвеннику).

Вотъ здѣсь она!

С. Юшкевичъ. Голодь.

НАХОМА (въ отчаяніи).

И ничего больше, дядя?

СЕМЪ (торжественно).

Ничего!...

НАХОМА.

Отчего же я отпустила Мину? Отчего же я не выбѣжала и не крикнула ему: Мина, вернись, я прощаю тебя... И ничего больше, дядя, повторите-ка! Дѣти, молчать! Молчать! (Разсердилась и бьетъ ихъ) Я говорю— молчать!

СЕМЪ (съ сожалѣніемъ).

Ничего!

НАХОМА.

Ну хорошо, хорошо! (Разсѣянно) Я все знаю, все вижу. Мина можетъ придти, или я опять пойду искать его, но что-то приближается. Что-то!

ОСНЕСЬ.

Вы пугаете дѣтей, Нахома.

НАХОМА.

Такъ размѣшить ихъ? Разсказать, что мелькаетъ у меня въ головѣ? (Вдругъ, съ радостью) Мы улетаемъ, дѣти, мы на крыльяхъ поднимаемся, мы... (Расплакалась)

ОСНЕСЬ.

Возьмите свое сердце вотъ такъ въ руки. Я знаю отчаяніе.

НАХОМА (устало).

Мнѣ темно, Оснесъ. Куда ни повернусь, темно, куда ни ткнусь — стѣна. А сердцу такъ больно, такъ ему больно!

С Е М Ъ

(посмотрѣлъ въ окно).

Вотъ идетъ Берманъ.

О С Н Е С Ъ.

Можетъ быть, Нахомочка, узнаете что-нибудь о Минѣ.

П А Х О М А.

Гдѣ же онъ? (Подбѣгаетъ къ окну)

С Е М Ъ.

Его уже не видно. Вѣроятно, зашелъ въ ворота.

П А Х О М А

(открываетъ двери и стоитъ въ ожиданіи. Въ глубинѣ корридора показывается Берманъ).

Идите скорѣе, Берманъ. Слышали что-нибудь о Минѣ?

Б Е Р М А Н Ъ

(отвѣчаетъ, идя по корридору. На плечахъ у него пара старыхъ брюкъ).

Что теперь на улицахъ дѣлается! Чуть меня не задушили. Охъ-ой-ой! (Входитъ въ комнату) И отсюда толпа, и оттуда толпа!

П А Х О М А (тревожно).

Я васъ о Минѣ спрашиваю? Вы ничего не слышали о моемъ Минѣ?

(Берманъ огорошенный смотритъ на нее. Какъ бы соображаетъ, что означаетъ ея вопросъ)

Б Е Р М А Н Ъ.

Что? о Минѣ? Вотъ Симона я встрѣтилъ, это правда. Какъ сумаспешій летѣль Симонъ. Охъ-ой-ой. Но не Мину. (Иронически смѣется) Она думаетъ, что теперь у

всякаго ея мужъ въ головѣ. Носятся съ ея мужемъ, охъ-ой-ой. Пройдитесь-ка по уллицамъ, такъ узнаете, что дѣлается. Дайте мнѣ присѣсть. Отдохну минуту и опять пойду.

СЕМЬ.

Что вы тамъ рассказываете, Берманъ? Я ничего не понимаю.

БЕРМАНЪ

(сѣлъ возлѣ Оснесъ).

Подвинься-ка, старуха. Охъ-ой-ой. (Кладетъ брюки на холодный казанокъ) Что понимать?

ОСНЕСЪ

(трясетъ головой).

Я могу подняться...

БЕРМАНЪ.

Сиди, старуха, если сидишь, охъ-ой-ой! Не надо понимать, Семь. Это ясно. Я простой человекъ, съ того свѣта, и то вижу. Берманъ такъ сказалъ, — попомните это. Сколько корней имѣетъ зло? Одинъ корень. Живу и знаю, что всѣ вѣтки, сколько ихъ есть на деревѣ, отъ одного корня. А корень—голодный человекъ.

НАХОМА

(старается обратить его вниманіе).

Я спрашиваю у васъ о моемъ Минѣ, Берманъ. Вслушайтесь въ мои слова. Ни отъ кого не слыхали о немъ? Но говорятъ: убили ночью человекъ, повѣсилъ человекъ!

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! А откуда я знаю? Что вы суетесь теперь съ вашимъ мужемъ? Не онъ одинъ пропадетъ. Попо-

мните, — скажете: дуракъ Берманъ сказалъ. Охъ-ой-ой!
Есть такой Берманъ, живетъ у Мины, и онъ это сказалъ.

ОСНЕСЬ.

Понять васъ нельзя. Говорите какъ человѣкъ.

БЕРМАНЪ.

А какъ же я говорю? Какъ лошадь? Въ городѣ не-
спокойно... И оттуда приходятъ, и отсюда. И почему
можетъ быть спокойно? Развѣ привезли хлѣбъ, разсы-
пали по улицамъ и сказали голоднымъ: берите! Или
привезли уголь и роздали его народу. Я — старая со-
бака и ничего у меня нѣтъ, ни голоса, ни зубовъ. А
они не старыя собаки. (Достаетъ изъ кармана черный
хлѣбъ и подходитъ къ дѣтямъ) А вамъ я пряникъ при-
несъ. Таки не пряникъ, но лучше пряника. Кушайте,
маленькіе, кушайте, человѣчки! (Далъ каждому по кусочку)

БЕТЬКА (съ радостью).

Мать, хлѣбъ! (Крикнула) Хлѣбъ, хлѣбъ! Мать, вотъ и
тебѣ кусочекъ. Ну, бери же, не стыдись.

НАХОМА

(гладить ее по головѣ).

Сама покушай. Развѣ я голодна?

БЕТЬКА

(со слезами въ голосѣ).

Ну кушай же. (Суетъ ей хлѣбъ въ ротъ) Мать, доро-
гая моя мать.

ОСНЕСЬ.

Ее мучьте ее, Пахома. Возьмите кусочекъ.

БЕРМАНЪ.

Теперь опять пойти можно. (Вѣшаетъ брюки на стѣнѣ)

Чуть ихъ не разорвали. Ну, день сегодня. Такого дня не запомню.

СЕМЪ (нетерпѣливо).

Разскажи-же, что ты видѣлъ.

БЕРМАНЪ.

Вы должны меня съ одного слова понять. Вы вѣдь смотрите въ книгу. Народъ волнуется, народъ дѣлаетъ кулаками вотъ такъ! И вотъ такъ онъ тоже дѣлаетъ, какъ левъ въ лѣсу. (Оскалилъ грозно зубы) И шумить. Вы слышали, какъ шумить вѣтеръ? Такъ онъ шумитъ: шшъ, шшъ!

СЕМЪ

(съ досадой).

Почему-же ты молчалъ? Пойду и я посмотрю.

ОСНЕСЪ (недовольно).

Съ ума сошли люди! Мало они мучатся! (Встаеъ) Ахъ, Берманъ, Берманъ! И вы тоже? Надо идти на молитву,—они идутъ съ молитвы. Ихъ задушатъ! Ну голодъ, смерть, кто виноватъ въ этомъ? Когда-то хоть и нехорошо было, а все-таки хорошо. Радовались—молились, и мучились—молились. Сидѣли въ комнатѣ, и смѣялись тихо, и плакали тихо. Вы тоже идете, Семъ? Зачѣмъ вамъ ходить? Берманъ пусть идетъ, о немъ нечего говорить. А вы, Семъ, человекъ. Вы почтенный человекъ.

СЕМЪ.

Сиди, старуха, и молчи.

БЕРМАНЪ.

Вотъ вамъ грошъ за ваши слова... (Разсмѣялся)

НАХОМА (уныло).

А мнѣ все равно. Пусть тамъ кричать, или пусть молчать, мнѣ все равно. Вѣдь то, что здѣсь кричить, лучше ихъ, громче. А кто слышитъ? Нѣтъ, мнѣ все равно. Поищите только моего Мину.

(Открывается дверь, и на порогѣ показывается Гершель. Оглядываетъ всѣхъ. На головѣ у него по-прежнему сплюснутый цилиндръ. Дико вращаетъ глазами)

ГЕРШЕЛЬ.

Ха-ха. Ага, ха! Ага! (Хохочетъ)

НАХОМА (испуганно).

Опять Гершель.

СЕМЬ

(съ гнѣвомъ).

Пошелъ отсюда. Убирайся, нечистый!

(Гершель поворачивается и уходитъ. Слышенъ его хохотъ. Оснесъ спѣшить за нимъ)

ПАХОМА

(съ отчаяніемъ).

Теперь вижу, что я пропала.

СЕМЬ.

Подождите, Берманъ, я иду съ вами. Ничего не будетъ, Нахома. Не беспокойся. Я говорю: не беспокойся.

НАХОМА

(подходить къ Сему. Умоляющимъ голосомъ).

Дядя, вы будете ходить по улицамъ... Поищите моего Мину. Вотъ вы уходите, и мнѣ кажется, что я

умру. Такъ мнѣ кажется. Сердце мое истекаетъ кровью отъ всего, дядя, отъ всего. Дѣти меня замучатъ. Если вы увидите Мину, скажите ему моимъ голосомъ: вернись, Мина, вернись! Нахома уже не сердится на тебя. Она прощаетъ тебя... Нахома сидитъ и плачетъ по тебѣ... (Расплакалась)

семъ (растроганный).

Перестань, Нахома. Онъ вернется.

нахома

(кладетъ ему голову на плечо).

Дядя, дядя, вы видите... Онъ видитъ.

берманъ (отвернувшись).

Идете, Семъ?

нахома

(подошла къ Берману)

И вы, Берманъ, тоже. Вы добрый старикъ. Если услышите о Минѣ, бросьте все и придите сказать мнѣ. Смотрите по сторонамъ, не пропускайте людей. Если увидите его, вцѣпитесь въ него, какъ я, и удержите. Скажите ему мягко, вотъ такъ: „Мина, твои дѣти голодаютъ и просятъ: хлѣба, хлѣба! а дома уже все продано. Нахома сидитъ вся не своя. Ничего не понимаетъ Нахома и что-то хочетъ сдѣлать. Отъ отчаянія, Мина. Ни во что она уже не вѣритъ, Нахома. И вотъ, Мина, нужно, чтобы ты вернулся домой мужчиной твердымъ и добрымъ хозяиномъ семьи своей. Она ждетъ, Нахома... Такъ она ждетъ“...

берманъ

(слушаетъ, опустивъ голову).

Хорошо, хорошо. Я возьму съ собою палку, Семъ. Идете? Гдѣ моя палка?

С Е М ь.

Я готовъ. Твоя палка въ углу

(Берманъ достаетъ палку, и оба выходятъ. За ними выбѣгаетъ Давидъ Нахома подходитъ къ окну Приложилаь лбомъ къ стеклу и выглядываетъ на улицу. Доносится глухой шумъ. Бетъка пугается)

Б Е Т ь К А

Что это, мать? Какъ будто кричатъ или поютъ?

Н А Х О М А.

Пусть кричатъ.

(Стоитъ въ скорбной позѣ и прислушивается. На лицѣ появилось выраженіе испуга. Какъ будто мелькнула тяжелая мысль. Она машетъ руками, чтобы отвязаться отъ нея. Входитъ Симонъ. Видъ у него разстроенный. Не здороваясь, ревнивымъ взглядомъ осматриваетъ комнату Тяжело вздохнулъ)

С И М О Н ь

(неестественно громкимъ голосомъ).

Ихъ нѣтъ здѣсь!

Н А Х О М А (очнувшись).

Вы меня испугали, Симонъ. Что съ вами? Какъ вы шапку надѣли?

С И М О Н ь

(нетерпѣливо машетъ рукой).

Только-что видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ толпѣ и потерялъ. Мнѣ казалось, что они шли сюда. И смѣялись, смѣялись, смѣялись!

НАХОМА.

Вытрите лицо, оно въ грязи.

СИМОНЪ.

Надо мною.... (Проводить рукой по лицу) Я бѣжалъ, на улицахъ грязно.... Я бѣжалъ! А толпа раздѣлила насъ. Отбросила меня толпа.

НАХОМА.

Я не знаю, о комъ вы говорите. О Мирѣ?

СИМОНЪ (возбужденно).

Я говорю о немъ и о Мирѣ. Чего онъ хочетъ отъ нея? Подлый онъ человѣкъ! Безчестный человѣкъ! Что ему нужно отъ меня? Скажите, что? Вы сами говорили, что Мирѣ не надо лучшаго желать. Я ждалъ годъ, другой.... Теперь все перевернулось изъ-за него. Почему вы впустили его къ себѣ? На васъ буду плакаться.

НАХОМА

(умоляюще и съ тревогой).

Приходите, Симонъ, въ другой разъ. Голова моя заботой занята. Вы будете рассказывать о любви, а я разсмѣюсь. Еще существуетъ любовь, еще люди чувствуютъ...

СИМОНЪ.

Не говорите,—надоѣло! Всюду слышу одно: нѣтъ работы, голодъ, и что еще слышу! Но вѣдь одними жалобами на голодъ нельзя жить. Душа проситъ своего. Кровь горитъ, мозгъ горитъ. Вы были моей защитницей, Нахома. Почему же вы теперь молчите? Или онъ вамъ тоже нравится? Я рѣдко ее вижу.... Почему это? Почему она избѣгаетъ меня? Я хочу знать, за что? Если я

виновать, пусть скажетъ, въ чемъ. (Взволнованно) И терпѣніе кончается. Она не хочетъ меня выслушать, а у меня такъ накипѣло за эти два мѣсяца! Бѣшенство меня душитъ.

НАХОМА.

Успокойтесь-же, Симонъ.

СИМОНЪ (слѣпо).

Я не хочу больше терпѣть, я не могу. Здѣсь прольется кровь. Если бы не этотъ подлый, грязный человѣкъ, она вышла бы за меня. Она бы полюбила меня. Откуда-же онъ взялся? (Свирѣпо) Здѣсь прольется кровь

НАХОМА.

Возьмите-же себя въ руки, Симонъ. Какъ вы его ненавидите. И такъ любите ее? Такъ крѣпко?

СИМОНЪ.

Я умираю за нее. Разорвалъ бы себя, такъ люблю ее.

НАХОМА (побѣжденная).

И мнѣ это что-то напомнило. Я вѣдь не любила Мину, когда выходила за него.

СИМОНЪ (прислушивается).

Бьется мое сердце. Вѣроятно, она недалеко. Я всегда чувствую, гдѣ она. (Оглядывается и прислушивается) Я дѣлаюсь тихимъ. При ней я не могу кричать. А иногда хочется поднять руку и убить ее и себя. (Уныло) Если бы кто-нибудь могъ меня вылѣчить...

НАХОМА

(съ грустью и просто).

Я тоже такъ любила когда-то.

СИМОНЪ.

Тоже? (Удивленный и растроганный) Въ самомъ дѣлѣ?

НАХОМА.

Онъ ушелъ въ солдаты... (Опускаетъ голову) П... по вернулся оттуда....

СИМОНЪ (съ чувствомъ).

Бѣдная вы! И я бѣдный, Нахома. Душа горитъ, а словъ нѣтъ. По ночамъ не сплю. Лягу въ кровать и думаю до утра: еще нѣтъ со мной ея, еще нѣтъ ея, еще нѣтъ Миры? Отъ гнѣва плачу, какъ ребенокъ. Нѣтъ у меня Миры! Иногда стану у окна и смотрю на улицу: душа ноетъ,—нѣтъ Миры. И бѣгу изъ дому. Куда? Сюда бѣгу. Хожу и смотрю на окно: хоть бы огонекъ ея увидѣть.

(Нахома киваетъ головой. Пауза)

НАХОМА.

Въ жизни все такъ: ты идешь направо, а счастье идетъ слѣва. Ты идешь налево, несчастье тоже идетъ слѣва.

СИМОНЪ.

Это правда. Сажу дома и думаю. Скриплю зубами и думаю: если не мнѣ, такъ никому. Никто не коснется Миры. Или прольется кровь. На-дняхъ я ей сказалъ: Мира, земля залется кровью! „Я хочу увидѣть кровь“, вотъ что она мнѣ отвѣтила. Скажите, Нахома, вы дѣти одной матери? Почему-же вы—другая? Раньше я думалъ, что всего можно добиться терпѣніемъ. Можетъ быть, нужно требовать? Сказать громко, вотъ такъ: мое! Схватить за косы, обвить ихъ вокругъ руки и потащить ее за собой?

НАХОМА

(испуганная его голосомъ и движеніемъ).

Прошу васъ, Симонъ. Не теряйте головы

СИМОНЪ (мрачно).

Что-же мнѣ дѣлать? Смѣяться теперь трудно, никогда я не буду больше смѣяться... Скажите, она любить Габая? Признайтесь мнѣ.

НАХОМА.

Не знаю, навѣрно не знаю.

СИМОНЪ (съ испугомъ).

Можетъ быть, любить. Если да, то почему? Или онъ красивѣе меня? Или покорнѣй? Или лучше меня зарабатываетъ? Скажите, что онъ лучше меня, и я уйду.

НАХОМА.

Онъ смѣль. Мира какъ-то сказала мнѣ: „вотъ хозяйнѣ жизни!“

СИМОНЪ (вскочилъ).

Она это сказала? Повторите,—какъ она сказала? Хозяинъ! Какой онъ хозяинъ—этотъ нищій. Подбивать народъ значить быть хозяиномъ? О комъ вы говорите, Нахома? Вѣдь этихъ нужно убивать, какъ бѣшенныхъ собакъ. Говорить подлыя слова и сводить людей съ пути дѣло честнаго человѣка? И вѣдь это нравится, вотъ что меня бѣситъ. Почему это нравится? Проклятыя, проклятыя слова...

НАХОМА.

Слова хороши, вотъ что говоритъ Мира. Они складываются и такъ, и иначе. Они шепчутъ, они трубають...

СИМОНЪ (съ мольбой).

Поговорите вы съ ней. Можетъ быть, вы меня спасете. Попросите ее крѣпко или закричите. Я даю чест-

ное слово, что ей будетъ хорошо у меня. Не можете? Куда-же мнѣ пойти теперь? Гдѣ ее искать? А въ городѣ неспокойно, и не до людей мнѣ!

ПАХОМА

(вспомнила о своей заботѣ).

Вы не встрѣтили моего Мину въ городѣ?

СИМОНЪ.

Нѣтъ. Толпы рабочихъ я встрѣчалъ. Страшно теперь на улицѣ! (Вдругъ) Она гдѣ-то близко здѣсь.

(Доносятся крики и стихаютъ)

ПАХОМА.

Что это? (Подбѣгаетъ къ окну) Вы слышите, вы слышите?

СИМОНЪ.

Это рабочіе!

ПАХОМА

(суетливо набрасываетъ на себя шаль).

Я должна пойти посмотрѣть, что тамъ. Вы идете, Симонъ? Дѣти, тихо сидѣть!

СИМОНЪ.

Пойду поищу ее.

(Опять доносится шумъ смѣшанныхъ голосовъ, криковъ. Оба торпливо выходятъ. Слышно, какъ бѣгутъ по корридорю. Открывается дверь, и входитъ сосѣдка. Оглядываетъ комнату и быстро выходитъ. Бетъка съ дѣтьми подбѣжала къ окну. Гулъ постепенно стихаетъ. Раздается шумъ шаговъ въ корридорѣ. Входятъ Мира и Габай. Бетъка радостно вскрикиваетъ).

МИРА
(разочарованно).

Никого нѣтъ дома?

ГАВАЙ.

Вѣроятно, они вышли на улицу. (Видимо, усталъ, присѣлъ на скамейкѣ)

МИРА
(подходить къ дѣтямъ и цѣлуетъ ихъ).

Гдѣ мать, Бетька?

БЕТЬКА.

Только-что вышла. Ты ее не встрѣтила? А мы боимся... кричать!

ГАВАЙ.

Сейчасъ васъ развеселю. Давайте-ка играть.

БЕТЬКА.

Ты только умѣешь обѣщать. Я вижу, что ты уходишь.

ГАВАЙ.

Конечно, уйду. (Смѣется) Вотъ весело, что надо уходить!

БЕТЬКА.

А мнѣ не нравится...

МИРА (къ Бетькѣ).

Никого здѣсь не было?

БЕТЬКА.

Симонъ былъ. Онъ вышелъ съ матерью. И такое говорилъ... нѣтъ, я не скажу, что онъ говорилъ.

МИРА.

Симонъ. (Морщится) А отецъ вернулся?

ВЕТЬКА (грустно).

Отца все не было. Мать плакала.

МИРА

(съ безпокойствомъ).

Видишь, Габай, Мина не приходилъ. Что это значить? Навѣрно, съ нимъ несчастье случилось. А ты меня успокаивалъ. Я говорила, что нужно зайти сюда.

ГАВАЙ.

Что-же мы выиграли отъ того, что я тебя послушалъ?

МИРА.

Ничего... Нѣтъ, выиграла. Буду ходить съ беспокойнымъ сердцемъ. (Серьезно) Вотъ несчастная жизнь, проклятая! То заболѣетъ кто-нибудь, то умретъ.

ГАВАЙ.

Не жалуйся, Мира. Теперь не жалуйся.

МИРА.

Я не жалуюсь... Это другое...

ГАВАЙ (недовольно).

Что другое?..

МИРА.

Что-то. Не качай головой! Я открываю тебѣ свою душу... Вотъ тамъ... на улицѣ идешь и тысячи шаговъ стучать въ твоемъ сердцѣ. Что-то благородное душитъ тебя. Разорваться хочется. Цѣловать всѣхъ хочется. И улыбаться... Толпа сидитъ въ душѣ..... судьей казалась

мнѣ толпа. (Съ силой) Дѣла довольно! Правда! Но вѣдь это дѣло—дитя проклятой жизни...

ГАВАЙ
(перебиваетъ ее)

Ахъ, Мира...

МИРА.

Ну вотъ... Нѣтъ, ты подумай. Какое благородное дѣло можетъ быть безъ проклятой жизни? Какое? Такъ благословлять эту проклятую жизнь? А безъ нея—сиди и бейся въ окошко. Вотъ что меня мучить. И думаю, а нѣтъ ли чего-нибудь другого, кромѣ проклятой жизни и дѣла? Можетъ быть, есть? Можетъ быть, нужно уйти въ сторону, и вдругъ откроется дверь куда-то, другая дверь... (Обрываетъ и смотритъ на него растерянно) Чего же я хочу?

ГАВАЙ.

Опять вопросы? Развѣ теперь время? Непонятная ты дѣвушка, Мира, неуловимая! Благословлять проклятую жизнь. Зачѣмъ? Надо выйти на ровную дорогу, а тамъ мы обо всемъ подумаемъ. Дана проклятая жизнь, надо сдѣлать, чтобы ея не было. Это раньше всего. Уничтожимъ ее! Развѣ ты сегодня не видѣла, какъ орелъ управляетъ крылья? Развѣ ты отсюда не слышишь, какъ народъ беретъ въ руки свои цѣпи? Вотъ правда, вотъ прекрасная правда. Она потрясаетъ меня, тебя, всѣхъ насъ...

МИРА
(уже увлечена).

Говори, говори! (Смотритъ на него съ восторгомъ)

ГАВАЙ
(обнимаетъ и цѣлуетъ ее).

Дорогая моя Мира!

С. Юшкевичъ. Голодь.

МИРА

(вдругъ холодно).

Нѣтъ, говори, говори... Почему ты всегда прерываешь себя?.. Эти слова и поцѣлуй! Поцѣлуй! Зачѣмъ они? Говори... опять! Скажи: я люблю тебя? Ты цѣлуешь, а я спрашиваю, люблю ли я тебя? Иногда замираешь... и вдругъ что-то не нравится. У тебя тоже такъ?

ГАБАЙ.

Мнѣ всегда нравится...

МИРА.

А мнѣ нѣтъ. (Въ отчаяніи) И никогда я не люблю! Когда ты говоришь о будущей жизни, я тоже замираю... и не нравится... въ концѣ. Но страшно, когда ты цѣлуешь. Не цѣлуй, когда говоришь. Къ чему это? (Обрываетъ и утрюмо) Нѣтъ, это не то. Почему, Габай, нѣтъ словъ, чтобы можно было все, все сказать? Всегда что-то остается... самое важное, самое нужное. Я цѣню тебя и все же мнѣ страшно, когда ты говоришь: моя. Ты только-что сказалъ—моя. Нѣтъ, я не твоя... Я чья то, но не твоя!

ГАБАЙ.

Почему же не моя?

МИРА.

Вотъ этого ты не можешь понять... Не твоя! (Вдругъ страстно цѣлуешь его)

ГАБАЙ.

Ничего я не понимаю.

МИРА.

Ты не можешь понять. (Шопотомъ) Зовешь меня

кто-то, что-то!.. Можетъ быть, и полюбила тебя за то, что ты... (Смѣется) Смѣло, впередъ, — рабочій народъ! Это опьяняетъ, какъ вино! (Устало) Это всѣмъ кружить голову. Всѣмъ голоднымъ, угнетеннымъ оно кружить голову, и слова рождаются, и кулаки сжимаются, а когда кругомъ оглянешься, думаешь, — хорошо, что у насъ есть такія слова, что у всѣхъ кулаки сжимаются. У всѣхъ!.. (Произносить это слово съ сдержаннымъ презрѣнiемъ) А я чего хочу? Подведи меня къ окну и сбрось на улицу. (Замученнымъ голосомъ) Ну, не сердись... я люблю тебя. (Заплакала. Онъ цѣлуетъ ее)

Б Е Т ь К А

(захлопала въ ладоши).

Габай цѣлуетъ Миру!

Г А Б А Й.

Тебѣ нужно взять себя въ руки. Я, право, не понимаю тебя. Зачѣмъ мучить себя, когда все такъ ясно. Посмотри: вотъ будущее! (Подходить къ окну) Смотри: идутъ наши братья. Они несутъ справедливость!

М И Р А

(прерываетъ его).

Жизнь кругомъ страшная, это правда, Габай. Но будущее!.. Скажи—сегодня, сейчасъ, и я отдамъ за него свою жизнь. Вѣрь, сейчасъ бы дала замучить себя на смерть, лишь бы стало свѣтло, справедливо, лишь бы всѣ эти дома исчезли и несчастные люди пропали, лишь бы у всѣхъ было вволю хлѣба и чистая одежда. (Въ раздумьи) И въ концѣ это кажется скучнымъ... (Порывисто) Чего-то другого хочетъ душа... но отдала бы себя. Но... поскорѣ бы, поскорѣ бы! Вотъ змѣя, медвѣдь, дикій быкъ... Они бѣшеные, они опасные. Можно взять топоръ и убить ихъ... сейчасъ же.

ГАБАЙ

(нетерпѣливо и сейчасъ же мягко).

Сейчасъ!.. Да, сейчасъ... Взгляни на улицу! (Умоляюще)
 Не спрашивай теперъ... Дѣло въ людяхъ, въ ихъ страданіяхъ, въ ихъ проклятомъ невѣжествѣ, въ проклятыхъ чувствахъ рабовъ... Надо раскрыть имъ глаза и повести ихъ. Вотъ задача! Врагъ сильный: столѣтіями накоплялъ онъ силу, тысячелѣтнія силы сидятъ въ немъ. Неизмѣримо страшенъ врагъ, а мы только поднимаемъ голову. Не спрашивай...

МИРА

(съ порывомъ).

Мнѣ хочется отдать свою жизнь. Мнѣ это кажется прекраснымъ, необыкновеннымъ. Необыкновенное хочу я сдѣлать. Пусть всѣ стануть счастливы, а мнѣ страдать вѣчно,—согласна! Всѣхъ освободить своей жертвой я согласна, но сейчасъ! Но чтобы не ждать, не томиться. Веди меня, укажи мнѣ... (Габай въ отчаяніи машетъ руками)
 Ну, не сердись, можетъ быть, я не понимаю.

ГАБАЙ.

Ахъ, съ тобой трудно сладить. (Хочетъ взять ее за руку)

МИРА

(прячетъ свою руку, холодно).

Не надо! (Сейчасъ же горячо) Возьми, возьми!

ГАБАЙ.

Такъ идемъ...

(Входитъ Симонъ Онъ блѣденъ отъ гнѣва. Говоритъ запыхаясь)

СИМОНЪ.

Ага, ты здѣсь... съ нимъ! Я зналъ, что найду тебя.
 (Габай подходитъ къ Беткѣ и садится возлѣ нея на кровати)

СИМОНЪ.

А теперь ты опять уходишь?

МИРА.

Какое тебѣ дѣло?

ГАБАИ

Мира, иди, такъ иди. (Доносится гулъ толпы) Бетька, слышишь, что на улицѣ дѣлается? То наши братья. Повтори-ка!

БЕТЬКА.

Па улицѣ наши братья...

СИМОНЪ (съ удареніемъ).

Ты не пойдешь, Мира. Я не хочу, чтобы ты пошла. Съ силой) Никогда не будетъ этого, если я не хочу.

МИРА (разсмѣялась).

Я пойду.

СИМОНЪ.

Мира!

МИРА

(полу-оборачивается).

Что тебѣ нужно отъ меня?

СИМОНЪ

(вдругъ, тихо).

Я хочу два слова сказать тебѣ. Только два слова.

А П Г А.

Говори, но поскорѣе.

СИМОНЪ.

Скажи ему, чтобы онъ вышелъ. Я хочу, чтобы никто не слышалъ. Я могу только тебѣ сказать.

М П Р А (колблетая).

Габай, ступай вн зъ и подожди меня у воротъ...

ГАБАЙ.

Ты знаешь, Мира... Ну, хорошо! Только не засиживайся.

(Выходить. Симонъ по уходѣ Габая беретъ Миру за руку. Она вырываетъ е. Отходить отъ него)

СИМОНЪ

(шопотомъ и съ мольбой).

Вотъ ты вырвала руку, а когда-то ты позволяла цѣловать себя. (Страстно) Радость моя, радость! Я уже не сержусь. Мы вдвоемъ.... одни.

М П Р А (разсѣянно).

Ну, знаю! Любовь.... (Нетерпѣливо) Говори же, мнѣ некогда.

СИМОНЪ.

Куда тебѣ спѣшить? На улицѣ спокойно. Народъ разгоняють силой.....

М П Р А

(поворачивается, чтобы уйти).

Тебѣ вѣтъ дѣла.

СИМОНЪ

(перерѣзаль ей дорогу).

Мира! (Глухо) Вѣдь я вотъ такъ сдерживаю себя.

М И Р А.

Можешь не сдерживать.

С И М О Н Ъ.

Что же ты имѣешь противъ меня? Какое зло я тебѣ сдѣлалъ? Ты смотришь по сторонамъ, тебѣ скучно. Но вѣдь я рассказываю тебѣ о своей несчастной душѣ. Вспомни, сколько я перенесъ ради тебя. Вотъ ты стоишь каменная, а у меня вѣдь сердце сжимается отъ радости, что вижу тебя. Не смотри такъ на меня. Мнѣ два слова нужно сказать тебѣ.

М И Р А

(съ сожалѣніемъ оглядываетъ его)

Ты всѣ слова знаешь, кромѣ одного.

С И М О Н Ъ (съ жаромъ)

Зачѣмъ тебѣ слова? Я люблю тебя, — это лучшія слова. Подумай, что у меня за жизнь теперь. Я здоровый. Мои руки хотятъ работы, тѣло ноетъ отъ бездѣлья, а я отъ всего отбился. Я весь ослабѣлъ... (Торопливо) Ты сказала мнѣ: жди!

М И Р А.

А теперь не надо больше ждать.

С И М О Н Ъ.

Не говори такъ... Ты сказала: жди, и я ждалъ. (Съ горечью) Вотъ и дождался. А я вѣдь ничего дурного не сдѣлалъ тебѣ.

М И Р А.

Это правда, но ты любишь меня.

С И М О Н Ъ.

Но развѣ онъ не любитъ тебя? Почему ты мнѣ такъ

отвѣчаешь? Вотъ только съ нимъ тебя видятъ. Помнишь, я говорилъ тебѣ: обойдетъ тебя Габай и посмѣется. Покажетъ онъ себя.

МИРА.

Ты ничего не понимаешь.

СИМОНЪ.

Сердце мое понимаетъ. Я простой, это правда, но понимаю. Какъ-то само понимается. Подумай, Мира, на кого ты меня промѣняла. Развѣ онъ лучше меня? Можетъ быть, сильнѣе? Я сильнѣе его въ десять разъ. Я могу его вотъ такъ согнуть. Я и какъ работникъ лучше. Чѣмъ же онъ взялъ тебя? Вѣдь сегодня онъ здѣсь, завтра тамъ, беспокойный человекъ какой-то и безъ жалости бросить тебя, когда ему нужно будетъ! Кому ты можешь быть дорога, какъ мнѣ? Никому, Мира, никому, клянусь тебѣ...

МИРА (вспыхнула).

Бросить? Я тоже могу его бросить. Развѣ я люблю его? Его! (Не знаетъ, какъ выразить, что чувствуетъ) Его? Вотъ плохая земля, Симонъ. Я стою на ней и вижу прекрасную землю.... Я хочу къ ней. Какъ пройти туда? Черезъ мостъ, Симонъ, черезъ мостъ.

СИМОНЪ.

Этого я не понимаю, Мира.

ВЕТЬКА

(вдругъ, громко).

Габай цѣловалъ Миру.

СИМОНЪ

(быстро оборачивается).

Что она сказала? (Схватилъ Миру за руки) Это правда? Что же ты, Мира, со мной дѣлаешь?

МИРА (смущенно).

Пу да, цѣловаль.

СИМОНЪ.

Какъ же онъ смѣлъ! Ты вѣдь не хотѣла. Скажи, что ты хотѣла, и я пойду внизъ и убью его. Убью!.. Скажи слово—жизнь мнѣ не дорога. Ну, скажи-же,—цѣловаль? Тебя онъ касался? (Рѣшительно) Ну хорошо, хорошо. Теперь я знаю, что мнѣ нужно сдѣлать съ собой...

МИРА (холодно).

Ты умрешь? Тѣмъ лучше... Кто не можетъ, пусть умираетъ! Если бы я не могла!..

СИМОНЪ.

Теперь приду домой и расплачусь! Я увижу свои стѣны и расплачусь. Зачѣмъ я буду стоять у окна, когда нѣтъ Миры? Лягу спать и не скажу себѣ больше: завтра пройду по улицѣ, гдѣ живетъ Мира, когда нибудь она будетъ моею женой... Свою улицу увижу и расплачусь.

МИРА.

Развѣ я виновата? Я жалѣю тебя... Нѣтъ, не жалѣю. Я какъ-то не думаю о тебѣ. Такъ случилось... Что твое несчастье и что мое счастье? Мы всѣ тутъ бьемся. Я одного хочу, ты другого, каждый думаетъ о своемъ—мы рвемся куда-то... Я завидую тебѣ, Симонъ. Тебѣ нужна Мира,—какъ легко, если хочешь только Миру. Но мнѣ-то что нужно? Мнѣ-то! Да, Габай! Но вѣдь хочется другого, необыкновеннаго. И я недовольна, нѣтъ, я несчастна.

СИМОНЪ

(съ недоумѣніемъ и нѣжно).

Ты всегда была странной дѣвушкой, Мира. Никому не понять тебя.

МИРА.

Ступай, Симонъ, домой. Ты долженъ меня забыть. У тебя есть терпѣніе. Заставь себя! Я совсѣмъ не то, что ты думаешь. Ни къ чему меня нельзя приручить,— ни къ мужу, ни къ семьѣ, ни къ дѣтямъ. Въ одинъ день я все разорву и улечу. И туда полечу, и сюда полечу. (Вдругъ, серьезно) Народъ ворчитъ на улицѣ! Если бы ему нужна была моя жизнь! Благословила бы ихъ и поцѣловала бы свою смерть.

СИМОНЪ

(упавшимъ голосомъ).

Значить, все пропало! О Мира, какъ хорошо все-таки, что убьетъ меня не голодъ, не болѣзнь, не старость, а ты! Мнѣ хочется поцѣловать тебя за это. Позволь мнѣ на прощанье поцѣловать тебя. Я не сержусь, я покоряюсь, Мира. Ты всегда была сильнѣй меня, и я любилъ, что такая молоденькая вертитъ такимъ большимъ, какъ я. Я гордился... Я говорилъ себѣ: у меня будетъ жена съ головой. Всякій скажетъ: какая умница жена Симона. Ну, ничего, я не сержусь; я, кажется, успокоился. Дай мнѣ обнять тебя. Посмотри на меня нѣжно, какъ нѣкогда смотрѣла.

МИРА.

Стань мужчиной! Стань имъ. Не можешь? Что я для цѣлаго человѣка? Не можешь? Такъ много значить любовь для человѣка?

СИМОНЪ.

Прощай, Мира. Я иду теперь домой и до вечера буду думать о тебѣ. А потомъ? Сердце мнѣ скажетъ, что потомъ...

МИРА.

Ты развѣ не чувствуешь, какъ душа моя плачетъ? Ну, что же? Можетъ быть, такъ и нужно. Можетъ быть,

наступитъ другая жизнь, этого не будетъ... Или будетъ?
Иди, Симонъ... Иди! (Симонъ цѣлуетъ ее)

ВЕТЬКА.

Симонъ цѣлуетъ Миру! (Хлопаетъ въ ладоши. Симонъ быстро уходитъ)

МИРА

(стоятъ въ раздумьи, махнула рукой).

• Ну что, Бетка?

ВЕТЬКА.

И Габай цѣловалъ тебя, и Симонъ. Это стыдно.

МИРА.

Мнѣ, Бетка, не стыдно. Мнѣ только больно, мнѣ ужасно больно.

(Собирается уйти. Входятъ Габай, Нахома и Берманъ. Нахома садится на кровать. Дѣти ласкаются къ ней. Она ихъ отстраняетъ. Опустила голову, словно не видитъ, не знаетъ, что вокругъ нея происходитъ)

ГАБАЙ.

Ты заставила меня долго ждать, Мира. Я потерялъ терпѣніе.

МИРА (вздыхнула).

Иду уже.

БЕРМАНЪ.

Только-что Симонъ пробѣжалъ мимо насъ. Совсѣмъ сумасшедшій... Я позвалъ его: Симонъ, Симонъ,— онъ даже не оглянулся. Охъ-ой-ой! Что-то онъ мнѣ не понравился. Какъ этотъ день, не понравился.

МИРА.

Не придетъ больше Симонъ сюда!

(Нахома подняла голову и сейчасъ же опустила ее)

ГАБАЙ

(все стоитъ у дверей. Нетерпѣливо).

Мира!

МИРА.

Сейчасъ, сейчасъ. (Къ Нахомъ) Вотъ у меня мелочъ... Купишь хлѣба!

НАХОМА.

Что? мелочъ? Ну хорошо, дай Берману.

БЕРМАНЪ.

Хлѣбныя заперты вездѣ. Не до торговли теперь.

НАХОМА (устало).

Если, Мира, увидишь Мину гдѣ-нибудь, — скажи ему... скажи ему... (Готова заплакать. Сдерживается)

БЕРМАНЪ.

Посидѣла бы ты дома, дѣвушка... Берманъ говорить, что лучше сегодня дома посидѣть. Охъ-ой-ой. Что-то еще будетъ? Старые люди знаютъ, что будетъ, а молодые не видятъ. Буря пройдетъ и опять станетъ тихо, а въ домахъ будутъ плакать, не досчитаютъ всѣхъ. Охъ-ой-ой, жизнь наша темная. Ты послушай, что на улицѣ уже рассказываютъ!..

МИРА.

Пусть рассказываютъ.. (Идетъ къ дверямъ. Габай вышелъ первымъ) Что тамъ за шумъ?

(Всѣ прислушиваются къ звукамъ, идущимъ изъ коридора. Мира и Габай начинаютъ отступать въ комнату. Двое сосѣдей ведутъ подъ руки Мину, который безсмысленно озирается. Нѣсколько сосѣдокъ

сопровождать ихъ: Нахома повернула голову и подозрительно всматривается)

НАХОМА.

Кто это тамъ? (Громко и испуганно) Кого это ведутъ?
(Съ воплемъ) Кто это? (Дѣти подняли плачь)

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Это Мина. Его привезли сюда.

НАХОМА

(радостно вскрикиваетъ).

Мина! Мой мужъ! Дѣти, молчать! (Подбѣгаетъ къ нему и вдругъ начинаетъ отступать. Недовѣрчиво осматриваетъ его) Нѣтъ, это не мой Мина!.. Мой Мина вышелъ здоровымъ, крѣпкимъ. Сердитымъ вышелъ мой Мина.
(Пронзительно крикнула)

МИНА

(слабымъ голосомъ).

Свалился я, Нахома... Отъ голода!..

ВТОРАЯ СОСѢДКА.

Добрые люди подобрали его на улицѣ.

БЕРМАНЪ

(подходить къ нему. Подбоченился).

Что съ вами, Мина? Гдѣ вы пропадали? Хорошихъ дѣлъ вы натворили. Нахома, надо положить его.

НАХОМА.

Что? (Крикнула) Положить? Кого? (къ сосѣдямъ) Зачѣмъ вы привели его сюда? Что? Мой мужъ? Какой онъ мнѣ мужъ? У меня мужъ былъ здоровый. Ведите его туда, откуда взяли. Какъ вы смѣли привести сюда

еще одного голоднаго. Возьмите его,—онъ мнѣ не нуженъ. Я искала Мину, Мину!

МИНА

(гихимъ голосомъ).

Нахома, (дрожить) Нахомочка... Куда же ты меня гонишь? Теперь! Ослабѣлъ я, Нахома, пропалъ я!

М П Р А (возмущенно).

Съ ума ты сошла, Нахома? (Къ сосѣдямъ) Положите его на кровать. Габай, есть у тебя деньги? Надо сейчасъ же затопить. (Береть Мину за руку) Онъ горитъ,—онъ простудился!

НАХОМА.

Простудился! Какъ же онъ смѣлъ придти сюда? (Къ Минѣ) Почему ты пришелъ? Почему, почему?

М П П А (умоляюще).

Нахомочка, жена моя, дай мнѣ сказать. Я хотѣлъ придти только съ хлѣбомъ, я свалился.... Три дня я кусочка хлѣба не видѣлъ.... (Дрожить. Стучить зубами) Холодно мнѣ.

НАХОМА (неумолимо).

Ничего не хочу знать... Что же это за жизнь така... Уходи, откуда пришелъ. (Отходить отъ него)

ГАБАЙ.

Перестаньте ссориться. Что вы за люди! (Беретъ его подъ руки, подводитъ къ кровати и устраиваетъ на ней) Вотъ вамъ, Берманъ, деньги. Принесите угля. Затопите. Заварите чай. (Къ сосѣдямъ) А вы уходите-ка отсюда. Нечего вамъ здѣсь смотрѣть.

(Сосѣди киваютъ головами и выходятъ)

НАХОМА.

Чай? (Подходить къ Минѣ) Чаю тебѣ дать? А савантъ? (Къ Габая) Что, это вы задумали? Ядъ ему нужно дать! Ничего не имѣла отъ него въ жизни. Обманулъ онъ меня во всемъ. А что онъ мнѣ обѣщалъ?

МИНА (дрожить).

Развѣ можно теперь говорить со мной объ этомъ?

НАХОМА.

О чемъ можно? Скажи—о чемъ? День у меня былъ ли хорошій за эти двѣнадцать лѣтъ? Ты портился, я портилась. Голодъ, голодъ, голодъ, вотъ что я помню... Ссоры и голодъ! Ругань. Дѣтей рожала, дѣти умирали. Ругань! Голодъ! Потомъ водка. Несчастливая я!... Помнишь, когда ты первый разъ пьянымъ пришелъ? Я сказала тебѣ: теперь, Мина, мы пропали; ничто уже насъ не спасетъ, а ты смѣялся...

МИРА.

Оставь его, Нахома. Не мучь несчастнаго.

МИНА

(съ трудомъ произносить слова).

Я отъ голода сталъ пить. Вѣрь, Нахома, что отъ этого, отъ отчаянія, клянусь!

(Хочетъ подняться и падаетъ назадъ)

НАХОМА.

Плакала я тогда. Уткнулась въ подушку и думала: прибралъ бы уже меня Богъ съ дѣтьми къ себѣ.

МИНА

(протягиваетъ къ ней руки).

Добрая жена моя, Нахома.

НАХОМА.

Зачѣмъ же ты пришелъ сюда? Пожалѣлъ бы насъ и не пришелъ. Ты намъ не нуженъ. Когда уже и руку поднялъ на меня... (Дико вскрикнула) Ты убѣжалъ! Ты думалъ, что побѣгу искать тебя, стонать буду? Стану рвать на себѣ волосы и кричать: гдѣ мой дорогой! Мина, гдѣ мой хлѣбодатель?

МИРА.

Ты должна же перестать когда-нибудь, Нахома, прошу тебя.

НАХОМА (въ опьаненіи).

Убирайся съ совѣтами! Я о своей жизни кричу, я о своей боли кричу, послѣднимъ голосомъ я кричу. Что у меня была за жизнь? Двѣнадцать лѣтъ я падала внизъ и все царапалась вверхъ!.. Разбивалась я, Габаи! Работала, рожала, мучилась, а жизнь все криво шла. Все криво! Уйди съ совѣтами! Уйдите всѣ съ совѣтами. Это сокровище вамъ дорого, возьмите его съ собою, все возьмите. Возьмите дѣтей, все, все!... (Сбрасываетъ съ кровати дѣтей, подушку, одѣяло)

ГАБАИ

(подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за руки).

Она съ ума сошла! Мира, помоги мнѣ ее удержать.

НАХОМА

(въ изступленіи вырывается).

Берите все, ничего мнѣ не нужно! (Дико всматривается. Тяжело дышетъ. Взглядъ ея падаетъ на окно. Подбѣгаетъ къ окну и неистово стучить въ него) Вотъ виновникъ! Проклятый городъ, ты виноватъ въ моей жизни. Развались, разсыпсы! Задуши людей въ твоихъ домахъ!

своими камнями! Ихъ проклиная!... Всѣхъ сидящихъ въ теплѣ и сытыхъ—проклиная! Властныхъ проклиная! Холодныхъ, довольныхъ, сидящихъ на нашихъ спинахъ—проклиная.... Ихъ жениховъ, ихъ невѣсть, ихъ родильницъ!... Бдящій пусть подавится! Богатый пусть умереть, гдѣ стоитъ, лежитъ или ходитъ!

(Обрываетъ и падаетъ въ изнеможеніи. Дѣти окружили ее, кричать)

М И Н А

(повернулся къ ней лицомъ. Старается сойти съ кровати и не можетъ).

Нахомочка, что съ тобой? Или ты хочешь, чтобы я сейчасъ же умеръ? Чтобы сердце мое разорвалось? Нахома, у меня темнѣетъ въ глазахъ!

Г А В А Й

(бросается къ нему).

Мира, помоги ей! Мы ее сейчасъ поднимаемъ. Мина, придите въ себя. Дѣти, не кричать! (Смотритъ на Мину и на Нахому) Несчастные, несчастные люди, несчастныя жертвы. Видишь, Мира, запомни эту минуту! Напсѣ гнѣвомъ свое сердце. Зажги ихъ виномъ свою ненависть и пусть она никогда не потухнетъ. Нахома проклинала,—она нашла врага.... Сердце ей сказала: вотъ онъ!...

М И Р А.

Да, это онъ... (къ Нахому) Нахома, вставай, успокойся. (Растерянно) Развѣ я знаю, чѣмъ ее утѣшить? Утѣшеніе!

(Г а б а й помогаетъ поднять Нахому. Она приходитъ въ себя и тихо начинаетъ плакать. Ее подводятъ къ кровати и усаживаютъ на ней)

М И Н А (съ тоской).

Нахомочка, дѣточки мои....

С. Юшкевичъ. Голодь.

ГАВАЙ (къ Мирѣ).

Утѣшеніе! Здѣсь нѣтъ утѣшенія. Оно тамъ! Мы принесемъ его... (Нахома плачетъ. Габай растроганно) Придетъ день, и мы начнемъ перелистывать книгу страданій... И тамъ мы прочтемъ о Нахомѣ! И мы не пойдемъ, мы не повѣримъ, было ли оно такъ!

МИРА.

Томлюсь я... О, если бы поскорѣе этотъ день наступилъ! Не перевернется ли міръ до того, не потухнетъ ли солнце, не превратимся ли мы въ звѣрей? О, если бы поскорѣе!

(Отчетливо слышится пѣніе рабочихъ. Габай подбѣжалъ къ окну. Мира прислушивается)

МИРА.

Меня что-то поднимаетъ. (Съ увлеченіемъ) Идемъ, идемъ!

ГАВАЙ.

Это заря! Идемъ! (Быстро уходятъ. Нахома плачетъ. Все слышится пѣніе рабочихъ)

С. Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Каморка въ подвалѣ. Стѣны черныя и мокрыя отъ сырости. Земляной полъ. Оконце во дворъ,—дверь напротивъ. Мебели никакой: ни стула, ни стола, ни кровати. Сбоку маленькая плита. На полу три мѣшка, набитыхъ соломой; на нихъ лежатъ двое дѣтей Нахомы, больныхъ тифомъ. Бетъка забила въ углу. Дѣтей сторожить первая нищая, старуха съ лицомъ, изрытымъ оспой. Сидитъ на полу подлѣ больныхъ. Возлѣ нея костыль. Вечеръ. На плитѣ горитъ сальная свѣча. Больныя дѣти тихо стонуть.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Тише, дѣточки, тише, птенчики! (Придвинулась и всматривается въ ихъ лица. Качаетъ головой) Распухли вы, по-синѣли! (Дѣти опять застонали) Тише, маленькіе...

ВЕТЬКА

(вдругъ вскрикнула).

Крыса, крыса...

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Гдѣ она? Кш-кш... (Бьетъ костылемъ по землѣ) Чтобы васъ нечистый унесъ! И откуда онѣ берутся?

ВЕТЬКА.

Я боюсь, бабушка! Такъ я боюсь! (Плачетъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Не надо бояться, дѣвочка! Эге, что я видѣла въ жизни! Не боялась!

ВЕТЬКА (плачетъ).

А я боюсь. Отецъ стоитъ передъ глазами. Вотъ тутъ онъ стоитъ и плачется, и мнѣ клянется... Такъ онъ клянется, бабушка. (Плачетъ) Бабушка! Скажи мнѣ, въ глубокую яму его положили?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Въ глубокую, дѣвочка, въ глубокую!

ВЕТЬКА.

И теперь онъ тамъ одинъ лежить... одинъ! Еще вчера онъ лежалъ вотъ тутъ и такъ стоналъ; и такъ стоналъ, (плачетъ) что голова моя чуть не лопнула... Отецъ, бѣдный отецъ, такой молодой—и ты долженъ сегодня уже тамъ лежать...

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Всѣ тамъ будемъ, дѣвочка! Набѣгаешься, натрудишься, намучаешься въ этой проклятой жизни и такъ это легко тамъ отдыхать. (Пауза) Душа пошла наверхъ... А тѣло? Лежить себѣ тѣло тихо и радуется: слава Богу, я уже по ту сторону,—перешло я мость.

ВЕТЬКА (повторяетъ).

Слава Богу, я уже по ту сторону... Такъ онъ думаетъ? Бѣдный мой отецъ! И не боится? А черви?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (къ дѣтямъ).

Тише, маленькіе, тише, бѣдненькіе. А черви? Охъ, черви!..

ВЕТЬКА.

И мать еще не вернулась съ кладбища. Почему же ея нѣтъ, бабушка? Ты все знаешь, такъ и скажи! И о комъ плакать раньше, бабушка? Вчера отецъ умеръ, Гершеле и Нахмале умирають, мать ушла отца похоронить и еще не вернулась... Что съ нами стало, что съ нами стало! Сама я уже старуха, бабушка.

(Пауза. Дѣвочка подползла къ Нахмале и смотритъ на него. Сильно расплакалась)

ВЕТЬКА.

Нахмале мѣо, Нахмале!

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Ахъ, дѣвочка, дѣвочка! Что же она оставила меня
смотримъ ваше горе?

ВЕТЬКА.

Нахмале мой, Гершеле мой, и плакать уже не могу
падъ вами. Слезъ у меня нѣтъ и голоса нѣтъ. (Зало-
мила ручки, хрустнула пальчиками) Прибери уже всѣхъ
насъ къ себѣ, Богъ добрый! Добрый Богъ, я прошу
тебя, къ отцу возьми насъ всѣхъ. (Согнулась вдвое и
вздрагиваетъ отъ рыданій)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Не запомню я такого года, охъ, не запомню! Не плачь,
дѣвочка, не плачь! Тутъ вѣдь у меня сердце! Не ку-
сокъ дерева, сердце тутъ лежитъ...

(Дѣти протяжно стонуть. Вхо-
дятъ, крадучись, вторая и третья
нищія. Вторая одѣта въ муж-
ское въ заплаткахъ и въ дыркахъ
пальто. Босая. Голова ея повязана
цвѣтнымъ платкомъ. Тр тья очень
худая, съ желтымъ восковымъ ли-
цомъ, зловѣщимъ. Глаза возбуж-
денныя, горячія. Фигура скрыта
подъ тряпьемъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (обернувшись).

Кто это тамъ? Вы, Нахома?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Какая Нахома? Не знаю я Нахомы.

ВЕТЬКА (испуганно).

Что имъ нужно, бабушка?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Это сосѣдки со двора.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Что же меня не надо пожалѣть? Вѣдь этого нельзя перенести. Зачѣмъ они воютъ? Дайте имъ что-нибудь, чтобы не кричали.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Они воютъ прямо въ мозгъ. Мы зашли сказать вамъ, чтобы они замолчали. Иголки они втыкаютъ въ мозгъ своими голосами.

ВТОРАЯ НИЩАЯ
(къ третьей нищей).

Дайте мнѣ сказать имъ...

ВЕТЬКА (съ крикомъ).

Бабушка, я ихъ боюсь!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Не надо бояться, чего бояться? Но и чужое сердце нужно пожалѣть. Я живу рядомъ... Тамъ воютъ, здѣсь воютъ! Когда же конецъ?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Есть у васъ хлѣбъ или мясо, или что-нибудь? Такъ дайте мнѣ перекусить. Я два дня не ѣла. Два дня.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Ничего у меня нѣтъ! Откуда? Вотъ дѣти больныя, а я должна ихъ стеречь...

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Больныя? А гдѣ здоровыя? Мучиться,—такъ пусть дадутъ силъ. Или загнали бы насъ всѣхъ въ сарай и перебили сразу. А то голодь вчера, голодь сегодня, голодь завтра, и воютъ! Къ чему это?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (сочувственно).

Да, къ чему это?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ

(нюхаетъ воздухъ).

Куда ни пойду, вездѣ пахнетъ хлѣбомъ, говядиной...

ВТОРАЯ НИЩАЯ (недовольно).

Вотъ когда вы начинаете о говядинѣ говорить, я сержусь. Человѣкъ вѣдь пахнетъ мясомъ. И хочется... хочется вцѣпиться зубами въ чью-нибудь руку... въ мясо!..

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Богъ съ вами! Такихъ словъ еще не слыхала.

ВТОРАЯ НИЩАЯ

(измученнымъ голосомъ).

Что—Богъ съ вами? Голова уже не въ порядкѣ! И тутъ воютъ, и тамъ воютъ... Мутится въ головѣ. Сидишь—мутится, и стоишь—мутится... Въ глазахъ что-то прыгаетъ... отъ голода.

В ЕТЬ КА

(вдругъ, съ крикомъ).

Бабушка, бабушка! (Прячется у нея на рукахъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Вы заговариваетесь! Вотъ тоже скажу: вы пугаете ребенка, а я боюсь васъ. Посмотрите, что тутъ дѣлается, и уйдите. Хозяинъ вчера умеръ, два мальчика умираютъ голодной смертью... уходите отсюда.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (упрямо).

Пусть не воютъ, и я уйду.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Во дворѣ тоже умираютъ. И несутъ ихъ, несутъ! Куда всю недѣлю выносятъ мертвецъ? Куда же дѣваться? Вырвала... а бы уши.

а я сама хочу кушать. Какъ зовутъ ихъ мать? (Указываетъ на дѣтей)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Нахома. Вотъ тоже забота. Ушла похоронить мужа и еще не вернулась.

ВЕТЬКА.

Кто-то идетъ, кажется.

(Всѣ прислушиваются)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Нѣтъ, никого!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Что я вамъ хотѣла сказать? (Вспоминаеть) Хотѣла сказать вамъ, что не могу слушать, какъ они воютъ... Нѣтъ, хотѣла сказать вамъ, что хочу кушать... Нѣтъ, хотѣла сказать вамъ, что плачу и вѣрю! Вотъ это самое главное...

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Теперь вы хорошо говорите. Придетъ же конецъ нашимъ мученіямъ. Не сегодня, такъ завтра.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (мрачно).

Конецъ будетъ!... Перемеремъ всѣ съ голода, вотъ какой конецъ будетъ.

(Дѣти застонали)

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Упросите ихъ, пусть не кричатъ. Не перенести мнѣ этого.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ

(придвинулась къ дѣтямъ и заглядываетъ имъ въ глаза).

Тише, бѣдненькіе! Ахъ. козленочки, козленочки.

БЕТЬКА (прислушивается).

Бабушка, кто-то открывает дверь! Это мать! (Бѣжитъ къ дверямъ) Нѣтъ, это Берманъ. Берманъ! (Бросается ему на шею) Гдѣ моя мать? Берманъ! (Плачетъ)

БЕРМАНЪ

(держитъ мѣшочекъ въ рукахъ. Цѣлуетъ Бетьку).

Не вернулась! Придетъ твоя мать, охъ-ой-ой. Не плачь! (Оглядываетъ комнату и вздыхаетъ) И отцу хорошо, не плачь, хорошо ему. Возлѣ трона Его стоитъ и тепло ему, и не голоденъ! (Подходитъ къ больнымъ дѣтямъ, оглядываетъ ихъ и качаетъ головой) Радуется Мина теперь и проситъ: помоги, Господи, моей Нахомѣ и моимъ дѣтямъ на землѣ. И поможетъ, и поможетъ, охъ-ой-ой. (Раскрываетъ мѣшочекъ и достаетъ оттуда хлѣбъ) А вотъ что я выпросилъ у добрыхъ. Денегъ не даютъ, а хлѣбъ выпросилъ.

БЕТЬКА.

Я сяду возлѣ васъ, Берманъ. (Садятся на полу, Бетька ѣсть и вздыхаетъ)

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (стремительно).

Дайте мнѣ кусокъ хлѣба. Дайте, не то вырву его у васъ. (Берманъ даетъ ей. Она быстро глотаетъ) Вкусно! Еще есть хлѣбъ въ городѣ? А мнѣ, куда ни приходила, кого ни просила, вездѣ отказывали. Два дня уже въ городѣ не была. Что тамъ? Дайте еще.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Будьте добрымъ и мнѣ кусочекъ удѣлите.

БЕРМАНЪ.

А? (Роется въ мѣшочкѣ и даетъ обѣимъ. Онѣ жадно ѣдятъ. Предлагаетъ и первой) Въ городѣ? Стоитъ городъ какъ ни въ чемъ не бывало. (Сталъ на четверенькахъ и загля-

дываетъ больнымъ дѣтямъ въ глаза. Суетъ имъ хлѣбъ въ ротъ. Они стонуть) Пропали и эти, охъ-ой-ой!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Дайте еще кусочекъ. На томъ свѣтѣ сосчитаемся. (Встѣ съ наслажденіемъ. Отрываетъ куски и бросаетъ ихъ въ ротъ)

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Еще кусочекъ, старичокъ. Ну, ну, что же въ городѣ?

БЕРМАНЪ (бормочетъ).

Вамъ быка подай и его вы скушаете. (Даетъ имъ и самъ жуетъ) Что? ничего! Вотъ Берманъ нищенствуетъ теперь, хорошо это? Былъ купцомъ, сдѣлался нищимъ, охъ-ой-ой! И много Бермановъ теперь ходятъ по городу съ мѣшочками въ рукахъ. Вотъ что теперь въ городѣ. Если бы не въ землю шель, охъ-ой-ой, сказалъ бы: пропади этотъ міръ. Добрымъ голосомъ сказалъ бы!

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Теперь всѣ такъ говорятъ...

БЕРМАНЪ.

Женщины! (Жуетъ. Оживляется) Женщины! Что вы понимаете? Вы видѣли, какъ собаки грызутся изъ-за кости? Такъ это пустяки. Слышите, Берманъ говоритъ, что это пустяки. Сегодня, когда хоронили нашего Мину и другихъ несчастныхъ, на кладбищѣ былъ вой... Нахома лежала на землѣ и билась, какъ въ черной болѣзни, землю она грызла. Я говорю, это пустяки. Что смерть? Добро—теперь смерть! Живые ходятъ и кричать и спрашиваютъ: гдѣ моя смерть? Вотъ что говоритъ народъ. Ну ничего! Можетъ быть, слышали, какъ недавно кричалъ народъ, когда его избивали на улицѣ? И даже этотъ крикъ пустяки! Вотъ что дѣлается въ городѣ.

ПЕРВАЯ НИЦАЯ (въ ужасѣ).

Дорогой Богъ, пожалѣй уже насъ!

БЕТЬКА (вмѣшивается).

А что Мира подѣлываетъ, Берманъ, а Габай?

БЕРМАНЪ.

Тшше, Бетька! Стѣны уши имѣютъ... Тшш! Не спрашивай о нихъ.

БЕТЬКА.

Они все тамъ?

БЕРМАНЪ.

Тшш, охъ-ой-ой, тшш!

ТРЕТЬЯ НИЦАЯ

(болѣе добрымъ голосомъ).

Еще кусочекъ, хорошій человѣкъ, и я ваши ноги поцѣлую.

ВТОРАЯ НИЦАЯ.

Почему нельзя говорить? Кто такая Мира?

ПЕРВАЯ НИЦАЯ.

Не спрашивайте! Это имя нужно забыть.

БЕРМАНЪ

(старается перемѣнить разговоръ).

Почему никто не понимаетъ? Я простой человѣкъ и говорю, что никто ничего не понимаетъ. Вотъ что я говорю.

ПЕРВАЯ НИЦАЯ,

Ничего не понимаю.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Ну, объясните. По васъ вижу, что вы хороший старичокъ. Теперь я сыта и послушаю.

БЕРМАНЪ.

Ну хорошо, женщина. Вотъ спрошу васъ, что значить этотъ голодъ? Такого голода не было и вдругъ такой голодъ. А? (Пауза. Женщины выжидательно смотрятъ на него) Охъ-ой-ой! Вотъ я иду въ полъ ночью... Берманъ идетъ. И думаю: Господи, все ночь, все ночь... Доколь? Охъ-ой-ой! И вдругъ гдѣ-то огонь.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (съ благоговѣніемъ).

Огонь! Ну дальше, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ это нужно понять. Что свѣтитъ больше, чѣмъ измученное сердце? Ни звѣзда, ни огонь, ни солнце! Женщины,—голодъ! Женщины, женщины! Высунемъ голову изъ окна. Что мы слышимъ? Плачъ? Больше! Стонъ? Еще больше! Вой? А еще, еще? Вслушайтесь, хорошенько вслушайтесь. Добро идетъ оттуда, миръ идетъ оттуда... Ага, вотъ что я говорю.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (съ трепетомъ)

Я что-то слышу. Я давно слышу.

БЕРМАНЪ.

Что дѣлалось мѣсяцъ тому назадъ! Тшш... Били, рубили, лошадыми топтали! Ага! А какъ цыпленочекъ изъ яйца выходитъ? Ага! Голодъ рождаетъ гнѣвъ, а гнѣвъ рождаетъ миръ.

ПЕРВАЯ НИЦАЯ
(словно догадалась).

Богатые помирятся съ бѣдными?

БЕРМАНЪ.

Вотъ это и будетъ...

ТРЕТЬЯ НИЦАЯ (вовбужденно).

Шкогда, никогда! Скорѣе на этихъ ладоняхъ волосы
выростутъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ это и будетъ! Помирятся люди... Былъ чело-
вѣкъ Симонъ и повѣсился съ горя. Охъ-ой-ой! На мо-
ихъ глазахъ плакалъ этотъ человѣкъ! И кто видѣлъ
эти слезы, знаетъ ихъ вкусъ. А зачѣмъ? Подождать
бы и примирились. Потому что помирятся люди,
навѣрно помирятся, охъ-ой-ой. (Вдругъ) Кто это
тамъ?

БЕТЬКА

(съ крикомъ вскакиваетъ).

Мать! Я чувствую, что это моя мать!

(Бѣжитъ къ дверямъ. На хомъ вхо-
дитъ быстро и сталкивается съ
Беткой. Замѣтивъ у себя чу-
жихъ, останавливается въ изу-
мленіи. На ея лицѣ мелькаетъ вы-
раженіе досады, которое сейчасъ
же смѣняется гнѣвомъ. Въ рукахъ
у нея узелокъ)

БЕТЬКА

(съ радостнымъ крикомъ).

Мать, дорогая мать! (Обнимаетъ ее)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Гдѣ вы были такъ поздно? Развѣ вы оставили здоровыхъ дѣтей?

ВЕТЬКА (плачетъ).

Одна ты вернулась.

БЕРМАНЪ.

Пришелъ васъ провѣдать, Нахома, а вы... Охъ-ой-ой!

(Нахома молча кладетъ узелокъ на плитѣ. Развязала шаль. Повернулась и упорнымъ взглядомъ оглядываетъ присутствующихъ)

НАХОМА (сердито).

Зачѣмъ вы собрались здѣсь? Развѣ мнѣ нуженъ кто-нибудь? Дѣти, молчать!

ВТОРАЯ НИЩАЯ (уступчиво).

Мы уже уходимъ. Мы знаемъ ваше несчастье. (Къ третьей) Идете?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Еще надо спрашивать. (Не торопясь выходить)

НАХОМА (нетерпѣливо).

Всѣ уйдите. Кто призывалъ васъ?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (испуганно).

Что съ вами, Нахома?

НАХОМА.

Я знаю, что со мною. Я знаю! (Подходить къ больнымъ дѣтямъ. Чуть застонала) Умираютъ! (Опять застонала) Умираютъ! Ну хорошо,—еще лучше!

ВЕРМАНЪ (осторожно).

Не узнаю васъ, Нахома! Слова ваши пугаютъ.

НАХОМА (съ досадой).

Что вы понимаете? Перестаньте, Берманъ... Вы—хорошій старикъ, только перестаньте. Знаете, гдѣ я была? Не знаете? Что рѣшила? Тоже не знаете! Сказать вамъ? Такъ я и скажу. Ну уходите, уходите скорѣе. Я тащи́лась по городу! Вотъ что я купила. (Показываетъ на увелокъ) Бѣжала я, бѣжала... И у оконъ богатыхъ стояла и... (Обрываетъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Какъ же уйти отсюда? Дорогая, я васъ не оставлю.

НАХОМА.

Что? Кто смѣетъ мѣшаться? Кто посмѣетъ... Должна сдѣлать людямъ добро и сдѣлаю. Или вы мнѣ жизнь дали? Или вы, Берманъ? Что же вамъ за дѣло?

БЕТЬКА (къ матери).

Что ты говоришь? Какъ ты говоришь! (Ломаетъ пальчики отъ страха)

НАХОМА.

Молчи, Бетька. Надо людямъ помочь! Пришла минута, когда имъ можно помочь. Молчите, Берманъ. Вы должны теперь молчать и не мѣшать. Что-то должно случиться. (Смотритъ прямо передъ собой) Нѣтъ Мины! (Оглядывается и нѣжнымъ голосомъ зоветъ) Мина, Мина! Нѣтъ, нѣтъ, Берманъ, не жалко, не плачу. Слезинки не пролью. Какъ комочекъ желѣза мое сердце.

ВЕРМАНЪ (тихо).

Я принесъ вамъ хлѣбъ, Нахома. Съ утра вы не ѣли,—покушайте.

НАХОМА.

Хлѣбъ... (Серьезно) Завтра у всѣхъ будетъ хлѣбъ. Ужаснутся люди и дадутъ всѣмъ хлѣба... Вотъ Мина спросила бы: отчего ты такъ поздно пришла, Нахома? А я отвѣтила бы: это оттого, Мина, что я искала правду. (Серьезно) Нашла Нахома правду.

ПЕРВАЯ НИЦАЯ (уступчиво).

Ну хорошо, но вы больны, дорогая. Отдохнуть вамъ нужно.

НАХОМА

(съ удивленіемъ).

А вы еще здѣсь? Уходите же... Какъ васъ упросить? Словами, слезами? Я должна съ дѣтьми остаться. И поплакать.... и поплакать!

ПЕРВАЯ НИЦАЯ (къ Берману).

Она въ отчаяніи. Богъ знаетъ, что она задумала.

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! (Не знаетъ, на что рѣшиться)

НАХОМА.

Ну что же вы стоите? Зачѣмъ? Что у васъ есть теперь? Было немного хорошаго, какъ въ бѣдной лавочкѣ, и вышло.

ПЕРВАЯ НИЦАЯ (рѣшительно).

Я останусь съ вами. Не могу я уйти.

НАХОМА.

Такъ я возьму васъ за плечи и выброшу. Не мучьте меня. Ничего со мной не будетъ, не бойтесь.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Если вы гоните меня... (Поднимается съ пола и достаетъ костью) Послушать васъ послушаю... Только помните.

НАХОМА (оживленно).

Хорошо, хорошо. Идите съ Богомъ.

НИЩАЯ (заковыляла).

Спокойной ночи. (Выходить)

НАХОМА (къ Берману).

А вы? Идите же.

БЕРМАНЪ.

Таки пора мнѣ пойти домой, но что-то сердце не велитъ оставить васъ.

НАХОМА (нѣжно).

Берманъ! Хорошій Берманъ, добрый Берманъ... И вамъ нужно уйти. Развѣ я шучу съ вами? Развѣ я маленькая? Если бы вы знали, что будетъ завтра. Но молчу, молчу... Я хочу одна съ дѣтьми остаться, расцѣловать ихъ косточки и хорошо поплакать. (Хочетъ заплакать, но удерживается) Вы видите мою судьбу? Посмотрите, на чемъ мы спимъ; даже присѣсть негдѣ. И тутъ на землѣ онъ мучился весь мѣсяцъ. Вы иногда приходили. Что видѣли, что знаете! А помните, какъ хозяинъ выбросилъ меня на улицу съ больнымъ мужемъ, съ больными дѣтьми? Помните? И до сихъ поръ мы медленно умирали. Значитъ, все собралось для этого. (Обрываетъ) Не будемъ говорить, Берманъ! Сердце мое распухло, и все-таки я довольна...

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой.

НАХОМА.

Такъ вы теперь уходите. Что вамъ тутъ смотрѣть?

БЕРМАНЪ.

Я такъ привязался къ вамъ, Нахома. Честное слово Бермана, я привязался. Я даже могу въ огонь пойти, если вамъ нужно. Я жалѣю васъ. Дѣтей жалѣю. Можетъ быть, еще могу пригодиться вамъ? Не прогоняйте старика.

ПАХОМА.

Нѣтъ, Берманъ, только я могу пригодиться людямъ. Вы—хорошій, только уходите. Не смягчайте меня. Ступайте, ступайте. Я съ дѣтьми о Минѣ поговорю и заплачу. Ахъ, Берманъ, Берманъ! (Страстно плачетъ)

БЕРМАНЪ.

Вотъ этого не нужно, охъ-ой-ой! Ну, я пойду. Что мнѣ здѣсь дѣлать? Смотрѣть на горе? Это не весело, больно это! Смотрѣть на слезы? Охъ-ой-ой. Спокойной ночи Нахома, спокойной ночи, дѣти! (Подходить къ нимъ и цѣлуетъ ихъ)

НАХОМА

(опять нетерпѣливо).

Ну, ступайте уже, ступайте.

(Берманъ уходитъ. Нахома провожаетъ Бермана взглядомъ. Какъ только онъ скрылся, она подбѣгаетъ къ Беткѣ, обнимаетъ ее и крѣпко цѣлуетъ. Не выпускаетъ ее и рыдаетъ. Потомъ съ усиленіемъ подходитъ къ больнымъ дѣтямъ и склоняется къ нимъ. Стонетъ и сдерживаетъ рыданія)

БЕТКА.

Не плачь, мать. Прошу тебя. Ты не слушаешь? Что же съ нами будетъ?

НАХОМА

(обращается къ больнымъ).

Косточки мои дорогія! (Плачетъ) Невинные мои! Распухшія, молодыя косточки!

(Обнимаетъ ихъ. Бетька стоитъ въ сторонѣ и плачетъ. Скрипнула дверь. Нахома быстро поднялась. Входитъ Семъ)

НАХОМА.

Это вы, дядя? Зачѣмъ вы пришли?

СЕМЪ.

Нельзя къ тебѣ и придти? Если не у тебя живу, такъ нельзя навѣстить тебя?

НАХОМА (нетерпѣливо).

Не теперь, дядя. (Достаетъ изъ кармана тряпки и разворачиваетъ ихъ)

СЕМЪ.

Не понимаю я тебя, Нахома. (Вглядывается въ нее) У тебя нездоровые глаза. (Качаетъ головой) Что это у тебя въ рукахъ? Тряпки?

НАХОМА (равнодушно).

Да. (Вдругъ) Бетька!

БЕТЬКА.

Что, мать?

НАХОМА.

Ложись спать. Уже поздно.

БЕТЬКА.

Я не хочу еще спать. Можетъ быть, Давидъ придетъ ночевать,

НАХОМА.

Онъ не придетъ. Ложись, говорю тебѣ. (Бетька ложится на полу подлѣ дѣтей)

СЕМЪ

(взглянулъ на больныхъ и отошелъ отъ нихъ).

Я сегодня получилъ поклонъ... отъ Миры.

НАХОМА (равнодушно).

Отъ Миры? (Мнетъ тряпки) Ну, что она?

СЕМЪ.

Она уже поправилась. Зажили раны! Велѣла тебѣ кланяться, и чтобы ты не боялась.

НАХОМА.

Я не боюсь. Не думаю о ней. Она хотѣла, пусть расплачивается! Не жалѣю я ее!

СЕМЪ.

Это не можетъ быть.

НАХОМА (съ мольбой).

Васъ тоже просить нужно? Вы вѣдь видите?... (Замѣтила молитвенникъ въ его рукахъ и разсердилась) Все вы съ молитвенникомъ, дядя? Это меня сердитъ. Такъ хорошо кругомъ, что только благодарить нужно, только кланяться.

СЕМЪ.

Только!

НАХОМА

(вдругъ, откровенно).

А мнѣ вѣдь, дядя, скучно безъ Мины! Помните, дядя,

его, когда ему книжку вернули? Здоровый онъ былъ! Помните, дядя, что онъ сказалъ? И какъ скоро онъ умеръ. Сгорѣлъ онъ. А на лицѣ у него тогда не было написано... Но вы велѣли молиться. И сколько уже съ тѣхъ поръ умерло людей отъ этого проклятаго голода, а вы все молились. Пролетаютъ замученные надъ вашей головой, какъ птицы, а вы ихъ не видите. Дядя, дядя! (Склоняется головой къ его плечу) Шестъ человѣкъ носить Мина и каждый виситъ на его жилахъ,—вотъ что онъ говорилъ. А у меня даже сердце не екнуло. Почему? Молчало мое сердце, а мнѣ съ нимъ прощаться нужно было. Мнѣ нужно было обнять его, прижать къ себѣ и держать бы такъ до вчерашняго дня. Нѣтъ, не придетъ уже Мина пьяный, а я въ отчаяніи не скажу больше: опять выпилъ Мина, погубилъ ты себя, Мина.

(Сдерживаетъ слезы)

С Е М Ъ.

Если нужно, Нахома, то Онъ сильную руку, слышишь, вотъ такую сильную, большую руку простираетъ червя, который съ дерева упалъ, не гнушается и ведетъ его.

Н А Х О М А.

А почему же Онъ насъ не поддержалъ? Развѣ мы всѣ вмѣстѣ были слабѣ одного червя? Развѣ мы вмѣстѣ молили не громче одного червя?

С Е М Ъ (сурово).

Нѣтъ и нѣтъ! Вы возставали!

Н А Х О М А (покорно).

Когда вы такъ со мной говорите, дядя, я чувствую себя недостойной. Я смягчаюсь. Что-то тихое проходитъ въ душѣ, смиренное я чувствую, и хочется стать на колѣни, сложить руки вотъ такъ и опустить голову

Дрожь проходить по тѣлу. И готова страдать, дядя, сколько только вмѣститъ душа моя, тѣло мое...

СЕМЪ.

Что ты задумала, Нахома? А, Нахома? (Подходить къ ней и пытливо смотритъ ей въ глаза. Она отворачивается) Ага, не можешь?

НАХОМА.

Ну, а отчаяніе, а страданіе? А куда я пойду завтра съ моими дѣтьми? Вѣдь умри, никто не дастъ намъ хлѣба. Но вѣдь это, дядя, только первый вопросъ, только первый! Вѣдь мы, дядя, передъ желѣзной стѣной стоимъ! Подумайте, дядя. Мать и трое дѣтей, и она безумно любить своихъ дѣтей! Зачѣмъ имъ вырасти? Соками своими, слезами и кровью вскормила ихъ, — для кого? Посмотрите на этихъ двухъ, зачѣмъ же имъ жить? И вѣдь это только еще первый вопросъ, только первый...

СЕМЪ (испуганно).

Нахома! Я читаю въ твоихъ глазахъ, Нахома. Посмотри на своихъ больныхъ, испуганныхъ. Или они не достойны твоего состраданія?

НАХОМА.

Простой, непонимающій вы человекъ, дядя.

СЕМЪ (съ волненіемъ).

Жизнь подаренную надо беречь. Надо, я говорю тебѣ, надо... Задави свой вопль. Кто-то смотритъ на тебя, Нахома. Подними голову...

НАХОМА (раздраженно).

Не хочу смотрѣть! Ненавижу!

СЕМЪ (въ гнѣвѣ).

Не обижай Бога! Вотъ этими руками я задушу тебя

за Его имя. Молчи, Нахома, молчи, ослѣпленная. Возьми свое сердце въ руки и скажи, какъ созданіе Его: Господи, люблю Тебя! Несправедливость люблю Твою, ибо она справедливость, жестокость люблю Твою! Люблю Твою правду, мнѣ непонятную, и все, что кажется Твоей ложью. Всего люблю Тебя и въ добромъ, и въ зломъ. Дѣлай со мной, что хочешь, ибо вѣрю въ Твои пути.

НАХОМА.

Дядя! (Со стономъ) Дядя!

СЕМЪ (твердо).

Вѣрю въ Твои пути, такъ скажи.

НАХОМА.

Но вѣдь этого не должно быть! Дядя, людямъ нужна жертва! Не должно этого быть...

СЕМЪ (непреклонно).

Все должно быть, что есть на землѣ.

НАХОМА.

Я откушу свои пальцы отъ гнѣва. Камень поставьте вмѣсто себя, и я обниму его. Еще вы не содрогнулись?

СЕМЪ.

Это Его дѣла... Развѣ твое сердце не говоритъ тебѣ, что вездѣ Онъ...

НАХОМА (возмущенно).

Тяжело васъ слушать! Нѣтъ, дядя. Громъ нужно бросить на землю, чтобы этого не было больше! Нѣтъ такого закона, чтобы тьмы людей погибали. Дядя, такого закона нѣтъ. Только это нужно сказать. Сказать громко, сказать страшно. Вотъ послѣдній вопросъ.

(Взволнованно) Кто виновникъ нашей жизни? (Указываетъ черезъ окно на городъ) Они! Они должны объ этомъ узнать... Завтра они опомнятся... Четыре трупа я брошу на ихъ головы. Богатые, сытые, сильные, — опомнитесь! И они содрогнутся... Четыре трупа я брошу на ихъ праздники, на ихъ пиры, на ихъ свадьбы, четыре грома я брошу среди ликованій и радости. Пусть жертва моя закричитъ: куда же идете, люди? Куда? Или можетъ быть радостью упиваться чужой кровью, или можетъ быть сладостью чужое страданіе? Или можно ѣсть, когда тьмы голодають? Или можно жить, когда другіе страдають? плясать, когда тьмы рыдають? Дядя! Четыре трупа я брошу въ сердце этого проклятаго города. Четыре... Мы погибнемъ, но дойдетъ наша жертва, дойдетъ. Они содрогнутся и опомнятся. Они скажутъ: откуда этотъ громъ, и оглянутся. Они спросятъ, откуда этотъ громъ? и прислушаются. И пойдутъ къ замученнымъ, обезсиленнымъ...

СЕМЪ (въ отчаяніи).

Нахома! Не смѣй! Я выйду на улицу и стану кричать: народъ, ступайте къ Нахомъ. Преступленіе хочеть совершить Нахома.

НАХОМА (просто).

Всѣ, что чувствуютъ сердце человѣка, скажутъ: съ радостью и блаженствомъ она хочеть отдать себя и своихъ дѣтей ради другихъ!..

СЕМЪ.

Дитя мое, дитя мое! (Протягиваетъ ей молитвенникъ) Возьми эту книгу и читай се. Читай ее... Какъ палка въ трудномъ пути и какъ свѣтъ въ темнотѣ она. Возьми ее! Я вижу, — горнило отчаянія проходить твоя душа. Возьми теперъ эту книгу...

НАХОМА

(се охватываетъ гнѣвъ. Вырываетъ книгу у него изъ рукъ и бросаетъ на полъ).

Вотъ мѣсто этой книгѣ. Вотъ гдѣ! Въ насмѣлку она намъ дана. Ложь, развратъ несетъ эта книга. Проклятіе нашей жизни, вотъ что въ этой книгѣ...

СЕМЪ

(борется съ ней и поднимаетъ молитвенникъ).

Дитя мое,—Онъ простить. Вотъ насупилъ Онъ бровь, какъ я, и сейчасъ же разгладилось лицо Его. Онъ знаетъ страданіе. На ладонь положилъ его и взвѣшиваетъ...

НАХОМА.

А съ Нимъ я поговорю. Я иду къ Нему съ дѣтьми. И—если Онъ есть, но—если Онъ только существуетъ... Слушайте, дядя! Я возьму своихъ дѣтей и выдвину ихъ впередъ... Возьму своего несчастнаго Мину, подведу еще ближе къ Нему и скажу: посмотри, Господь, близко дѣла Твоихъ рукъ. И Мина заплачетъ, и дѣти заплачутъ, а я въ глаза Ему буду смотрѣть и глаза мои будутъ тихо кричать: вотъ, Господь, дѣла Твоихъ рукъ. И Онъ отвернется. Не выдержитъ Онъ слезъ невинныхъ вблизи, и тогда я спрошу Его: почему, Господь, когда я полюбила одного, Ты убилъ его и далъ мнѣ Мину нелюбимаго и заставилъ выйти за него? Вотъ, Иегова, страданіе мое первое.

СЕМЪ

(съ порывомъ перебиваетъ ее)

Нѣтъ, нѣтъ, не такъ...

НАХОМА

(дѣлаетъ движеніе рукой).

Почему Ты требуешь справедливости отъ слабыхъ,

а Самъ, сильный, дѣлаешь хуже худшаго, злѣе злѣишаго? Вотъ жалоба моя первая!—Чѣмъ Ты оправдаешь мое страданіе? Тебѣ ли оно нужно было, когда Ты всѣмъ и каждому, направо и налѣво говоришь: Я—благо. Или Твое благо должно купаться въ страданіяхъ невинныхъ, такъ какое же это благо? И зачѣмъ Тебѣ людское мученіе? Тебѣ ли, Господь, сидѣть на тронѣ изъ страданій, Тебѣ ли нужна подставка изъ слезъ для ногъ? И вотъ направо и налѣво мы слышимъ про Тебя: Онъ добро, Онъ совершенство, какъ слышимъ мы лествъ богатымъ и сильнымъ, когда и дѣла ихъ и помыслы—жестокость...

СЕМЪ

(съ гнѣвомъ перебываетъ ее).

Закрой свой проклятый ротъ, безумная!

НАХОМА.

Слушайте, дядя, я спрошу Его во второй разъ. Почему Ты далъ мнѣ мужа и сдѣлать его пьяницей? Отъ горя онъ сталъ пьяницей! Былъ неудачникомъ, строптивымъ, а Ты вѣдь могъ его сдѣлать добрымъ работникомъ! И вотъ мы всегда голодали, какъ будто голодъ былъ лучшимъ кушаньемъ, а Ты изъ любви далъ намъ его полные амбары. Вотъ жалоба моя вторая. Отвѣчай, почему? Почему мы жили въ грязи,—спрошу Его въ третій разъ.—болѣли, скорбѣли, и рядомъ съ нами жили тмы въ грязи, болѣли, скорбѣли, и всѣ мы плакали ежедневно, ежедневно тщетно молили Тебя, когда тутъ же есть любимцы Твои, которые не знаютъ, куда хлѣбъ свой дѣвать, что дѣлать съ довольствомъ, съ здоровьемъ? Почему ежечасно, ежеминутно Ты давалъ намъ чувствовать только свою жестокость, свою злость, и мы спрашивали себя: что же это за Богъ, что же это за жизнь?—а Ты никогда не давалъ отвѣта,

будто ни одна наша слеза къ Тебѣ не дошла, будто ни одинъ крикъ всѣхъ тысячъ не дошелъ къ Тебѣ? Или Твои уши открыты только для избранныхъ, только для сильныхъ? Такъ какой же Ты Богъ, какъ можешь Ты требовать праведной жизни, смиренія, благословенія своихъ дѣлъ? Трижды жестокой содрогнулся бы, глядя на насъ. Ужаснулся ли Ты когда-нибудь, заплакалъ ли Ты хоть разъ надъ своими людьми?

СЕМЪ.

Я сейчасъ тебѣ отвѣчу. Дай мнѣ сказать тебѣ, Нахома...

ПАХОМА

(не слушаетъ его).

И вотъ всѣ годы моей жизни я видѣла только одну несправедливость Твою, только одну несправедливость видѣли мы и изо всѣхъ силъ старались не дѣлать такъ, какъ Ты. Оцѣнилъ ли Ты это? Сказалъ ли Ты себѣ: такъ конецъ же страданіямъ этихъ слабыхъ,—освобожу людей. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Потѣшался Ты надъ нами, и игралъ нашимъ горемъ и слезами, и день и ночь придумывалъ, что бы еще горькаго дать испить слабымъ? Посмотри же теперь внимательно, если не зналъ, земнымъ глазомъ на дѣла своихъ рукъ. Посмотри и устыдись! Я отдала свою жизнь и жизнь своихъ дѣтей, чтобы явиться сюда и потребовать отчета у Тебя. Что Ты дѣлаешь, Господи? Оправдай Себя, оправдайся передъ нами, отвѣчай. Вѣка идутъ, несправедливость Твоя растетъ съ вѣками,—люди уже не въ силахъ страдать. Ты отвернулся!.. Такъ отчего же Ты мучилъ? Зачѣмъ держалъ тьмы въ заблужденіи? Развѣ не могли мы силой своей побѣдить силу, ваять власть и уничтожить зло? Несчастный обманщикъ же Ты! Сто разъ брось меня въ адъ свой,—душа моя не сладется.

Не простятъ Тебѣ люди Твоего обмана... (Обезсилѣла. Садится на полъ у стѣны и сурово смотритъ на Семя)

СЕМЪ

(повернулся къ ней).

Проклясть тебя,—это не отвѣтъ, но было бы лучшимъ отвѣтомъ. Отчаяніе ослѣпило тебя. Взять бы камень и раздавить тебя... Кто можетъ желать, чтобы низъ дома лежалъ наверху, а крыша его подъ землей? (Съ презрѣніемъ) Человѣкъ! Кто можетъ просить, чтобы огонь охладжалъ, а ледъ зажигалъ? Человѣкъ! И вотъ уже отвѣтъ. Вѣдь Онъ знаетъ, и Онъ не сдѣлалъ. Низъ дома лежитъ подъ землей, а крыша кладется сверху, такъ должно быть и иначе не можетъ быть. Какъ алмазь сверкаетъ, такъ и правда сіяетъ здѣсь. Домъ,— вотъ его строеніе. Книга,— вотъ его пути. Камни жмутъ другъ друга, но кто спрашиваетъ о страданіи камня, когда зданіе нужно? (Съ презрѣніемъ) Человѣкъ! И что это за зданіе? Весь міръ! Крыша его тянется вверхъ къ Нему, но и низъ тянется вверхъ къ Нему, а кто скажетъ гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Вотъ это нужно понять! Или хлѣбъ и солнце — все, что нужно человѣку? Нѣтъ и нѣтъ. Гдѣ же отвѣтъ? (Показываетъ на молитвенникъ) Вотъ онъ, здѣсь отвѣтъ! Сюда смотри, ея читай. Что муки страданій и непониманіе и слезы передъ сладостью этой книги? Въ каждомъ словѣ ея— вѣдь царство царствъ! Въ каждой буквѣ— блаженство блаженствъ... Или тебѣ дорогъ тлѣнъ? Или хочешь золота? Такъ зачѣмъ къ Рему идешь? Зачѣмъ спрашиваешь? Молчанія Онъ хочетъ и любви! Покорности Онъ хочетъ и любви. Смиренія Онъ хочетъ... Дитя мое! Нахома! (Растроганный) Смотри!.. Вотъ наверху стоитъ Онъ и смотритъ на дѣла своихъ рукъ. Смотритъ онъ на шествіе своихъ людей къ Нему. И отмѣчаетъ однихъ, и отмѣчаетъ другихъ, и всѣхъ слушаетъ и ласково улыбается шествію своихъ людей къ Нему. Но въ

улыбкѣ Его сіяетъ страданіе!.. (Грустно) И надо идти, Нахома, песьлишно надо идти къ Нему... Тамъ все объяснятся...

НАХОМА (растроганная).

Онъ смотритъ на шествіе своихъ людей къ Нему. Онъ смотритъ... И страданіе сіяетъ въ Его улыбкѣ?

СЕМЪ.

Онъ знаетъ все. И сказалъ: вотъ вамъ Моя книга,— съ нею идите...

НАХОМА

(се охватываетъ безпокойство и нетерпѣніе. Нарочито соннымъ голосомъ).

Ну, хорошо! Спокойной ночи, дядя. (Приподнимается) Зайдите утромъ, дядя...

СЕМЪ (съ облегченіемъ).

Ты хочешь спать, Нахома? А то?

НАХОМА (зѣваетъ).

Что то? Я не знаю, что значить—то.

СЕМЪ

(сбитый съ толку).

Вотъ то, о чемъ ты говорила.

НАХОМА.

О чемъ я говорила?

СЕМЪ.

Ты хотѣла умереть.

НАХОМА.

Кто? я? (Искусственно размѣялась) Умереть! Ничего Нахома не сдѣлаетъ съ собой. Смѣялась Нахома. Она

останется сидѣть на полу, будетъ скучать по своему Минѣ, вздремнетъ, а когда проснется, заплачетъ о немъ. (Ложится, какъ бы собираясь уснуть)

СЕМЪ

(смотреть на нее и не знаетъ, на что рѣшиться).

Такъ какъ-же, Нахома? Я хочу спокойно уйти. Ничего ты съ собой не сдѣлаешь?

НАХОМА.

Я сплю. Вотъ сейчасъ Мину видѣла. Что, дядя?

СЕМЪ.

Сердце мое неспокойно. Я останусь съ тобою.

НАХОМА (живо).

Нѣтъ, нѣтъ, дядя. Ступайте домой! Зачѣмъ это? Умоляю васъ. Дайте мнѣ вздремнуть... Я сейчасъ увижу Мину... И такъ плачется хорошо во снѣ. Дядя, завтра встану и начну думать о работѣ...

СЕМЪ (успокоенный).

А я принесу утромъ хлѣба дѣтямъ. Принесу угля и затоплю.

НАХОМА.

И будетъ тепло...

СЕМЪ.

И чай заварю. Возьму Нахмале на руки и дамъ ему чаю.

НАХОМА.

Если Нахмале доживетъ, то скажетъ: дѣдушка Семъ, гдѣ вы взяли хлѣба? А вы скажете: у людей, у проклятыхъ людей! (Зѣваетъ) Я спать хочу, дядя, — спать...

С Е М ь.

Такъ спокойной ночи. Я не буду тревожиться. Ты заснула, Нахома?

Н А Х О М А.

Что, дядя? Вы еще здѣсь? И плакать хочется, и спать хочется... Спокойной ночи. Не забудьте зайти утромъ

С Е М ь.

Спокойной ночи. Я не тревожусь. Я спокоенъ.

(Выходить. Пауза. Нахома лежитъ, полузакрывъ глаза, и прислушивается. Шаги Сема стихли. Успокоенная, быстро поднимается)

Н А Х О М А

(съ тоской повторяетъ).

Спокойной ночи. (Застонала. Подходить къ Бетькѣ и будить ее) Бетька, Бетька!

В Е Т ь К А

(со сна испуганнымъ голосомъ).

Что случилось, мать?

Н А Х О М А.

Ты спала? Ничего не случилось. Я разбудила тебя, чтобы поцѣловать.

В Е Т ь К А (устало).

Всѣ спать. Дѣти притихли. А какой я сонъ видѣла! (Зѣваетъ) Отца я видѣла!..

Н А Х О М А

(беретъ ее на руки).

Бетька, Бетька.... (Плачетъ. Цѣлуетъ ее)

С. Юшкевичъ. Голодъ.

БЕТЬКА.

Что съ тобой, мать? Мать!.... (Обнимаетъ ее. Обѣ плачутъ)
Я не понимаю, я ничего не понимаю, мать.

НАХОМА.

Ну ложись, засни. А завтра уѣдемъ.

БЕТЬКА.

Куда мы уѣзжаемъ, мать? Уѣзжаемъ? Завтра! А тамъ будетъ хорошо?

НАХОМА.

Лучше нигдѣ не будетъ. (Подползаетъ къ другимъ дѣтямъ, нѣжно обнимаетъ ихъ. Цѣлуетъ и стонетъ)

БЕТЬКА.

Опять ты плачешь, мать! Я боюсь... Давно дѣдушка ушелъ? И отчего онъ ушелъ?

НАХОМА.

Недавно. Поцѣлуемся еще разъ. (Обнимаетъ ее опять и страстно плачетъ)

БЕТЬКА.

Ахъ, кака^я ты! Мать, мать... И отца нѣтъ!

НАХОМА.

Теперь разведу огонь, и вамъ будетъ тепло. Я и уголь принесла. Ну, ложись. (Подползаетъ къ больнымъ дѣтямъ)
Косточки мои, косточки! Дорогія, больныя косточки!

(Долго смотритъ на нихъ. Поднялась. Бетъка легла. Нахома подходитъ къ плитѣ, вынимаетъ изъ узелка уголь и щепки и разводитъ огонь. Погода закрываетъ трубу. Идетъ къ лѣтямъ и ложится подлѣ нихъ)

НАХОМА.

Ну, еще раз поцѣлуемся. Въ послѣдній разъ! Всѣ
возлѣ меня. Можетъ быть, послѣ насъ людямъ станеть
легко!

ВЕТЬКА
(сквозь сонъ).

Кажется, угаръ въ комнатѣ, мать? Голова что-то
болить.

НАХОМА.

Это ничего, Бетька. Поцѣлуемся еще разъ, дѣти.
Дѣточки! (Плачетъ) Обнимите меня! Еще одинъ разъ!
Ну, еще!... (Припала къ нимъ и страстно рыдаетъ)

КНИЖНИЦА МАШИНА И ПЕЧАТНИЦА
"РУССКАЯ МЫСЛЬ"
И. ЧЕРНОВА
EDITION ET LIBRAIRIE
D'Alexandre Miel

А. ЛУКЪЯНОВЪ.

МЕЧЪ ВРАГОВЪ.

ЛИЖНЫ МАКЗЕТЪ ИВАТЕЛЬСТВА

“РУССКАЯ МЫСЛЬ”

И ЧЕРНОВА

DITION ET LIBRAIRIE

Rousskaia Mysl’

МЕЧЬ ВРАГОВЪ.

Грозный голодь—мечь враговъ.
Въ темныхъ избахъ и подвалахъ,
Въ духотѣ жилищъ-гробовъ,
Онъ губиль-разиль усталыхъ...
Врагъ жестокий, какъ палачъ,
Мечъ спускалъ надъ головами,
И подъ жалкій стонъ и плачь
Окружалъ онъ мертвецами
Обезсиленныхъ живыхъ,
Приближая къ смерти ихъ...

Черный голодь—мечь враговъ
Но надъ вѣчною печалью
Изъ-подъ сумрака ѡковъ
Мечь блеснула острой сталью...
Мертвой ночью, въ часъ глухой
Закалили мечь страданья,
И за блѣдною зарей
Грозно вспыхнуло возстанье...
Вышли люди на враговъ
Изъ своихъ жилищъ-гробовъ!..

Старый, ржавый мечъ вѣковъ
Задрожалъ въ рукѣ владыки...
Нѣтъ бессильныхъ, нѣтъ рабовъ—
Всѣ могучи и велики!
Всѣ хотятъ быть впереди
Подъ горячимъ солнцемъ счастья;
Смѣло рвется изъ груди
Мощный голосъ самовластья...
И жестокий мечъ вѣковъ
Будетъ вырванъ у враговъ!

МАРИО РАПИСАРДИ.

РУДОКОПЫ.

ОЪ ИТАЛЪЯНСКАТО.

Переводъ А. Лукьянова.

БИБЛИОТЕКА

„РУССКАЯ ПЕЧАТЬ“

А. И. ЧЕРНЫШОВЪ
БИБЛИОТЕКА И ПРОСВЕЩЕНІЯ

„Востокъ“

CONSTANTINOPLE PERA

РУДОКОПЫ.

Среди могильныхъ ямъ, среди угрюмыхъ сводовъ —
Отвѣсныхъ, мрачныхъ скалъ надъ нашей головой,
Среди холодныхъ шахтъ, чернѣющихъ проходовъ,
Среди мѣзмосъ злыхъ, царящихъ подъ землей,
Оторваны отъ всѣхъ и отъ всего живого,
Чтобъ тѣшить праздный часъ чужихъ для насъ людей,
Мы заживо во тьмѣ погребены сурово,
Копатели и горь и черныхъ пропастей!
Мы роемъ цѣлый день, мы жадно ищемъ клада
Сокровищъ и богатствъ, мы — жалкіе, какъ стадо!
Для васъ, собраніе земныхъ боговъ, тотъ кладъ
Желѣза, серебра и съ яркими лучами
Каменьевъ дорогихъ, что блескъ огней затмятъ;
Для васъ однихъ земля, одѣтая цвѣтами,
Театры и пиры, веселье съ красотой
Безпечность праздная и увлеченій смѣны,
И радость вѣчная предъ новою мечтой!
Для насъ нѣтъ ни луча, ни неба, — только стѣны, —
Ни вѣянья любви, ни жизни чистоты,
Ни ласки теплыхъ словъ, ни дружескаго взора,
Но мука вѣчная средъ вѣчной тьмы!
Не люди развѣ мы? Всю тяжесть приговора
Кто возложилъ на насъ, кто муки намъ принесъ?

И если есть Господь и приходилъ Христось,
За что присуждены въ жестокой адъ живые?
Кто знаетъ,—роемъ мы, но ужъ близка пора,
Когда захватятъ грудь и духъ пары гнилые,
Огонь поглотитъ насъ иль разобьетъ гора...
Глядите!—Смотритъ смерть съ коварнымъ приговоромъ!..
Мы роемъ глубь земли, копаемъ рядъ могилъ
Для насъ, богатыхъ всѣхъ и скорбью и позоромъ,—
И, кажется, въ насъ нѣтъ уже ни капли силъ!
Копаемъ, роемъ мы губителямъ-тиранамъ!..
Гремите, черныя машины, молотки,
Стучите яростно отъ злобы и тоски,—
Пусть шахты мрачныя разверзнутся вулканомъ,
Раскроютъ тьму могилъ сіяющимъ лучамъ!
Чась наступилъ!—И мы идемъ навстрѣчу вамъ—
Мы, жалкіе для васъ, хотимъ добиться братства
И встать лицомъ къ лицу съ великимъ наравнѣ!
Мы добыли для васъ несмѣтныя богатства,
Что жадная земля скрывала въ глубинѣ;
Но, съ золотомъ въ рукахъ, жестокою войною
Вы двинулись на насъ съ позорнымъ торжествомъ!
Мы драгоценности вамъ принесли толпою,
А вы, вы развратили насъ, измученныхъ трудомъ,—
И изъ желѣза намъ сковали вы оковы,
И приковали насъ навѣки къ темнотѣ!
Свой образъ потерявъ, и грязны и суровы,
Мы уголь достаемъ, дающій жизнь вездѣ,
Дающій только вамъ тепло и свѣтъ и славу!
Ломаемъ горы мы и въ пропасти идемъ—
На огненный гранитъ—въ удушье и отраву;
Для васъ изъ глубины мы мраморъ достаемъ,—
Но памятники вы возводите героямъ,
Лишившимъ хлѣба насъ, и думаете вы:
Хоть мѣсто въ петлѣ намъ, но мы покорно роемъ,
Но мы всегда добры, податливы, мертвы...

Патрицій, буржуа, мы васъ побезпокоимъ:
Намъ окажите честь и выпьемъ за одно,—
За справедливый трудъ, за наше пробужденье,
За хлѣбъ, котораго не видимъ мы давно,
За честь, которой нѣтъ у васъ со дня рожденья,
За свѣтлый братскій миръ, роднящій всѣхъ людей!
Но что . . дрожите вы?—Какое оскорбленье:
Въ лохмотьяхъ и грязи у вашихъ мы очей!
Давая чувствовать свое полупрезрѣнье,
Вы корку старую намъ бросили скорѣй...
О трусы жалкіе, съ угрозой на-готовѣ! -
Взляните: ненависть проснулась, какъ змѣя,—
Не хлѣба мы хотимъ, но крови, крови, крови...
И пустьъ ликуеть мечь—хоть день одинъ ея!

Е. ЧИРИКОВЪ.

МУЖИКИ.

Картины деревенской жизни.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Евгений Чириковъ. Мужики.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „*Demos*“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

*Société d'édition et de librairie „Demos“,
22, B¹ du pont d'Arve, Genève, Suisse.*

или, — что то-же:

*Berlin W, 15, Ludwigskirchstrasse, № 1;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГОРОДЕЦКІЙ, Николай Александровичъ. Лѣтъ около 50, полный и видный мужчина съ выхоленнымъ лицомъ и руками.

СЕРФИМА СЕРГѢЕВНА. Лѣтъ 43, женщина съ добрымъ и умнымъ лицомъ, любитъ благодѣтельствовать бѣднымъ.

ВЛАДИМИРЪ. Студентъ, 22 лѣтъ.

НАТАША. Дѣвушка, 18 лѣтъ.

СЕРЕЖА. Гимназистъ, 14 лѣтъ.

Ихъ дѣти.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. За 30 лѣтъ, племянникъ Городецкихъ вернувшійся изъ политической ссылки и временно жи у щій у родныхъ; въ очкахъ, похожъ на профессора.

ЛИПА. Сестра его, лѣтъ 26, дѣвушка съ грустнымъ миловиднымъ лицомъ.

ПОЛКОВНИКЪ ВРОНИКОВЪ. Отецъ Городецкой, помѣщикъ, лѣтъ за 65, человекъ военной выправки и старыхъ взглядовъ

СЕМЕНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ. Земскій начальникъ, отставной ксрнетъ прикащикъ. Управляющій хуторомъ Городецкихъ.

АВДОТЬЮШКА. Кухонная баба.

ПОВАРЬ.

ГОРНИЧНАЯ.

КУЧЕРЪ ФЕДОРЪ.

НИКОЛАЙ. Староста с. Городецкаго и содержатель вѣзжаго дома.

ЛУКЕРЬЯ. Его жена.

ЯМЩИКЪ ПАВЕЛЪ.

ИВАНЪ КЛЮЧНИКОВЪ. Угрюмый крестьянинъ съ правильными чертами строгаго лица.

Б. Чириковъ. Мужики.

СТЕПАНЪ. Изъ Сухого Дола, крестьянинъ съ сверкающими
ненавистью глазами.
СОЛДАТИКЪ. Прохожій.
СТАРИКЪ. Лѣтъ 60, благообразный.
ДѢВКА. Его внучка.
ВОЩИКЪ 1.
ВОЩИКЪ 2.
МУЖИКЪ 1. Лысый.
МУЖИКЪ 2. Кудрявый.
КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.
БАВЕНКА. Съ мальчикомъ.
МАРФУТКА.
КРЕСТЬЯНЕ. Мужики, бабы и ребятишки.

Е. Чириковъ. Мужики.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Усадьба Городецкихъ. Обширный, поросшій травой, дворъ съ проторенными въ разныя стороны тропинками. По одной сторонѣ: черное крыльцо барскаго дома, калитка въ старый садъ съ вороньими гнѣздами, кухня и часть флигеля; по другой сторонѣ: линія надворныхъ построекъ. Въ глубинѣ распанутыя ворота и дорога, межъ зеленѣющихъ хлѣбовъ, въ близъ расположенное село Городецкое. По серединѣ двора колодезь съ старой, обросшей мохомъ, крышею. Около колодца и у амбара на „бревнышкахъ“ группируются чего-то ожидающіе мужики: одни лежатъ внизъ лицомъ, другіе сидятъ и жуютъ хлѣбъ, третьи стоятъ и тихо о чемъ-то переговариваются; порой прорывается смѣхъ. Въ раскрытыхъ дверяхъ каретника виденъ задокъ тарантаса, около котораго топчется ямщикъ Павелъ слышны побрякиванія колокольчиковъ, на которыя Павелъ крикливо крикаетъ: „Стой! Баловашь!“ Изъ кухни доносится ритмическое постукиваніе: тамъ что-то рубятъ. Изъ барскаго дома — обрывки смѣха, звонъ посуды, гаммы на роялѣ. Староста Николай стоитъ впереди, съ мѣдной бляхою на груди, безъ шапки; съ подогомъ въ рукѣ. Иванъ Ключниковъ сидитъ въ неподвижной позѣ, съ потупленнымъ въ землю взоромъ, обнявъ большими руками одно колѣно ноги. Мужикъ 2 сидитъ на срубѣ колодца, ѣстъ хлѣбъ и смотритъ въ воду. Карявый мужиченко лежитъ вверхъ спиной около бревнышекъ, у амбара. Весенній полдень. Жарко.

КЛЮЧНИКОВЪ

(поднимая къ небу голову).

Ахъ ты, Боже мой! Гляди, гдѣ солнышко-то!...

мужикъ 2 (съ ироніей).

А ты сиди!... Куда торопиться? Слышь,--на музыкѣ забавляются?... Потерпи!...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Терпи, терпи, все терпи!... Когда-нибудь и терпѣнію конецъ придетъ... Дождутся... (Колокольчики и нетерпѣливый топотъ лошадиныхъ ногъ въ каретникѣ, окрикъ ямщика: „тпру! Баловашь!“) Лошадямъ вонъ и то терпѣть надоѣло...

мужикъ 1 (ко 2-му).

Тебѣ хорошо: ты промыслилъ себѣ краюшку...

мужикъ 2.

Сходи на кухню: баба тамъ, солдатка... Попроси! Солдатка всегда пожалѣетъ, только про мужа съ ней поговори... Не съ кѣмъ ей тутъ про своего мужика побалакать...

мужикъ 1.

Хитрый ты, погляжу я...

КЛЮЧНИКОВЪ

(поднимаясь на ноги).

Словно мы—бревна какія, а не люди! Безо всякаго вниманія!... (Съ крыльца проходитъ дѣловой походкою во флигель прикащикъ со счетами въ рукѣ. Обращается къ прикащику) Долго ли еще намъ дожидаться?

ПРИКАЩИКЪ.

Подождешь! Не кушали еще...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Да вотъ ужъ два часа ждемъ...

ПРИКАЩИКЪ (пріостанавливаясь).

И еще подождешь: не баринъ...

КЛЮЧНИКОВЪ (ворчливо).

Ужъ конечно... Кабы бариномъ былъ, развѣ ты такъ сталъ бы со мной разговаривать...

ПРИКАЩИКЪ (къ мужику 2-му).

Эй, ты! кудрявый! Слѣзь съ колодца! Насоришь. Слѣзь, говорятъ!

(Мужикъ 2 соскакиваетъ со сруба. Прикащикъ идетъ во флигель)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Жрутъ-жрутъ, конца этому жранью нѣтъ!...

СТАРОСТА.

А ты, Иванъ, помолчи! Нехорошо. Чай, можно и подождать... Только-бы ужъ чего ни-на-есть дожидаться...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Подожди, да потерпи... Слышали мы это!.. Сколько годовъ слышимъ, а все...

СТАРОСТА.

Нехорошо...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Разъ вышла бумага, нечего ее въ карманѣ держать.

МУЖИКЪ 1.

Вѣрно! (къ старостѣ) Ты лучше сходи да скажи земскому, что его народъ на крылецъ требуетъ...

КЛЮЧНИКОВЪ (мрачно).

Пусть сперва манифестъ прочитаетъ, а потомъ ужъ обѣдаетъ!

МУЖИКЪ 2.

Не тронь его поѣсть! Сытый-то человекъ добрѣе бываетъ.

(Легкій смѣхъ вокругъ)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Всѣ они сыты... Знаемъ мы доброту эту... Въ Сухомъ Долу—нажрался, да за дѣвкой послалъ... Эхъ!

МУЖИКЪ 1.

Старостѣ нечего торопиться: онъ каждой день печку топить!

СТАРОСТА (начальственно).

А тебѣ что? Твоими дровами, что-ли, топлю?

МУЖИКЪ 2 (тихо).

Нашто — „своими“? Въ барскомъ-то лѣсу мало-ли ихъ, дровъ-то?

(Вокругъ легкій смѣхъ. Ключниковъ переходитъ къ „бревнышкамъ“ и тихо о чемъ-то говоритъ со злѣсь сидящими мужиками)

КЛЮЧНИКОВЪ.

А въ какомъ это законѣ сказано, чтобы передъ всѣми
ими шапку скидывать?...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО (весело).

Какъ это хлобыснетъ меня по мордѣ!...

КЛЮЧНИКОВЪ (насмѣшливо).

А тебѣ и весело?! Эхъ!...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

А вотъ енераль-полковникъ—тотъ на чай даетъ,
если ему поклонись! Ей-Богу!... Ужъ какъ онъ это
любить, чтобы ему уваженіе сдѣлали!... Два разъ мнѣ
давалъ: одна—гривенникъ, а въ другорядъ—двугри-
венный!... Ей-Богу!...

КЛЮЧНИКОВЪ

(къ карявому мужиченку).

Какъ псы вы!... Право!

(Отходить. Карявый мужиченко
потихоньку затягиваетъ грустную,
тягучую пѣсенку)

СТАРОСТА

(направляется къ бревнышкамъ).

Не пойте, ребята!...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Что ты все прѣпятствуешь?

СТАРОСТА.

Экіе люди! Нехорошо... Прямо безъ понятія...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

А ты подтяни—хорошо выйдеть... въ два-то голоса!
(Вокругъ легкой смѣхъ)

СТАРОСТА.

Не подходить... Коли на улицахъ земскій пѣтъ не дозволяетъ, стало быть здѣсь-то... помолчать надо... (Отходить) Лежить на барскомъ дворѣ, а думаетъ, — на гумны пришелъ... Не велѣно, стало быть и нечего...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Они слышать, какъ мы поемъ, да не слышать, какъ мы воемъ!...

(Голоса изъ толпы: „Это имъ не слышать“. „Кабы услышали,—и выть не дозволили-бы“. Легкій смѣхъ и тихій говоръ)

МУЖИКЪ 2.

Вотъ ты и поговори съ нимъ! Не смѣете, говорить, губернатора беспокоить... Черезъ меня, говорить, просите... Я, говорить, вамъ все равно, какъ царь и Богъ!..

МУЖИКЪ 1.

Ничаво не сдѣлашь!.. Хлопочи, не хлопочи, все одно: они всегда правы останутся... И судиться не поможетъ... Пошелъ это я и заплакалъ...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Можетъ, когда-нибудь и мы ихъ судить будемъ, ну тогда... *они* плакать будутъ...

МУЖИКЪ 1.

У его какая сила: просидѣлъ я трое сутокъ, а потомъ сызнава на трое сутокъ.

(Прикащикъ проходитъ изъ флигеля съ конторскими книгами; ему навстрѣчу идетъ изъ дому горничная)

ГОРНИЧНАЯ

(встрѣтась съ прикащикомъ).

Олимпиада Ивановна во флигелѣ?

ПРИКАЩИКЪ невнимательно).

Тамъ... (Расходятся. Мужики молчатъ)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО

(вслѣдъ горничной).

Вишь, какъ она каблучками-то пристукиваетъ...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Барской курицѣ—племянница!

(Легкій смѣхъ. На крыльцѣ появляется земскій начальникъ; крестьяне моментально стихаютъ, вскакиваютъ, сбрасываютъ шапки и сбиваются въ толпу, приготовляясь къ чему-то важному)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (громко).

Павелъ!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО (вторить).

Павелъ! Тебя!

(Ямщикъ выскакиваетъ изъ каретника и, сбросивъ съ головы картузь рысцей бѣжитъ къ крыльцу)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Лошадей поилъ?

ЯМЩИКЪ.

Никакъ нѣтъ. Не поилъ... Недолго...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Напой! Скоро поѣдемъ. (Обративъ вниманіе на народъ)
Это что за народъ? Откуда?

СТАРОСТА

(робко выступая впередъ).

Ваше благородіе приказали согнать... Для объявленія... Съ утра здѣсь...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Ты—волостной старшина?

СТАРОСТА.

Нѣту... Я—Городецкій сельскій староста.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

А—старшина? Не явился?

СТАРОСТА (смущенно).

Сказывали... подъ арестъ, что-ли, его назначили...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

За что?

СТАРОСТА.

Не могу этого знать... Что-то вашему благородію, сказывали, не потрафилъ, что-ли...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (вспомнилъ).

Ага!.. да, да... Пусть посидитъ, въ другой разъ будетъ поумнѣе.

(Уходитъ. Ямщикъ накачиваетъ изъ колодца воду и носить ее въ каретникъ—поить лошадей, разговаривая съ ними очень дружески и любно)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Хм! Сколько онъ теперь пасъ, дураковъ, въ умные передѣлалъ!..

ямщикъ (тихо).

Въ Поповкѣ весь сходъ посадилъ! Ей-Богу! Не хотѣли приговоръ подписывать... Всѣхъ! До одного! (Уносить ведро) Вотъ какъ у насъ!..

мужикъ 1.

Будто не помнить, зачѣмъ приказалъ народъ согнать! Запоматовалъ!.. Жди вотъ: поѣстъ да уѣдетъ, только его и видѣли.

мужикъ 2.

Все можетъ быть... Господа его сладко покормятъ,— онъ и про манифестъ забудетъ.

ключниковъ.

Забудетъ,—и напомнить можно... Прошло теперь... Покуражились...

староста (успокаивая).

Что вы?.. Будетъ ужъ!.. Какъ онъ можетъ уѣхать, не прочитавши? Разъ приказалъ народъ согнать, стало быть—не зря-же?..

карявый мужиченко (убѣжденно).

Не можетъ!.. (Весело) Я за колеса ухвачусь обѣими руками,—со двора не выпущу, покуда онъ... (Горничная проходитъ изъ флигеля въ домъ) Барышня! Корми ихъ, что-ли, скорѣе! Скажи тамъ: ожидаемъ, молъ, беспокоимся!

горничная (не останавливаясь).

Какъ скоро, такъ сейчасъ!..

карявый мужиченко.

Загадала! Эту голыми руками не возьмешь...

(На „бревнышкахъ“ говорить тихо потому выдѣляются голоса)

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

Мало земли въ нашемъ царствѣ?!

ВТОРОЙ ГОЛОСЬ.

Видимо—невидимо!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

Что мнѣ въ Сибирь ѣхать? Я хочу въ родной землѣ помереть—вотъ что!.. Гдѣ родился, тамъ и помру — вотъ что!

ТРЕТИЙ ГОЛОСЬ.

Когда волю давали, отрѣзали они отъ насъ луга-то! И лѣсъ—тоже!.. Сказываютъ, межа-то за рѣкой шла, а? теперь вонъ она гдѣ!..

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

Землемѣры-то насъ продали..

(Опять говорятъ очень тихо. Авдотьюшка несетъ изъ кухни въ домъ большой никелированный самоваръ. На кухонное крыльцо выскакиваетъ поваръ весь въ бѣломъ)

ПОВАРЬ

(вслѣдъ Авдотьюшкѣ).

Скажи барынѣ,— жарю!

АВДОТЬЮШКА.

Ладно! (Поваръ исчезаетъ).

МУЖИКЪ 2.

Жарь, что-ли, поскорѣй! Эй! Солдаточка! Ставь сюда къ намъ самоваръ-то!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.
 Попой насъ чайкомъ-то, бабочка!

АВДОТЬЮШКА.
 Вишь, лакомый! Лучше вонъ пособи-ка!

(Карявый мужиченковскакиваетъ, догоняетъ Авдотьюшку, беретъ у ней самоваръ и несетъ его до крыльца)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.
 Награда какая теперь будетъ? а?
 (Что-то шепчетъ и подмигиваетъ)

АВДОТЬЮШКА.
 Ладно уже, не подлащивайся!
 (Уносить самоваръ. Карявый мужиченко возвращается, надъямъ подшучиваютъ. Изъ флигеля идетъ Липа)

СТАРОСТА.
 А вы помолчите! Вонъ наша барышня идетъ. (Кланяется) Здравствуйте, барышня! (Кланяются и другіе, ближайшіе)

ЛИПА.
 Кого ждете?

СТАРОСТА.
 Земскаго, Лимпіяда Ивановна! Съ утра морить насъ... Велѣлъ народъ согнать...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.
 А самъ не кажется...

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро).
 Долго-ли намъ еще ждать?! Бревно, что-ли, человекъ?!

СТАРОСТА.

Чай, не помрете? Люди!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Скажи ему, чтобы отпустилъ народъ, — вотъ что! Намъ некогда тутъ... вонъ оно гдѣ, солнышко-то!

ЛИПА.

Скажу, скажу... Не дорожать эти господа временемъ...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Разъ бумага вышла, — надо объявить...

ЛИПА.

Конечно, конечно... (Хочетъ идти)

МУЖИКЪ 1.

А какъ, барышня, касательно земли-то?

МУЖИКЪ 2.

Сбавку-то обѣщала?

ЛИПА.

Насчетъ земли... я сдѣлаю для васъ все, что можно... Я думала все, да еще не рѣшила...

КЛЮЧНИКОВЪ.

А что тутъ долго думать-то? Дѣло ясное, нечего зря и голову ломать!..

ЛИПА.

Вотъ видите, какъ вы все скоро рѣшаете! На-дняхъ прѣдетъ братъ... Земля у насъ общая, нераздѣленная. Безъ него я не знаю, какъ все это устроится...

СТАРОСТА.

Чай, Павелъ Иванычъ не обидить насъ?

ЛИПА.

Да ужъ, конечно, не обидить! Братъ забѣднѣйшій народъ и въ тюрьмахъ сидѣлъ, и въ Сибирь былъ сосланъ...

СТАРОСТА.

Сказывали тогда... Мы ему очень даже... баринъ онъ хорошій, доброй души человѣкъ... Я вѣдь его съизмальства знаю... Конечно, твое дѣло женское... Подождемъ...

ЛИПА.

Ну вотъ и отлично! Приѣдетъ, перетолкуемъ и все покончимъ...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Чтобы никому не обидно было...

ЛИПА.

Я думала-бы такъ сдѣлать: нашу землю сдать вамъ въ долгосрочную аренду по самой маленькой цѣнѣ... Ну, ну... хоть по пяти рублей... И часть этихъ денегъ обратитъ въ вашу-же пользу: накопится небольшой капиталъ, мы вамъ выстроимъ школу, напимѣрь, ну... баню... можно... хорошую, еще что-нибудь... такое... полезное...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Это ужъ послѣ... Очень даже это разлюбезное дѣло..

СТАРШИНА.

Съ вами сладимся... Николай Лексанычъ вотъ—онъ крутой...

Л И П А

(хочетъ идти, но пріостанавливается).

Да, вотъ еще что! Скажите городецкимъ мужичкамъ, чтобы пока не посылали ко мнѣ ребяташекъ. Пусть подождутъ...

(Мужики, интересуясь, снова обступаютъ Лицу)

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ (недовѣрчиво).

Что? Наскучили ужъ они вамъ?

Л И П А.

Нѣтъ, не наскучили. Я люблю съ ними возиться... Говорятъ, что безъ разрѣшенія отъ начальства нельзя учить ихъ, а у меня этого разрѣшенія нѣтъ... Буду хлопотать!..

Г О Л О С А.

„Погодятъ“. „Похлопочи—все-таки и ребятамъ лестно, да и тебѣ занятіе!“ „Безъ дѣла-то, поди, и самой скучно?“

Л И П А.

Конечно! Ну, такъ вотъ... пока до пріѣзда Павла Иваныча подождемъ...

С Т А Р О С Т А.

Конечно! Твое дѣло—женское...

М У Ж И К Ъ 1 И М У Ж И К Ъ 2.

Подождемъ!..

Л И П А.

Въ четвергъ или пятницу онъ непременно пріѣдетъ.

С Т А Р О С Т А.

Павель-то Ивановичъ?

Е. Чериковъ. Мужики

ЛИПА.

Да. Тогда мы соберемся и потолкуемъ.

СТАРОСТА.

Знамо такъ!.. Твсе дѣло—женское!

(Липа, кивнувъ головой, идетъ въ домъ. Мужики провожаютъ ее доброжелательными напутствіями)

І ЛЮ І Н И К О Ъ Ъ

(строго и наставительно).

Теперь нечего съ *ними* толковать. Надо сперва узнать, какъ въ манифестѣ написано! (Къ мужику 1) Нашто высунулся? Кто тебя уполномочиваль про землю говорить? За мѣсто земли-то баню вотъ тебѣ! Дуракъ!

МУЖИКЪ 2

(къ мужику 1).

Кто тебя просилъ? Дурья голова!..

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Сейчасъ никакого отвѣту не давать! Высунулся!

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ (тихо).

„Погодить надо!“ „Вѣрно!“ „Промахнешься,—не поправишь!“

(Когда разговоры стихаютъ, изъ кухни поваръ несетъ въ домъ что-то горячее на сковородѣ)

МУЖИКЪ 2 (вполголоса).

Изжарилъ, бѣлый чортъ!..

ПОВАРЪ

(услыхалъ, приостановился).

Что такое? Кто облаялся? За этакія слова, знаешь, что можно сдѣлать? (Идетъ дальше)

СТАРОСТА.

Зря онъ болтаетъ.

МУЖИКЪ 1.

Дуракъ онъ! Что съ него взять?

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

По зубамъ его надо!

ПОВАРЬ (съ крыльца).

Невѣжи!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Вѣрно! Невѣжи и есть!

(Поварь исчезаетъ въ домъ)

СТАРОСТА

(къ мужику 2).

Ты со своими разговорами не вылазь! Мы тебя не уполномочиваемъ! Отъ твоихъ словъ всегда хуже бываетъ... (Пауза) Выйдетъ Земскій, — ты отъ грѣха подальше отойди! Вотъ что! Послѣ тамъ... промежду себя... а теперъ помолчать надо...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Онъ съѣлъ краюху-то, пряткѣй сталъ разговаривать-то!

(Поварь сердито проходитъ въ кухню и скрывается. Мужики молчать; изъ дома доносится граммофонъ, поющій: „межъ горами вѣтеръ воетъ“)

КЛЮЧНИКОВЪ (сплунувъ).

Запѣли!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Ты думаешь,—это взаправдашній человекъ поеть? Машина это! Ей-Богу! Сундучокъ этакій, а изъ него труба серебряна... Ей-Богу! Завинтятъ, ткнутъ,—она и поеть, труба эта... Думаешь, вру?..

СТАРОСТА.

Правильно говорить!.. Машина это!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Ей-Богу! Самъ видѣль... вплоть! Закрутятъ, она и поеть... И бабымъ голосомъ можетъ...

(Въ садовой калиткѣ появляются Городецкій и земскій начальникъ; очемъ-то спорять. Мужики опять переживаютъ ложную тревогу—вскакиваютъ, снимаютъ шапки, откашливаются, приготавливаются)

ГОРОДЕЦКІЙ

(идеть съ земскимъ начальникомъ черезъ дворъ, объясняютъ).

Зерночистилка Графа Берга удобнѣе! Въ ней—зерно изъ ковша высыпается въ желѣзную миску... Рабочій дѣйствуетъ на рукоятку ворота, вслѣдствіе чего развивается громадная центробѣжная сила... (Оглядывается вокругъ и кричитъ) Дайте ключи отъ сарая! (Съ крыльца бѣжитъ управляющій) Ключи отъ сарая!

(Прикащикъ бѣжитъ въ кухню, приноситъ ключи, бѣжитъ впереди и отпираетъ скрипучую дверь сарая)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (на ходу).

И, Николай Александровичъ, предпочитаю обыкновенныя русскія шевыралки!.. Проще и продуктивнѣе...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Это—заблужденіе... Вотъ извольте взглянуть...

(Скрываются въ амбарѣ. Мужики въ недоумѣніи перешептываются, глядятъ по направленію сарая)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(выходитъ изъ сада).

Куда они ушли?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

„Въ сараѣ они!“ „Тамъ они!“

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(идетъ въ сарай).

Неужели нельзя было послѣ?.. Простынетъ все... (Зоветь) Коля! Семень Яковлевичъ! (Исчезаетъ въ сараѣ. Спустя нѣсколько минутъ всѣ трое идутъ въ садъ) И всегда эта вѣялка у насъ чинится... Не покупайте, Семень Яковлевичъ! Коля очень увлекается этими фокусами.. (Смѣется)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

То-ли дѣло по старому русскому способу?! И дешево, и сердито...

ГОРОДЕЦКІЙ.

А рабочія руки? По нынѣшнимъ временамъ это очень важно! поищите-ка рабочихъ въ горячее время!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Сколько угодно!.. У насъ удивительно выходитъ: голодаютъ, а не работаютъ... Избаловали пособіями, субсидіями...

(Скрываются въ саду. Пауза. Мужики вздыхаютъ, почесываются, томятся въ бездѣйствіи)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Избаловали!.. Не знаю, кто кого избаловалъ: мы ихъ, али они насъ!..

МУЖИКЪ 1.

Такъ и уѣдетъ... съ манифестомъ-то.

КЛЮЧНИКОВЪ (сердито).

Узнаемъ! Его въ карманъ не спрячешь.

МУЖИКЪ 2.

Можетъ, онъ у него въ карманѣ не одну уже ночь почуветъ, манифестъ-отъ!..

СТАРОСТА.

Чего городите? Какъ его спрячешь? Въ церквахъ съ амвона должны его объявить попы... Не могутъ!.. По дорогѣ, ведущей изъ села въ усадьбу, видны группы мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, приближающихся къ барскому двору) Вонъ они, полѣзли! (Идетъ къ воротамъ) Сказано было, чтобъ обождать! Бабы все это!

(Машетъ рукой, чтобъ отходили переговаривается о чемъ-то)

АВДОТЬЮШКА

(на крыльцѣ, оборачиваясь къ невидимой зрителю горничной)
Чай, у меня не четыре ноги?

ГОРНИЧНАЯ

(строгой голосъ).

Не груби пожалуйста! Я вотъ скажу барынѣ, тогда будетъ и четыре ноги!..

АВДОТЬЮШКА

(сбѣгая съ крыльца).

Пожила въ городу, такъ думаетъ, что барыней стала!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Эй, куфарочка! Много ли у нихъ еще не съѣдено?..

АВДОТЬЮШКА (не останавливаясь).

А ну васъ! Есть мнѣ время съ вами...

(Исчезаетъ въ кухню. Изъ сада идетъ съ удилищемъ Сережа и навистываетъ мотивъ „марсельезы“)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Позабавиться, баринъ, пошли?

(Ямщикъ, скучая, идетъ къ колодцу)

СЕРЕЖА.

Удить на рѣчку!

МУЖИКЪ 1.

А ты, барченокъ, на Свѣтлое озеро иди! Вотъ наловишь! А въ рѣчкѣ одни пискари...

МУЖИКЪ 2.

Тамъ раки ловятся... Во каки раки! Раковъ, поди, ѣдите?

КЛЮЧНИКОВЪ (съ презрѣніемъ).

Они все ѣдятъ...

СЕРЕЖА (къ Павлу).

Ты сегодня на бѣлыхъ лошадяхъ пріѣхалъ?

ЯМЩИКЪ.

На гиѣдыхъ... А тебѣ что?..

СЕРЕЖА.

Хотѣлъ волосъ подергать... на лески...

ЯМЩИКЪ.

Э-э, братья! Это, видно, ты у меня въ прошлый разъ почитай полхвоста у лошади отрѣзалъ? (Сережа идетъ къ воротамъ) а? Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!.. Я вотъ папашѣ скажу!

СЕРЕЖА (оглянувшись).

Не больно боюсь! (Уходить)

ЯМЩИКЪ.

У васъ своихъ лошадей достаточно! Ты бы своимъ хвосты-то отрѣзалъ. Скажу папашѣ, онъ тебѣ...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

У- нихъ не боятся отцовъ-то! Мамашу у нихъ больше боятся...

ЯМЩИКЪ (громко).

Мамашѣ ужю скажу!

(Идетъ къ лошадямъ. Староста возвращается отъ воротъ со старикомъ, о чемъ-то съ нимъ тихо разговаривая)

СТАРОСТА.

Вотъ дѣдушка слышалъ, что въ городу объявили..

(Мужики обступаютъ со всѣхъ сторонъ старика, который имъ что-то объясняетъ)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО

Такъ, стало-быть, въ колокола звонить...

СТАРОСТА.

Нашто звонить? Спросить надо...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Когда объявятъ, молебствіе надо, а опосля того звонъ.

СТАРИКЪ (тайно).

И сказывали, всѣмъ способіе отъ казны, кому сѣме-
нами, а кому деньгами... Кто какъ жалуется... Какъ я
сказывалъ, такъ оно и выходитъ...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО

И лошадей выдадутъ... У кого ежели нѣтъ. Безъ
лошади какой я хрестьянинъ? Назола одна! На бабъ
пахать не будешь!

(Всѣми овладѣваетъ радостное настроеніе)

МУЖИКЪ 2

(къ карявому мужиченку).

Да вѣдь у тебя и бабы-то нѣтъ? (Смѣются)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Бабу найти можно... А вотъ лошады!.

(Смѣхъ окружающихъ)

СТАРИКЪ.

И земству приказано милліонъ хлѣба закупить... Чи-
тали, говорятъ, въ газетѣ пропечатано, что поѣхали за-
купать въ Одесту! Милліоны хлѣба!

МУЖИКЪ 1.

Способія не выдадутъ, тогда и съ землею дѣлать
нечего.

МУЖИКЪ 2.

А я такъ слыхалъ, что хлѣбъ дѣйствительно ску-
паютъ, но только, дескать, для продажи... Сколько себѣ
стоитъ.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ милліоны хлѣба?! Не господь же имъ кормить!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Они пшеничный кушаютъ...

СТАРИКЪ.

И про манифестъ, сказываютъ, въ газетахъ пропечатано, а только прячутъ... Въ Семеновку, бають, газета попала, такъ урядникъ отобралъ. (Говорить совѣмъ тихо; его слушаютъ съ жаднымъ вниманіемъ. Въ ворота входитъ Наташа въ бѣломъ чепчикѣ на головѣ, подъ краснымъ кружевнымъ зонтикомъ, съ бѣлой мохнатой простыней на лѣвой рукѣ) Постой! Она барышня идетъ. Тихо!..

СТАРОСТА.

Помолчите!.. Здравствуйте, барышня!

НАТАША.

Что?

СТАРОСТА.

Разгуляться, знать, ходили?

(Съ крыльца идетъ горничная)

НАТАША (гордо).

Да. Купалась. Жарко! (Къ поравнявшейся горничной) У насъ еще не завтракали?

ГОРНИЧНАЯ.

Давно ужъ сѣли, кончаютъ...

НАТАША.

Мнѣ оставили?

ГОРНИЧНАЯ.

Мамаша сердятся: какъ обѣдать или завтракать, такъ васъ нищи!.. (Проходить въ кухню)

НАТАША

(строго, съ гримаской).

Пожалуйста, безъ выговоровъ! (Къ мужикамъ) Это чья тамъ пара? Кто пріѣхалъ?

ГОЛОСА.

„Земскій!“ „Земскій!“

НАТАША

(состроивъ гримасу).

Мм... Надоѣлъ. (Проходить въ садовую калитку, оборачивается) Почему ваши дѣвки не приносятъ землянику?

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Рано ты захотѣла земляники-то.

НАТАША (прищурясь).

Что такое?

СТАРИКЪ.

Не поспѣла еще она, земляника!

НАТАША.

Какъ поспѣеть,—сейчасъ-же приносите! Пусть дѣвки никому другому не продаютъ!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Какъ поспѣеть, такъ сею-же минутой!

НАТАША (строго).

Смотрите-же! Если другимъ будете продавать, папа запретить вамъ собирать ягоды въ нашемъ лѣсу... и грибы! (Скрывается)

ЯМЩИКЪ.

Земскій-то все къ ней присватывается. Раза три на недѣлѣ сюда заѣзжаетъ... Не выходитъ дѣло-то... Упирается... Не хочетъ барышня-то.

МУЖИКЪ 2 (про Наташу).

Чаво это у ней на башкѣ-то надѣто?

МУЖИКЪ 1

(махнувъ рукою).

Кто ихъ знать!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Восейка я видалъ на ней въ этаку!... Ровно крыша на повѣти!... (Сдержанный смѣхъ)

МУЖИКЪ 2.

Бабы сказывали, — видѣли ее верхомъ на лошади... въ штанахъ! Ей-Богу! (Смѣхъ кругомъ)

КЛЮЧНИКОВЪ (съ презрѣніемъ).

Онѣ могутъ...

ПОВАРЪ

(появившись на крыльцѣ, наскоро докуриваетъ папиросу).

Невѣжи! Право! Только вотъ я узнаю, кто обругался... Я этого не оставлю!

(Плюетъ на папиросу, бросаетъ ее и исчезаетъ. Въ садовой калиткѣ показываются земскій начальникъ и Городецкій, — мужики опять встревожены, вжакиваютъ приготавливаются)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ

(стоя въ калиткѣ).

Николай Александровичъ! Я вовсе не утверждаю,

что мужики сыты. Я только настаиваю на осторожности, съ которой слѣдуетъ прибѣгать къ пособіямъ отъ казны. Вѣдь это, наконецъ, обратится въ привычку. Въ концѣ концовъ, они воображаютъ, что казна обязапа ихъ кормить...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Вы говорите,—нѣтъ голода... Конечно, такихъ случаевъ, чтобы ложились, корчились и умирали буквально отъ голода, не было. Но жизнь впроголодь... болѣзни... Сказать, что голода нѣтъ, я не могу!... Я... я уываю руки и такой отвѣтственности взять на себя не могу...

(Отходить въ садъ, земскій начальникъ идетъ къ мужикамъ тѣ въ нервномъ выжидательномъ томленіи, нѣкоторые торопливо крестятся)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Староста!

СТАРОСТА

(выбѣгая впередъ и оправляя на груди бляху).
Здѣсь!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Уполномоченные отъ сходовъ всѣ?

ГОЛОСА (изъ толпы).

„Всѣ!“ „Здѣсь!“ „Такъ точно!“

СТАРОСТА (перечисляетъ).

Изъ Городецкаго, изъ Микифоровки, изъ Сухого Долу, изъ Колышекъ, изъ... (оглядываетъ народъ) изъ Рѣшевки...

ГОЛОСА (подсказываютъ).

„Изъ Кочекъ!“ „Изъ Обираловки!“ „Изъ Хуторковъ!“...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

По двое отъ общества?

СТАРОСТА.

Такъ точно, по двое.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ

(оглядывая толпу, къ мужику 1).

Эй, ты! Лысый!

(Сосѣдъ подталкиваетъ мужика 1 подъ бокъ)

МУЖИКЪ 1.

Ась? (Недоумѣвающе смотритъ вокругъ)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Ты!

МУЖИКЪ 1.

Ась?...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Какъ ты стоишь? Что разставилъ ноги на два аршина!
Встань какъ слѣдуетъ...

(Сосѣди тихо и сердито объясняютъ мужику 1, въ чемъ дѣло, и тотъ сближаетъ разставленные ноги и виновато ухмыляется)

СТАРОСТА

(тихо, карявому мужику).

Прими ноги-то!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ
(вынимая изъ кармана бумагу).

Новый губернаторъ... Вамъ извѣстно, что у насъ Высочайшею волею назначенъ новый губернаторъ?

ГОЛОСА.

„Знаемъ!“ „Извѣстно!“ „Покорно благодаримъ!“

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Такъ вотъ... Новый губернаторъ обращается ко всѣмъ вамъ съ добрымъ словомъ... (Развертываетъ бумагу)

ГОЛОСА.

„Благодаримъ на добромъ словѣ!“ „Покорно благодаримъ!“

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Слушайте, что пишетъ вамъ новый губернаторъ въ этой вотъ бумагѣ. (Потрясаетъ бумагою; въ толпѣ затаенное ожиданіе, напряженное вниманіе. Земскій читаетъ) „Неурожаи послѣднихъ лѣтъ ясно показали, что необходимо всегда имѣть хлѣбъ въ запасѣ“.

ГОЛОСА (одобрительно).

„Вѣрно!“ „Правильно!“ „Нельзя безъ хлѣба!“

(Земскій дѣлаетъ знакъ молчать)

СТАРОСТА.

Помолчите:

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (читаетъ).

„Не менѣе должно быть понятно крестьянамъ и то, что если подати и повинности оплочены, то лучше живется, а еще лучше, когда и подати уплочены и деньги у общества въ наличности есть, чтобы на случай нужды помочь другъ другу...“ Понятно? (Гуль радостной толпы) Вотъ то-то и есть...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Ужъ это на что лучше!...

МУЖИКЪ 2.

Тогда, ваше благородіе, и помирать не падо!...

СТАРОСТА.

А вы помолчите!...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ
(опустивъ бумагу, объясняетъ).

Пала-ли лошадь, поломалась-ли у кого телѣга, или какая-нибудь другая нужда вышла въ хозяйствѣ, разъ есть мірской капиталъ... (читаетъ) „Разъ есть мірской капиталъ, общество пособить. И всего этого можно достигнуть: для этого не-об-хо-ди-мо 'молиться Богу, да постоянно работать, (въ толпѣ вздохи) твердо па-мя-ту-я, что честный трудъ Господь наградитъ успѣхомъ...“
(Потерявъ строку, ищетъ глазами)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО
(глядя въ небо).

Господь... Онъ—милосердный!..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ
(сердито взглянувъ на говорящаго).

Ну-съ... (Объясняетъ) Въ молитвѣ и трудѣ—основа вашего благополучія. Тотъ, кто усердно работаетъ, въ праздникъ въ церковь ходитъ, не сквернословитъ, а въ кабакъ дорогу забылъ,—прокормитъ безбѣдно и себя, и семью, да и на черный день кое-что сбережетъ... (Опуская бумагу) Такъ вѣдь?... (Небольшая общая пауза)
Вѣрно?

СТАРОСТА.

Это... дѣйствительно... который пьяница, ничего не выйдетъ.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Да... Далѣе... Ммг... (Читаетъ раздѣльно и внушительно)
 „Поэтому мой совѣтъ крестьянину: начинать всякое дѣло молитвой, работать постоянно, усердно, въ кабакъ не ходить, не сквернословить, не пѣть непристойныхъ пѣсенъ. Волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ я приказываю держать въ селахъ порядокъ, составлять хлѣбные запасы, исполняя въ точности данныя мною черезъ господъ земскихъ начальниковъ (показываетъ на себя) приказанія, и стараться составлять мірскіе капиталы на случай нужды. Должностныя лица, которыя сумѣютъ выполнить указанныя мною задачи, заслужать мою сердечную благодарность“. (Опускаетъ бумагу)
 Слышали? Слышаль, староста?

СТАРОСТА.

Слышаль... Постараемся...

(Мужики молча глядятъ въ землю)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (объясняетъ).

Нѣкоторые полагаютъ невозможнымъ составлять хлѣбные запасы въ виду сырости зерна. Правда, хлѣбъ бываетъ, дѣйствительно, сыръ, но его легко высушить на печахъ и сухой уже засыпать въ магазины. Бѣда не въ томъ, что хлѣбъ сыръ, а бѣда, если нѣтъ его вовсе.

ГОЛОСА.

„Вотъ это правильно!“ „Въ этомъ и дѣло-то!“

КЛЮЧНИКОВЪ (угрюмо).

А гдѣ его взять?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (объясняетъ).

Что касается уплаты повинностей, то я уже говорилъ вамъ, что слѣдуетъ стараться уплачивать деньгами!

Е. Чириковъ. Мужики.

отъ продажи хлѣба, а заработанными. Хлѣбъ же слѣдуетъ беречь, продавать его за безцѣнокъ не слѣдуетъ...

Ключниковъ (хмуро).

Нѣтъ его, хлѣба!

Земскій начальникъ.

Нынче нѣтъ, а на будущій годъ будетъ! Губернаторъ совѣтуетъ не на одинъ только нынѣшній годъ, а всегда поступать такъ. Понялъ?

(Ключниковъ молчитъ)

Карявый мужиченко.

Это дай Богъ ему здоровья...

Голоса.

„Дай Богъ!“ (Въ толпѣ тихій говоръ, покашливанье)

Земскій начальникъ.

Что вы тамъ? Поняли? (Молчаніе) Если что непонятно, прошу заявить!

(Легкій говоръ)

Старикъ

(прячась за спины другихъ).

Они говорятъ,—въ нынѣшней годъ не могутъ магазины пополнить!

Земскій начальникъ.

Говори громко! Ничего не слышу!.. Кто тамъ говорить?!

(Старикъ не выходитъ)

Староста (робко).

Народъ толкуетъ, что нечѣмъ магазины пополнить.

* Голосъ (изъ толпы).

Не то, чтобы продавать, а самимъ ѣсть нечего!

КЛЮЧНИКОВЪ (нашупясь).

Нѣтъ хлѣба!..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (съ раздраженіемъ).

А я что же говорю? Нынче Богъ не далъ, на будущій годъ дастъ...

ГОЛОСА.

„Дай Богъ!“ „Когда родится,—можно“...

СТАРИКЪ

(изъ-за чужой спины).

Большое притѣсненіе... На ревизскую душу у насъ..
Когда, это, размежка была...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (обрывая).

Что такое? Какая размежка? (Старикъ молчитъ)
Староста!

СТАРОСТА.

Здѣсь, ваше благородіе!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Завтра собирай сходъ и объясни имъ, что я здѣсь читалъ и говорилъ!

СТАРОСТА.

Можно...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Не „можно“, а я тебѣ приказываю!

СТАРОСТА.

Слушаю... Будетъ исполнено... Не умлевайтесь...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Затѣмъ все-ли у васъ благополучно?

СТАРОСТА.

Слава Богу, все благополучно!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (строго).

Нѣтъ-ли какихъ-нибудь толковъ, разговоровъ въ народѣ о прирѣзкѣ земли?.. О томъ, что земля скоро къ вамъ отойдетъ, и другихъ подобныхъ расказней?.. (Нѣкоторое волненіе въ толпѣ) Староста! Говори правду!

СТАРОСТА.

У насъ?.. У насъ, ваше благородіе, спокойно... Не слышать этого... У насъ народъ, какъ тихая вода! Болтаютъ разное, да вѣдь...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Пусть не болтаютъ. А кто будетъ болтать,—немедленно сообщить уряднику...

СТАРОСТА.

Развѣ можно не заявить?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Теперь ходятъ по деревнямъ и селамъ злонамѣренные люди и обманываютъ народъ разными вздорными слухами.

СТАРОСТА.

Це видать у насъ этакихъ...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Эти люди—ваши враги. Они смущаютъ васъ, пользуются вашей глупостью, невѣжествомъ и довѣрчивостью... Ушей не распускать, смутьяновъ не слушать! Если такой человекъ появится въ деревнѣ, хватайте его и ведите къ уряднику!

МУЖИКЪ 2.

Не ходять у насъ этакіе...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Непримѣтно у насъ... Разя гдѣ въ другихъ мѣстахъ...

ГОЛОСА.

„Ежели что,—пымаемъ, ваше благородіе!“ „Пымаемъ!“

СТАРОСТА.

Постараемся, ваше благородіе.

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро).

Некого ловить...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Знайте, что это—волки въ овечьей шкурѣ! Помните!

СТАРОСТА.

Будемъ помнить.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

И всѣмъ другимъ скажите! Ну, теперь съ Богомъ! Можете отправляться по домамъ!

(Поворачивается и медленно идетъ по направленію къ садовой калиткѣ. Мужики въ глубокомъ смущеніи топчутся, шевелятся, тихо направляются къ воротамъ. Остаются старикъ, староста и Ключниковъ. Старикъ, пошептавшись съ Ключниковымъ, бѣжитъ рысцой за земскимъ начальникомъ, держа шапку въ лѣвой рукѣ)

СТАРИКЪ

(догоняя земскаго).

Ваше благородіе! Погодь малость!

(Земскій начальникъ оглядывается и приостанавливается у калитки сада. Ключниковъ останавливается въ отдаленіи и ждетъ чего-то)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Ну! Что еще?

СТАРИКЪ.

Разное народъ болтаетъ. (Задыхаясь отъ волненія) У насъ... на ревизскую душу двѣ съ четвертью десятины, а народъ множится... Тварь живая, ваше благородіе... Что подѣлаешь?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (нетерпѣливо).

Ну?

СТАРИКЪ.

Вотъ оно и выходитъ... Податься некуда... Разнос болтаютъ. Вышла будто отъ Батюшки-Царя льгота народу насчетъ земли... Болтаютъ тоже, что...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (перебивая).

Очень скверно дѣлаютъ, что болтаютъ... И если ты самъ будешь повторять эту болтовню, то...

СТАРИКЪ (испуганно).

Я ничего не знаю, ваше благородіе. Народъ мы — темный... Вотъ мы до вашей милости... Лучше спросить... Вы какъ наши начальники... Болтаютъ другіе...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (кричить).

Староста! (Подбѣгаетъ староста) Отправь этого дурака подь арестъ на трое сутокъ!..

(Старикъ растерянно кланяется)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Не болтай! И другимъ закажи! Понялъ? (Хочетъ идти)

СТАРИКЪ

(со слезами въ горлѣ).

Ваше благородіе! Ваше благородіе! За что?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (оборачиваясь).

Не понялъ? Ну посидишь и поймешь! Подь арестъ! На трое сутокъ! Возьми его, староста!

СТАРИКЪ.

Вѣдь я что-же... Я имъ говорю...

(Земскій уходитъ въ калитку.
Старикъ растерянно топчется на мѣстѣ)

СТАРОСТА.

Пойдемъ! (Вздохнувъ) Ничего не подѣлаешь!..

(Идетъ къ воротамъ. Ключниковъ идетъ позади нихъ очень медленно, безъ шапки, глядя въ землю. Вдругъ онъ пріостанавливается и злобно смотритъ туда, куда ушелъ земскій начальникъ. Изъ дому доносится говоръ, смѣхъ, и граммофонъ опять запѣваетъ „Межъ горами вѣтеръ воетъ“ Тогда Ключниковъ, отмахнувшись рукою, сжатою въ кулакъ, надѣваетъ шапку и твердой, рѣшительной походкой идетъ за старикомъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Яркій весенній полдень. Боковой фасадъ барскаго дома съ мезониномъ. Ветхая терраса съ облѣзлыми когда-то штукатуренными колоннами и съ широкой лѣстницей въ садъ. Въ линію съ фасадомъ дома—изгородь съ калиткою во дворъ, далѣе глухія бревенчатая стѣны кухни. Въ глубинѣ за оградой—огородъ и пустырь, гдѣ устроена столовая для крестьянскихъ дѣтей. Павелъ Ивановичъ сидитъ на террасѣ и, облокотясь руками на перила, читаетъ книгу. Съ пустыря доносится пестрый, веселый гомонъ крестьянскихъ ребятишекъ: кто-то изъ нихъ плачетъ, кто-то бранится; звучать голоса Серафимы Сергѣевны и Наташи. Городецкій выходитъ изъ дому на террасу съ заткнутой за шею салфеткою, чиститъ зубы перышкомъ.

ГОРОДЕЦКІЙ.

На совѣщаніи выяснилось, что въ среднемъ по нашему уѣзду на сто домохозяевъ приходится сорокъ семь цѣлыхъ и три десятыхъ лошади, или другими словами... мм... сколько это на человѣка?.. Забылъ, какъ дѣлятся десятичныя дроби...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ

(поднимая голову).

Что?

ГОРОДЕЦКІЙ.

На сто дворовъ у насъ 47,3 лошади...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ (разсѣянно).

Ага! Мало... (Читаетъ)

ГОРОДЕЦКІЙ

(глядитъ по направленію пустыря).

Какъ они тамъ!.. Словно пчелы въ ульѣ... (Пауза)
А что-же ты, Павелъ, не сходишь туда... посмотрѣть?
Ужасно люблю дѣтвору!

(Позѣвываетъ, уходя въ комнаты. Павелъ Ивановичъ, оторвавшись отъ книги, смотритъ куда-то въ пространство и потихоньку тянетъ пѣсню: „Стоитъ гора высокая“, потомъ начинаетъ ходить по тер-

расѣ. Наташа, одѣтая въ бѣлый передникъ, съ слегка засученными рукавами, идетъ съ пустыря въ комнаты, ажитированная и кокетничавшая своимъ необычайнымъ костюмомъ. Павелъ смотритъ на нее съ ласковой ироніей)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Нашла себѣ, наконецъ, дѣло?

НАТАША.

Правда, Павелъ, я похожа на горничную? изъ порядочнаго дома? (Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Душа у тебя цвѣтетъ отъ добрыхъ дѣлъ?

НАТАША

(входя на террасу).

Хочу ихъ побаловать: дать по конфеткѣ... Они преуморительные! И любятъ меня ужасно! Все это очень интересно и пріятно, Павелъ.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Такъ ужъ Богъ устроилъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе...

НАТАША (съ гримасой).

Ужъ пожалуйста! Не острите! Ничего смѣшнаго... (Исчезаетъ въ дверяхъ. Павелъ ходитъ, тянетъ „Стоитъ гора високая“. Со стороны пустыря идетъ Серафима Сергѣевна и за нею по пятамъ — бабенка съ мальчикомъ)

БАБЕНКА (жалобно).

А вотъ тебѣ съ мѣста не сойти, если онъ обманываетъ... Зря ты насъ обижаешь.

СЕРАФИМА СЕРГЬЕВНА.

Какъ только я увидала этого мальчишку съ разбитой губой, такъ моментально вспомнила, что онъ уже обѣдалъ... И вчера не хватило троимъ...

БАБЕНКА.

Хошь, я образъ сниму?..

СЕРАФИМА СЕРГЬЕВНА (строго).

За мной прошу не ходить... Сюда нельзя лѣзть. Уходи. (Бабенка съ мальчикомъ отстаетъ и, удаляясь на пустырь, тычетъ мальчика въ загорбокъ и ворчитъ: „у-у, обжора! Теперь вотъ и гляди, какъ другіе жрутъ!“ Серафима Сергѣевна медленно слѣдуетъ къ террасѣ) Однимъ по два обѣда, а другимъ — ничего... (Въ калитку во дворѣ) Федоръ! Поди и скажи, чтобы расходились: поѣли и нечего больше тамъ дѣлать! Всю голову прокричали... (Кучеръ идетъ на пустырь. Авдотьяшка носить оттуда деревянную посуду, ложки, миски) Представь, Павелъ! обманываютъ: съѣсть свою порцію, а черезъ десять минутъ опять лѣзеть, какъ ни въ чемъ не бывало, словно ему не давали.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИМЪ.

Одинъ офицеръ, тетя, рассказывалъ... Командиръ спросилъ на смотру солдата: хорошо-ли кормятъ?— „Хорошо, ваше высокоблагородіе, такъ что остатки бываютъ!“ Куда-же вы дѣваете остатки?— „Доѣдаемъ, ваше высокоблагородіе!“

СЕРАФИМА СЕРГЬЕВНА.

Ахъ, ну тебя тутъ! Имъ хоть по три порціи давай,— все недовольны!..

(Идетъ въ комнаты; навстрѣчу Наташа съ бумажнымъ мѣшечкомъ)

НАТАША.

И имъ, мамочка, хочу — по конфеткѣ... побаловать...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Только пожалуйста не шеколадъ, который привезъ сегодня папа! (Идетъ въ комнаты)

НАТАША.

Монпансье, мамочка. Никто не любитъ...

(Сходитъ съ террасы. Павелъ смотритъ ей вслѣдъ, ухмыляется)

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Наташа! (Наташа приостанавливается, оглядывается) Когда я былъ студентомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, однажды комнѣ на свиданіе пришла дѣвушка, которая назвалась моей невѣстой, но которая меня не знала... И я не зналъ ея... Право!.. Она была немножко похожа на тебя... Живая такая и веселая... Она была у меня только одинъ разъ,—принесла мнѣ фіалокъ, и больше я никогда не видалъ ужъ ея...

НАТАША.

Ну?

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ здѣсь, въ книгѣ, я нашелъ сухую фіалку. (Грустно покачиваетъ головой) Почти десять лѣтъ она лежала здѣсь, а посмотри: словно живая... словно все это было прошлымъ лѣтомъ. (Разматриваютъ фіалку) Она была немножко похожа на тебя, но... она, навѣрное, не кормила голодныхъ ребятишекъ конфетками.

НАТАША (разсердилась).

А я вотъ кормлю!

(Съ презрительной гримасой бѣжитъ съ террасы на пустырь)

ГОРОДЕЦКІЙ

(выходитъ съ террасы, тихо приближается къ калиткѣ, кричитъ).

Федоръ! Федоръ! (Манитъ пальцемъ и отходитъ)

КУЧЕРЪ (вбѣгаетъ).

Меня, баринъ, кликали?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ты не забылъ, что къ поѣзду надо выѣхать за молодымъ бариномъ?

КУЧЕРЪ.

Зачѣмъ... Больше часу, какъ уѣхали. Ваську послалъ.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Вятку запрягли?

КУЧЕРЪ.

Ее. (Послѣ паузы) Николай Алексанычъ! Мужики опять насчетъ луговъ пришли. Что имъ сказать?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Гдѣ они?

КУЧЕРЪ.

На канавѣ. Больше часу лежать. Просятъ васъ... поговорить...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Скажи управляющему.

КУЧЕРЪ.

Они съ нимъ не желаютъ... Васъ просятъ.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Пусть идутъ къ парадному крыльцу,—я сейчасъ выйду. (Оба расходятся, въ дверяхъ Городецкій сталки вѣтся)

съ женою, идущей на террасу съ листомъ бумаги и карандашомъ) Ахъ, Серафимочка! Надо-же смотрѣть!..

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Павелъ! Не разберешь-ли вотъ эту фамилію? Земскій начальникъ пишетъ, словно какой-нибудь мишстры! Извольте разбирать и догадываться...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(береть листъ).

Дѣйствительно! Иванъ... Иванъ... Чортъ его знаетъ! Почему это одни подчеркнуты синимъ карандашомъ, а другіе—краснымъ?

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Синіе—это „ѣдоки“, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ кормить, а красные—этихъ онъ исключаетъ: могутъ своимъ трудомъ прокормиться. Бѣда мнѣ съ этими списками! Сколько неприятностей, ошибокъ! Кто „ѣдокъ“, а кто „не ѣдокъ“... (Уходитъ, взявъ у Павла листъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

То-ли дѣло у насъ: всѣ „ѣдоки“. Какъ это, тети, удобно! Не правда-ли? Никакихъ ошибокъ...

КУЧЕРЪ

(подходитъ изъ калитки).

Барыни нѣтъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

А что?

КУЧЕРЪ.

Тамъ, на дворѣ, одинъ больно безобразничаетъ... Поденщина! А скажешь барину,—себя очень обезпоятъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Лучше и барыню не беспокоить... Пойдемъ-ка: что тамъ? (Спускается съ террасы)

БУЧЕРЪ.

Расъ вѣдь, Павелъ Ивановичъ, не послушаютъ... Они васъ не боятся... (Уходятъ въ калитку)

ПАТАША

(идеть съ пустыря, ведя за руку дѣвочку лѣтъ 9-ти, хорошенькую, пугливо озирающуюся).

Не бойся!.. Марфушей тебя зовутъ? а?

ДѢВОЧКА (альтомъ)

Да-а, Марфуткой!

ПАТАША.

Щаѣлась? Досыта?

ДѢВОЧКА.

Да-а, досыта!

ПАТАША.

Больше не хочешь? (Намѣревается поласкать) Дай, я тебя поцѣлую! Ухъ, какая ты грязуля!..

ДѢВОЧКА.

Кабы дали, еще-бы съѣла!

ПАТАША (хохочетъ).

Это великолѣпно! Пойдемъ на кухню,—тамъ еще чего-нибудь поѣдимъ!

ДѢВОЧКА:

А тетенька не заругаетъ?

Е Чиряковъ. Мужики.

НАТАША (со смѣхомъ).

Нѣтъ, нѣтъ!.. (Влечетъ дѣвочку въ калитку) Потомъ я покажу тебѣ ту машину, которая поетъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(появляясь въ калиткѣ, вслѣдъ ушедшимъ).

Да, будущая красавица! И за это ей можно дать два обѣда. (Идетъ къ террасѣ, гдѣ появляется Городецкій)

ГОРОДЕЦКІЙ

(чѣмъ то раздраженъ).

Нѣтъ ничего глупѣе, какъ сентиментальность съ мужиками! Ваши душевные разговоры о землѣ уже дали нѣкоторые результаты... Они думаютъ, кажется, что я не имѣю права распоряжаться своими лугами такъ, какъ это мнѣ хочется и какъ выгоднѣе... удобнѣе...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ты дѣлай такъ, какъ нравится и удобно тебѣ, мы съ сестрой—по своему...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Нельзя этого! Если вы будете дарить свою землю мужикамъ, этимъ вы дадите имъ поводъ ждать того же и отъ меня, отъ другого, третьяго... отъ всѣхъ насъ, помѣщиковъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Скажи, чтобъ не ждали.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Да они, видимо, ждутъ уже!

ПАВЕЛЪ ПВАПОВИЧЪ (обиженно).

Во-первыхъ, я земли не дарилъ; я только предложилъ имъ взять нашу землю въ долгосрочную аренду на льготныхъ условіяхъ; а во-вторыхъ...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Теперь надо быть поосторожнѣе. Мужики фантазируютъ, и всякій опрометчивый шагъ можетъ повлечь большія неприятности.

ПАВЕЛЪ ПВАПОВИЧЪ

(прохаживаясь и скептически ухмыляясь).

Ну, дальше!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Дальше? Скверно! Скверно! Ничего хорошаго, кромѣ арестантскихъ халатовъ, для нихъ въ результатъ не предвидится. Каждый день приноситъ извѣстія о захватахъ, буйствахъ, грабежахъ, а вы подливаете въ огонь масла...

ПАВЕЛЪ ПВАПОВИЧЪ (серьезно)

Имѣю я право распорядиться своей собственностью? На какомъ основаніи ты ограничиваешь мои права? И права моей сестры?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Бываютъ въ исторіи такіе моменты, когда...

ПАВЕЛЪ ПВАНОВИЧЪ (перебивая).

Мужики несомнѣнно думаютъ, что наступилъ именно такой моментъ...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Я говорю серьезно и спорить для того, чтобы не-респорить, не желаю!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ

(послѣ паузы, волнуясь).

Тебя считаютъ въ земствѣ демократичнымъ, радикальнымъ, а между тѣмъ ты рассуждаешь, какъ самый умѣренный аграрій...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Кѣмъ меня считаютъ—это мнѣ рѣшительно все равно! Жизнь и программа никогда не могутъ совпадать въ частностяхъ... И только люди, изучавшіе эту жизнь по книжкамъ да изъ тюремныхъ окошекъ, могутъ рассуждать такъ... наивно, прямолинейно!.. Я думаю, что твоя сестра смотреть на дѣло гораздо благоразумнѣе...

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Жизнь, жизнь!.. Жизнь-то именно и требуетъ, чтобы мы съ тобой поступились своими интересами... Ты вотъ все толкуешь о необходимости отдать крестьянамъ казенныя и удѣльныя земли. А тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ?! Какъ тамъ? У насъ, на примѣръ, почти нѣтъ!..

(Появляется Липа)

ЛИПА.

Все спорите?!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Скажи пожалуйста, Липа, кто изъ васъ придумалъ сдать имѣніе мужикамъ по пяти рублей за десятину и на эти деньги выстроить имъ баню?

(Павелъ отвертывается и смотритъ въ сторону, пощипывая бородку)

ЛИПА.

Вы все о томъ-же... Не одну баню, Николай Александровичъ, а главное—школу, а потомъ и баню... Каюсь: придумала это я!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ты, дядя, желаешь ссориться? Отлично! Мы... мы строимъ бани... А вы?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Во всякомъ случаѣ я не буду воздвигать мужикамъ какія-то тамъ бани, когда имъ жрать нечего... Въ нашемъ уѣздѣ 47,3 лошади на 100 дворовъ, а они... (Зло- радно смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(очень раздраженно).

Опоганить можно все, что угодно! Что строите вы? Тюрьмы? арестантскіе халаты? висѣлицы?..

(Сердито сходить съ веранды, на- правляясь къ калиткѣ)

НАТАША

(выбѣгая на террасу).

Опять умные разговоры? Bon frère! Вернитесь! Вотъ кипятокъ... (Бѣжить слѣдомъ за Павломъ, но скоро возвращается) Изволили разгнѣваться... Ты его, папа, вѣрно, обидѣлъ?..

ЛИПА

(угрюмо глядя въ поле).

Успокойтесь: мужики отказались не только отъ бани, но и отъ школы...

ГОРОДЕЦКІЙ.

И отлично сдѣлали!

ЛИПА.

Отказались и, значитъ, сдѣлали по-вашему... И не стоитъ больше объ этомъ разговаривать. Мы всѣ такъ изпервничались, что разучились разговаривать...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Трудно оставаться спокойнымъ, когда тамъ хлѣбъ растащили, въ другомъ мѣстѣ лѣсъ вырубилъ, въ третьемъ... А тутъ еще вы съ вашими утопическими проектами!.. (Послѣ паузы) Я, Липа, не ретроградъ! Вы съ Павломъ отлично это знаете. Я согласенъ, что народъ бѣденъ, нищій, что онъ рабъ,—все, что угодно... Но согласитесь, господа, что не подарками и не банями можно поправить экономическое положеніе народа!..

ПАТАША.

Не горячись, папочка!

Л П П А.

Тутъ, Николай Александровичъ, нѣтъ никакихъ проектовъ. Тутъ только *личное* дѣло мое и Павла... Личное! Мы не говоримъ, что спасаемъ народъ... Вѣроятно, это сдѣлаетъ самъ народъ лучше нашего. Вы вотъ кормите похлебкой крестьянскихъ ребятишекъ и, навѣрное, тоже не думаете, что измѣняете экономическое положеніе народа?..

ПАТАША

(съ большими глазами).

Что-же? По-твоему, не надо ихъ кормить? Мама дѣлаетъ глупо, что кормить?.. Глупо?

Л П П А.

Погоди, Наташа... Не въ этомъ дѣло... Прекрасно дѣлаетъ...

ПАТАША.

А, можетъ быть, нѣсколько дѣтей умерли бы, еслибы мы... Бабы мамѣ руки цѣлуютъ..

ГОРОДЕЦКІЙ.

Вы съ Павломъ все хотите вылѣзти изъ собственной кожи... Отлично! Ликвидируйте свое постыдное положеніе землевладѣльцевъ!.. Снимите эту тяготу съ своей души! успокойте совѣсть! Продайте имѣніе!

Л И П А.

Кому это?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Да хотя бы тѣмъ же мужикамъ!

Л И П А.

Не купятъ, Николай Александровичъ! Во-первыхъ, имъ не на что купить, а во-вторыхъ, они такъ увѣрены, что земля перейдетъ къ нимъ безъ всякихъ покупокъ, что ничего не выйдетъ...

ГОРОДЕЦКІЙ.

„Увѣрены?“ Конечно, если мы сами будемъ давать пищу мужицкой фантазіи... Вы полагаете, что, предлагая имъ взять землю по пяти цѣлковыхъ вмѣсто десяти, вы не кружите имъ головы...

Л И П А.

Но что-же дѣлать? Знать, что десять рублей нельзя брать, и все-таки брать?

ГОРОДЕЦКІЙ (не слушая).

Если бы всѣ помѣщики согласились, что земля—ничья, Божья. то, конечно, все совершилось бы безъ пожаровъ, грабежей, безъ арестантскихъ халатовъ, но...

НАТАША

(повернувшись на каблукахъ).

Надоѣли мнѣ, хуже горькой рѣдки, ваши споры

умные разговоры! Пойду Володю встрѣчать. (Беретъ съ окна простенькій платочекъ и покрывается имъ по-крестьянски) Хорошо? Идетъ? (Спускается съ террасы) Пойдемъ, Липа, Володю встрѣчать! Въ поле! Колокольчиковъ нарвемъ!..

(Уходитъ, бурча что-то веселенькое.
Горничная приготовляетъ столъ къ чаю)

ГОРОДЕЦКІЙ (ходитъ).

Но вѣдь согласитесь, господа, что я-то, который всадила въ имѣніе все свое и женино состояніе и хожу теперь въ долгу, какъ въ шелку, я-то не могу согласиться, что земля—ничья, а Божья? Проценты-то вѣдь я плачу!..

ГОРНИЧНАЯ.

Что вы, баринъ, говорите?

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито).

Не съ тобою!.. Наконецъ, я возился съ вашимъ имѣніемъ не меньше, чѣмъ со своимъ... Я вложилъ въ него столько заботъ и труда...

ЛИПА

(съ раздраженіемъ).

Ну, а если мы съ Павломъ хотимъ подарить мужикамъ свою землю. Какое тебѣ, дядя, дѣло въ самомъ дѣлѣ? Мы живемъ для себя и распоряжаемся своимъ... Ты... ты бери десять рублей... Можешь даже—двѣнадцать, а мы хотимъ по пяти! Даромъ—хотимъ! И нѣтъ никому дѣла! Никому!

(Тихо сходитъ съ террасы, отирая платкомъ слезы, и направляется черезъ калитку во флигель)

СЕРАФИМА СЕРГЬЕВНА

(входя на террасу съ листомъ бумаги).

Коля! Почему Иванъ Ключниковъ вычеркнуть изъ числа „ѣдоковъ?“ Вѣдь у него четверо дѣтей?

ГОРОДЕЦКІЙ.

А ну васъ тутъ съ „ѣдоками“! (Вслѣдъ Липѣ) Можете не только дарить, а даже еще отъ себя приплачивать за каждую десятину!

СЕРАФИМА СЕРГЬЕВНА.

Вѣдь ты знаешь Ивана Ключникова? Картошку въ прошломъ году копаль у насъ со своей женой?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Чортъ его знаетъ... Иногда кажется, что взялъ бы и плюнулъ на все: и на хозяйство, и на всякихъ ѣдоковъ, и на идейныхъ помѣщиковъ! (Серафима Сергѣевна уходитъ, Городецкій спускается съ террасы и, сосредоточенно думая о чемъ-то, ходитъ по аллеякъ сада. Изъ калитки выходитъ прикащикъ и идетъ позади Городецкаго. Тотъ чувствуетъ это—оглядывается) Что такое еще?

ПРИКАЩНИКЪ.

Надо, Николай Александровичъ, убрать одного поденщика... Степана изъ Сухого Долу!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Почему это?..

(Идетъ, прикащикъ за нимъ)

ПРИКАЩНИКЪ.

Произносить разныя слова... За такія слова надо прямо къ уряднику.

ГОРОДЕЦКІЙ (прительски).

Вотъ что, Григорій: разсчитывать ты можешь, но еще съ урядниками возиться,—пожалуйста ужъ безъ этихъ кляузъ... Я тебѣ нѣсколько разъ говорилъ, что съ полиціей нечего связываться...

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ знаете... Если такія слова оставлять безъ вниманія, я ужъ не знаю... тогда ужъ все можно говорить, что хочешь...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Что-же это за ужасныя слова? Ругань трех-этажная? Меня, что-ли?

ПРИКАЩИКЪ.

Ругань—это пустяки. Развѣ я сталъ бы васъ беспокоить изъ-за ругани?! Другое...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Именно?

ПРИКАЩИКЪ.

Вынесъ я изъ флигеля мебель провѣтрить, а онъ, Степанъ, сѣлъ въ кресло, ноги—въ озы, и не слазить! Пошелъ!—кричу. Никакого вниманія. „Не все,—говорить,—барамъ на мягкомъ сидѣть, пришло время и намъ позабавиться“... И пошелъ, и пошелъ!.. „Земля—Божья, моимъ потомъ полита, моей кровью вспоена“,—и другое разное... И такъ вездѣ неспокойно, а тутъ этакія слова произносить...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Откуда завелся этотъ господинъ? Давно онъ у насъ?

ПРИКАЩИЕЪ.

Только второй мѣсяць... Незамѣтно было... Трезвый—степенный человѣкъ, никогда никакого себѣ неприличія не позволялъ, а тутъ ему немножко попало—Павель Иванычъ поднесли—и нѣтъ никакого сладу! Стенька Разинъ да и только! Или разбойникъ Чуркинъ какой...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Гм!..

ПРИКАЩИЕЪ.

Оставить его съ такими словами невозможно: у меня—народъ... Дозвольте его покуда хоть въ баню запереть?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Въ баню, говоришь?.. Гм!

ПРИКАЩИЕЪ.

А какъ же иначе? Въ рыло дать вы тоже не позволяете, а...

ГОРОДЕЦКІЙ (прерывая).

Только не драться! Я самъ себѣ этого не позволяю и тебѣ запрещаю... Боже тебя избави! (Грозить пальцемъ)

ПРИКАЩИЕЪ.

Разъ нѣтъ вашего разрѣшенія, какъ же я могу? Никогда! Пусть лучше меня избьютъ, а я пальцемъ не трону...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Сильно пьянъ?

ПРИКАЩИЕЪ.

Не шатается, ходитъ ровно!

ГОРОДЕЦКІЙ
(послѣ паузы).

А ну-ка приведи его сюда. Что это за субъектъ...

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ-съ?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Приведи его сюда. Я съ нимъ побесѣдую...

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ-бы онъ... Сейчасъ приведу-съ!.. (Уходитъ, поскрипывая сапогами)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (въ дверяхъ).

Чѣмъ съ ними лучше, тѣмъ они хуже. (Идетъ къ столу, за чай) Кажется, ужъ дѣлаешь для нихъ все: и отсрочки всякія, и льготы, и кормишь, и заработокъ даешь хорошій, и лѣчишься ко мнѣ бѣгаютъ... И все таки!.. Полное отсутствіе всякаго чувства благодарности! У Виноградовыхъ никакой пощады не дають: за все—штрафъ, и ничего... лучше...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ну, матушка, Виноградовымъ я никогда не былъ и не желаю быть. И что тамъ ни говори, а мужики отлично понимаютъ, что такое—я, и что—Виноградовъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Я начинаю убѣждаться, что потравъ и порубокъ прощать не слѣдуетъ. На той недѣлѣ простили, а вчера опять поймали въ лѣсу съ лыками! Маленькія молоденькія липки! Даже простой жалости къ растеніямъ нѣтъ...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ты, матушка, кажется, скоро убѣдишься, что слѣдуетъ загонять мужицкихъ гусей и поросятъ и потомъ заставлять отработывать убытки, какъ это дѣлаетъ и Виноградовъ, и даже... твой родной батюшка...

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

На что ты сердилась? Я тебѣ ничего не рекомендую. Я только вижу, что такъ—нельзя, немислимо вести хозяйство... Раньше ты все-таки давалъ понять, что рубить чужой лѣсъ нельзя, что мы сѣмъ овесъ вовсе не для того, чтобы *они* пасли тамъ свой скотъ.

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито).

То было раньше, а теперь другое... Изъ-за пустяковъ не стоитъ портить отношеній... На грошъ экономіи, а... а...

(Изъ калитки идутъ прикащикъ и Степанъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(поднимаясь и уходя въ домъ).

Еще какую-нибудь гадость тутъ услышишь... Предпочитаю не присутствовать. Чай тебѣ налить.

ПРИКАЩИКЪ

(останавливая Степана).

Погоди, не лѣзь! Стой здѣсь! Сними картузь-то: не въ кабакъ...

СТЕПАНЪ.

Постоймъ... Снимемъ... (Неохотно спинаетъ картузь)

ПРИКАЩИКЪ.

Привелъ его... Здѣсь онъ!

СТЕПАНЪ.

Звали меня?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Не звалъ, а вемѣль привести.

СТЕПАНЪ.

Что меня вести-то... Самъ приду... Не допускали, а то...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Чѣмъ ты такъ недоволенъ? Платой? Пищей?

СТЕПАНЪ.

Никакихъ неудовольствій я вамъ не заявляю... А если я выпимши сѣлъ въ креслу, такъ неужто я вамъ этимъ убытокъ сдѣлалъ?!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ты пожалуйста дурака не ломай!

ПРИКАЩИКЪ.

А что ты говорилъ, когда въ креслѣ сидѣлъ? Пу-ка! Про землю ты что говорилъ?

СТЕПАНЪ.

Что сказалъ, то и сейчасъ повторю. Мнѣ отпираться нѣтъ причины. Прикащикъ сказалъ: „какъ это земля этакихъ жуликовъ носить“, — про меня это онъ. А я ему: земля, говорю, не ваша, а Божья, и жуликъ тоже Божій человѣкъ... Вѣрно! Что тутъ толковать? Всѣ мы— Боговы, какъ я, такъ и баринъ, и ты, неправильный ты человѣкъ, и все движимое и недвижимое!..

ПРИКАЩИКЪ (со злостью).

Не такъ было! Врешь, а еще на Бога ссылаешься.. Потерялъ совѣсть-то?

СТЕПАНЪ.

Если ты никакихъ свидѣтелей не допустишь, на кого мнѣ, окромѣ Бога, сослаться?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ну, а дальше что?

ПРИКАЩИКЪ.

А не говорилъ ты, что земля твоимъ потомъ полита, твоей кровью вспоена? Что по этой причинѣ неурожай пошли?

СТЕПАНЪ.

И вѣрно! Кто свой потъ надъ землей проливаетъ? Ты, что-ли? Кто Россію отъ непріятеля защищаетъ? Ты?

ПРИКАЩИКЪ.

Да и не ты, вѣдь!

СТЕПАНЪ.

Мой братъ въ сраженіи свою кровь пролилъ, а твой въ монополіи сидитъ!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Во всякомъ случаѣ, если тебѣ хочется въ мягкомъ креслѣ сидѣть, а не работать,—можешь получить расчетъ и—съ Богомъ! (Къ прикащику) Разсчитай его!

ПРИКАЩИКЪ.

Пойдемъ... Получай и—съ Богомъ!

(Входитъ Серафима Сергѣевна)

СТЕПАНЪ.

Что я въ креслѣ посидѣлъ,—каюсь, а чтобы отъ работы отлынивать,—это грѣхъ будетъ... Наплевать тому въ глаза надо...

(Городецкій уходитъ въ комнаты)

ПРИКАЩИКЪ.

Ладно... Иди, братъ!

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Нечего больше разговаривать... Баринъ сказалъ тебѣ,
и... все... уходи!

СТЕПАНЪ (съ озорствомъ).

Какъ-же это не разговаривать? Корова и та мычитъ..

ГОРОДЕЦКІЙ

(въ дверяхъ, съ раздраженіемъ).

Получи расчетъ и мычи, сколько твоей душѣ угодно!
(На дворѣ гремятъ бубенчики, слышны голоса Владимира
и Наташи) Ну! Пшелъ!.. (Уходитъ въ комнаты)

СТЕПАНЪ

(отнимая руку отъ прикащика).

А вы не цѣпляйтесь! Мнѣ отъ Бога языкъ данъ!..

(Влетаетъ, съ букетомъ колокольчиковъ и зеленой ржи, Наташа,
за ней идетъ улыбающійся, въ пыди
и съ сумкой черезъ плечо, Влади-
миръ)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА (радостно).

Пріѣхалъ!.. Володя пріѣхалъ!

(Наташа и Владимиръ, обходя
Степана, идутъ на террасу;
Владимиръ цѣлуется съ род-
ными)

НАТАША.

У него, мама, эспаньелка выросла! Видишь? (Беретъ
брата за подбородокъ)

СТЕПАНЪ

(у калитки, оглянувшись).

А запирать человекѣ въ баню не можете! Крѣпост-
нос право прошло!

ГОРОДЕЦКІЙ

(въ дверяхъ, выходя изъ терѣнія).

Я тебя отправлю къ земскому начальнику!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Коля! Перестань! Сдерживайся... Не унижайся...

СТЕПАНЪ.

А еще образованные!

(Подталкиваемый прикащикомъ,
скрывается за калиткой)

НАТАША.

Какой грубый! (Неловкая общая пауза)

ВЛАДИМИРЪ

(цѣлуясь съ отцомъ).

Что, и у васъ мужички пошаливать начали? Вотъ
тебѣ и добрыя отношенія!

ГОРОДЕЦКІЙ (строго).

Къ твоему огорченію, пока все благополучно: не
ограбили, не сожгли и не убили...

(Владимиръ пожимаетъ плечамъ)

НАТАША

(мягко ласкаясь къ отцу).

Какую ты, папочка, ерунду говоришь! На тебѣ ко-
локольчикъ въ петличку... Тебя Гладстономъ называютъ,
а Гладстонъ, говорятъ, всегда носилъ цвѣточекъ...

Е Чириковъ. Мужики.

16

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Ты, отецъ, напрасно говоришь такимъ тономъ эти несуразныя вещи...

ВЛАДИМИРЪ.

Да пусть... Папа, видимо, раздраженъ чѣмъ-то...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Они—народъ прямолинейный. Летаютъ, какъ галки. Для приближенія къ будущему строю будетъ, матушка, бесполезно, если все это случится съ нами...

ВЛАДИМИРЪ.

Все это, папа, либеральные парадоксы... (Наташа, вставъ позади брата, шекочетъ ему щеку колосомъ) Брось, чортова кукла!

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА (съ упрекомъ).

Володя! Кель выражансь!!

ГОРОДЕЦКІЙ (съ улыбкой).

Это очень демократично... Соціально-демократично! (Уходитъ въ комнаты)

ВЛАДИМИРЪ.

Однако, какой отецъ сердитый... На что онъ обидѣлся... Я, кажется, ничего не успѣлъ сказать!

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Сегодня онъ съ утра разсердился... Что-то у него тамъ съ мужиками изъ-за луговъ вышло...

НАТАША

(стоя позади брата).

У-у! Какая у тебя, Володичка, шея! Какъ голенище! (Хочочеть)

ВЛАДИМИРЪ (отстраняясь).
 Постой!.. А гдѣ же Павель? Лица? Живы они?

НАТАША (весело).
 Вели умные разговоры и всѣ разбранились!

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.
 Они—въ своемъ флигелѣ. Мы, Володя, теперь все ссоримся... И ты попалъ какъ разъ въ такое время, когда мы расходимся по разнымъ половинамъ...

ВЛАДИМИРЪ (встаетъ).
 Я васъ помирю около самовара! Тутъ-то, вѣроятно, не выйдетъ никакихъ разногласій... Идемъ, Натуська!
 (Оба идутъ съ террасы въ калитку)

НАТАША
 (хватая брата подъ руку).
 Всѣ дуются! Какъ было въ прошломъ году весело! Я думала, что опять... А гдѣ тотъ студентъ, который гостилъ у насъ прошлымъ лѣтомъ? Вотъ премилый чело-
 вѣкъ...

ВЛАДИМИРЪ.
 Увы! Въ тюремномъ заключеніи!
 (Скрываются за калиткой)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА
 (подойдя къ двери).
 Николой Александровичъ! Иди! Ты не допилъ своего чая...

ГОРОДЕЦКІЙ
 (входитъ съ сигарой во рту).
 Приѣхала еще одна живая программа! (Ходитъ по тер-
 расѣ)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Ты, Коля, все забываешь, что Володя — не мальчикъ...
Онъ совершеннолѣтній.

ГОРОДЕЦКІЙ.

„Либеральные парадоксы!“ Гм!.. (Садится къ столу)
Сынокъ—демократъ, племянникъ—народникъ, тестъ—
ретроградъ... Эсдеры, эсэры, кадеры и кто тамъ еще..

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Какіе же мы либералы?!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Э-э, матушка. они всѣхъ валяютъ въ одну кучу... У
каждаго изъ нихъ... свой аршинъ и, если вершка не
хватитъ, кончено: вали его въ либеральную кучу...
вродъ мусорной ямы...

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Ты, Коля, все-таки очень несдержанъ... Довелъ
Липу до слезъ... Зачѣмъ? Пусть ихъ дѣлаютъ, какъ
хотятъ.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Когда женщина въ спорѣ не находитъ логическихъ
аргументовъ, она орошаетъ противника слезами. Прин-
ципiальные слезы! Нѣтъ ничего противнѣ! И подарить
хочется, и баню выстроить... (Смѣется) Ужъ если такъ
надоѣло быть помѣщиками, взяли бы да подарили мнѣ...
Да! А что-же? Если сосчитать долги банку, Виногра-
дову, недоимки разныя... если, говорю, ликвидировать
хозяйство, то, ей-Богу, мы окажемся не богаче мужиковъ!

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА (вспомнивъ).

А страховку ты внесъ?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Откуда?! Я фальшивых ассигнацій не дѣлаю... Опять придется у этого прохвоста, Виноградова, занимать...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Папа хотѣлъ пріѣхать... Онъ рассчитывалъ, что ты дашь ему до января семьсотъ рублей...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Всѣ рассчитываютъ *взять* у меня и никто не рассчитываетъ дать мнѣ... Воображаютъ, что мои лятифундїи припосытъ мнѣ громадный доходъ...

(Изъ калитки идетъ къ террасѣ поварь)

ПОВАРЬ.

Барыня! Что прикажете на третье?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Что тебѣ?

ПОВАРЬ.

На третье что приготовить: мороженое или пломбиръ?

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито).

Только не пломбиръ! Надоѣлъ твой пломбиръ.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

И не мороженое! Сережа объѣдается и потомъ хвораешь. Спроси барышню, Наталью Николаевну: что она захочетъ, то и приготовь!

ПОВАРЬ.

Слушаюсь. Барышня любитъ вафли

(За калиткою шумъ голосовъ; поварь уходитъ; доносится звонокъ голоса Наташи: „вафли! вафли“)

и изъ калитки выходятъ: Павелъ
Ивановичъ, Липа, Владимиръ
переодѣтый въ русскую рубашку,
и Наташа)

ВЛАДИМИРЪ.

Ну, пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь около
самовара!

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Слава Богу! Давно бы такъ!

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Чай пить могутъ изъ одного самовара всѣ партіи.
(Общій смѣхъ)

ЛИПА (къ Владимиру).

Всѣ забастовали?

ВЛАДИМИРЪ.

Всѣ! Всѣ! и медички, и высшія...

ЛИПА.

А горный институтъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Всѣ! Даже путейцы!

(Разсаживаются около стола)

ЛИПА.

Ахъ, какъ мнѣ захотѣлось въ Петербургъ!

ГОРОДЕЦКІЙ (съ ироніей).

И надолго забастовали?

ВЛАДИМИРЪ.

На неопредѣленное время.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Ага! Ну, а все-таки? До января, до февраля?..

ВЛАДИМИРЪ.

Впредь до намѣненія общихъ условій... Я давно бы могъ пріѣхать, да не хотѣлось... Митинги, рефераты, доклады...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Надолго, значить? До этого... какъ его?.. до соціального устройства?

ВЛАДИМИРЪ.

Ладно! Подшучивай! Подождемъ, торопиться некуда.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Не понимаю этого... Или ужъ я устарѣла, что-ли.. Была я когда-то на курсахъ.

ГОРОДЕЦКІЙ (декламируетъ).

Такъ сбивчивы и шатки наши мнѣнья,
Что сомнѣваться можно и въ сомнѣньи!..

ВЛАДИМИРЪ.

Сперва кончи курсъ, — такъ, мамочка? А потомъ ужъ—въ тюрьму?

ПАТАША

(надувая губы).

Вотъ я кончила... и... что-же теперь, мама?..

ПАВЕЛЪ ИВАПОВИЧЪ.

Кончи курсъ и вотъ, когда ты сдѣлаешься земскимъ начальникомъ, тогда выступай на арену и давай протесторъ своимъ общественнымъ идеаламъ... (Липа и Вла-

димирь смѣются) А ты, Володя, не только еще не копчилъ курса, но даже не отбылъ тюремной повинности, какъ это требуется для диплома...

НАТАША (потягиваясь).

А любопытно посидѣть въ тюрьмѣ?! Право!.. Я хотѣла бы... Только не надолго... Съ недѣльку-бы!.. А потомъ на волю!..

ГОРОДЕЦКІЙ.

Будь только порядочнымъ человѣкомъ, а тамъ, другъ мой, (хлопаетъ сына по плечу) жизнь найдетъ тебѣ мѣсто, распорядится тобой—по своему...

ВЛАДИМИРЪ.

Я самъ распоряжаться жизнью хочу!

ЛИПА.

Браво, Володя! Молодчина!

ПАВЕЛЪ ИВАПОВИЧЪ.

Вѣрно! Надо, чтобы не жизнь нами, а мы жизнью распорядились!

ВЛАДИМИРЪ

(кланяется на двѣ стороны).

Неожиданное одобреніе съ двухъ сторонъ. Очень растроганъ. Постараюсь быть и порядочнымъ человѣкомъ, и молодчиной!.. Только не отдаю себѣ яснаго отчета, что такое порядочный человѣкъ?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Не понимаешь?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Очень жаль.

ВЛАДИМИРЪ.

Перчатки и галстухъ для порядочнаго чловѣка обязательны?

ГОРОДЕЦКІЙ.

Довольно таки глупо. (Уходитъ въ комнаты)

ПАТАША.

Опять?! Зачѣмъ, Володька, сердишь папу?

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(бросаетъ съ сердцемъ чайную ложку).

Все могу извинить, но грубости не переношу.

ВЛАДИМИРЪ

(цѣлуя у матери руки).

Мамочка, не буду! Милая, не буду!

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Ахъ, не дурачься, Владимиръ, пожалуйста! (Уходитъ. Молчаніе)

ВЛАДИМИРЪ.

Всѣ меня оставили...

(Изъ кухни доносится пѣніе Авдотьюшки:

„У-родилася я, какъ въ полѣ бы-
ли-нка.

Мо-я молодость прошла-а на чуж-ой
сторонкѣ“)

ПАТАША.

Наша Авдотьюшка всегда чиститъ ножи подъ акомпаниментъ своихъ пѣснопѣній... Слушайте!

(Авдотьюшка безнадежно-грустно вытягиваетъ:

„Лѣтъ съ двѣнадцати я по людямъ
ходила.
Гдѣ коровъ доила я, гдѣ дѣтей
качала“)

ГОРОДЕЦКІЙ

(появляясь въ дверяхъ).

Опять завыла? Скажи, Наташа, что когда я пріѣзжаю
сюда, чтобы этого вытья не было!

(Исчезаетъ. Авдотьюшка тя-
нетъ: „Лѣтъ съ двѣнадцати я“...
Наташа сбѣгаетъ съ террасы,
хохочетъ и скрывается въ калиткѣ.
Пѣсня обрывается)

ЛИП А.

Стр-рого у насъ!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Знаешь, Володя: нашъ земскій запретилъ хороводы!..

ЛИ П А.

Вообще всякое пѣніе! Не вѣришь?.. (Всѣ смѣются)
Онъ мнѣ запретилъ и ребятъ учить...
(Наташа возвращается на террасу)

НАТАША (тихо).

А мнѣ эта пѣсня ужасно нравится. Слова у ней
смѣшныя и симпатичныя... (Тихо напѣваетъ)
„Изъ бѣдныхъ я бѣдна, плохо я одѣта,
Никто замужь не беретъ дѣвушку за это!“

ВЛАДИМИРЪ (къ Липѣ).

И ты послушалась: не учишь?

ЛИ П А.

Учу по одиночкѣ... Это можно безъ разрѣшенія...

(Съ восторгомъ) Одинъ мальчуганъ ходитъ ко мнѣ... съ разбитой губой... Съ нимъ заниматься—прямо наслажде-
ніе: любознательный, смѣтливый, смѣлый...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Тетя жаловалась, что онъ у ней два обѣда съѣдаетъ
обманнымъ образомъ! (Смѣется)

ЛИПА.

Говорить басомъ и смотреть прямо-прямо въ глаза,
словно видить тамъ самую глубину твоей души. Не-
давно я читала ему стихотвореніе... на 19 февраля...
Знаешь?

НАТАША

(подсказываетъ по-гимназически).

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

ЛИПА.

Вотъ этотъ Савка и спрашиваетъ меня: „а правда,
Лимпіяда, что манифестъ вышелъ, чтобы намъ отдать
всю землю?“ Главное—„намъ“!!

ВЛАДИМИРЪ.

Мужичокъ по-прежнему умиляетъ васъ своей само-
бытностью?

НАТАША.

Они хотятъ подарить свою землю мужикамъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Ого! Сами намѣрены превратиться въ пролетаріевъ,
а изъ мужичковъ сдѣлать благополучныхъ россиянъ?...
(Вдали чуть слышны колокольчики)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что подѣлаешь, Володя?.. Мужикъ никакъ не соглашается сдѣлаться настоящимъ пролетаріемъ... (Насмѣшливо) Не хочеть, каналья!

НАТАША.

(съ напряженнымъ вниманіемъ).

Не понимаю я, какая между вами разница? Почему вы все ссоритесь... Ты, Володя, вѣдь тоже любишь бѣдныхъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Дайте мужику порядочный кусокъ земли—и вы увидите, что онъ сдѣлается врагомъ всякихъ социальныхъ реформъ... Возьмите мужика въ Швейцаріи! Вы умиляетесь его благополучіемъ, а мнѣ противно смотрѣть! Сытое довольство мѣщанина и ничего больше!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Тамъ совсѣмъ другое дѣло!

ВЛАДИМИРЪ (иронически).

Конечно! У насъ мужикъ — самобытный!.. Соціалістомъ родится!

(Появляется полковникъ.)

НАТАША.

Дѣдушка! Ну-ка иди поспоря съ ними!.. (Смѣется)

ПОЛКОВНИКЪ.

А-а! господинъ анархистъ пріѣхалъ! Здравствуй, здравствуй! Хотя мы съ тобой и не сходимся въ убѣжденіяхъ, но видѣть тебя радъ! (Цѣлуются съ Владиміромъ) Крестничекъ мой. (Здоровается съ остальными. Къ Липѣ) Здравствуй, синій чулокъ! (Къ Павлу) Имѣю честь кланяться, народный печальникъ!.. (Къ Наташѣ) Здравствуй, Коза Иванова!

ПАТАША.

Здравствуй, ретроградъ! (Смѣхъ и поцѣлуй)

ПОЛКОВНИКЪ.

Полюбуйтесь, что у насъ происходитъ: (лѣзетъ въ карманъ за записной книжкой) проѣзжаю по своему лѣсу и вижу—на соснѣ бѣлѣетъ бумажка какая-то... Останавливаю лошадей, слѣзаю, снимаю бумажку, (вынимаетъ и кладетъ клочекъ бумаги на столъ) читаю.... Полюбопытствуйте вотъ! Доморощенная прокламація!.. (Владимиръ хватается бумажку, читаетъ и смѣется: окружающіе требуютъ прочесть вслухъ) Безграмотная прокламація и подписана: „Статскій Совѣтникъ“!..

ВЛАДИМИРЪ (читаетъ).

„Сея экономія будетъ сожжена въ ночь сего мая 20-го числа, а лѣсъ приказано вырубить до-чиста въ 2 часа съ четвертью. Статскій Совѣтникъ“.

(Общій смѣхъ)

ПОЛКОВНИКЪ.

Какъ это вамъ нравится? а? (Прячетъ бумажку) Статскій совѣтникъ писалъ! Въ лаптяхъ! Передамъ земскому начальнику... Пусть дадутъ охрану... Отъ этихъ статскихъ совѣтниковъ теперь житья нѣтъ... (Гроза пальцемъ) Вы все! (Идетъ въ комнаты) Серафимочка!.. Полюбуйся!..

(Горничная беретъ подогрѣвать самоваръ)

ПАТАША.

А кто тамъ еще, съ дѣдушкой пріѣхалъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Земскій начальникъ. (Уноситъ самоваръ)

ПАТАША (встаетъ)

Брр! Противный! Возьму книжечку и уйду, лягу на травку...

ВЛАДИМИРЪ.

Хочешь, дамъ Маркса? Сразу на 50° поумнѣешь!

ПАТАША.

Не хочу. Липа давала мнѣ какъ-то „Экономическія бесѣды“, тоска смертная... Я читаю „Дворянское гнѣздо“. Милый Тургеневъ! Люблю его безумно!. Гдѣ мой Тургеша?.. Не видала, Липа, моего Тургешу?

ЛИПА.

А вонъ на окнѣ,—не онъ?

ПАТАША.

Онъ! онъ! Мой миленькій! (Беретъ книгу и уходитъ въ садъ)

ЛИПА.

Владимиръ! Знаешь, кто мой самый усердный читатель? Дѣдушка!

ВЛАДИМИРЪ.

Неужели читаетъ?

ЛИПА.

Всѣ новыя брошюрки!

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Липа даетъ ему всѣ присылаемыя тобой брошюрки по политическимъ и экономическимъ вопросамъ, и дѣдушка ихъ глубокомысленно изучаетъ, дѣлаетъ какія-то выписки въ свою памятную книжку...

ЛИПА.

Только результаты получаются самые неожиданные!
(Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Дѣдушка, братъ, всѣхъ ученыхъ и поэтовъ утилизируетъ въ свою пользу! Недавно пріѣхалъ и говорить: „самъ вашъ Марксъ осудилъ реформы 60-хъ годовъ...“ (Липа и Павелъ Ивановичъ хохочутъ) Какимъ это образомъ?—спрашиваю. Вынимаетъ свою записную книжечку и читаетъ: „Если Россія пойдетъ по той же дорогѣ, по которой она двинулась въ 61 году, то она пропадетъ, какъ пропала гнилая Европа“. (Всѣ хохочутъ)

ЛИПА (встрепенулась).

Кажется, сюда земскій начальникъ идетъ!

ВЛАДИМИРЪ (поднимается).

Ну его къ чорту! Идемъ, господа!

(Всѣ уходятъ въ глубину сада)

ГОРОДЕЦКІЙ

(за нимъ земскій начальникъ и полковникъ).

Трудно, знаете-ли, поручиться... Сегодня, напримѣръ, у меня вышелъ такой казусъ. Одинъ мужикъ сѣлъ въ кресло и говорить...

ПОЛКОВНИКЪ (перебивая).

Какъ? Ты позволяешь у себя въ домѣ...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Не въ комнатѣ... На дворѣ мебель провѣтривали... Ну-съ сѣлъ и говорить: не все барамъ на мягкомъ сидѣть, пришло время и намъ побаловаться... или потѣшиться... ужъ не помню, какъ онъ выразился.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Удалите немедленно... А я приму со своей стороны мѣры. Какъ имя и прозвище этого нахала?

ПОЛКОВНИКЪ.

Это тоже „статскій совѣтникъ“.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Нѣтъ... Не выдамъ! Это уже я считаю лишнимъ... Если я рассказалъ этотъ случай, такъ вовсе не для того, чтобы донести, а просто для иллюстраціи...

ПОЛКОВНИКЪ (возмущенно).

Это удивительно! Это-же укрывательство!

ЗЕМСКІЙ ПАЧАЛЬНИКЪ.

Я вѣдь, Николай Александровичъ, могу узнать и помимо васъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Да и нужно-ли...

ГОРОДЕЦКІЙ.

Это уже ваше дѣло!

ПОЛКОВНИКЪ.

Не „ваше“, а „наше“, общее наше дѣло! Это удивительно!

ГОРОДЕЦКІЙ.

Я держусь, вообще, того мнѣнія, что не слѣдуетъ обострять отношеній. Объ этомъ я имѣлъ честь докладывать лично князю и теперь могу повторить то-же самое...

ПОЛКОВНИКЪ.

Это удивительно! Погодите, господа либералы, я на первомъ-же губернскомъ дворянскомъ собраніи дамъ вамъ генеральное сраженіе! Я готовлю докладъ, Семенъ Яковлевичъ... Работаю съ утра до ночи!

ЗЕМСКІЙ ПАЧАЛЬНИКЪ.

Значитъ, не слушаетесь доктора: опъ вамъ не гелѣлъ читать и писать при огнѣ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Докторъ запретилъ мнѣ думать и приказалъ спать по 12 часовъ съ сутокъ! Неужели я могу это дѣлать?.. Старый воинъ, Семень Яковлевичъ, не можетъ оставаться въ тылу, когда на аванпостахъ завязывается бой... Всѣ позиціи занимаютъ они, либералы.

ГОРОДЕЦКІЙ.

Вы что-же, опять какой-нибудь проэктъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Именно. Основныя мои мысли таковы: 1) дворянскій банкъ долженъ служить намъ, а не мы банку, 2) овцы вѣдряются доброму пастырю, а не наемнику-интеллигенту, и 3) повсемѣстное введеніе обязательныхъ въ пользу государства работъ...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Это, знаете-ли, любопытно...

ГОРОДЕЦКІЙ (иронически).

Особенно третья основная мысль... Кого вы, полковникъ, привлечете къ принудительнымъ работамъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Кого? Во-первыхъ, нуждающихся въ работѣ, во-вторыхъ, всѣхъ недоимщиковъ и, въ-третьихъ, всѣхъ приговоренныхъ земскими начальниками къ штрафамъ и арестамъ... Я думаю, Семень Яковлевичъ, что каждый мужикъ согласится, вмѣсто того, чтобы платить штрафы или сидѣть подъ арестомъ, отработать свое наказаніе?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Возможно... А гдѣ, Николай Александровичъ, вы устроили столовую?

Е. Чириковъ. Мужики.

17

ГОРОДЕЦКІЙ.

А тамъ, за огородомъ... Пойдемте, — покажу... Пока до завтрака...

(Всѣ идутъ съ террасы по аллеякъ, ведущей къ пустырю, и разговариваютъ о гололающихъ. На террасу выходитъ Серафима Сергѣевна, за ней горничная несетъ самоваръ)

ГОРНИЧНАЯ.

Яичницу, что-ли, прикажете еще сдѣлать?

(Изъ калитки идетъ Авдотьюшка)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Что-нибудь. Можно и яичницу.

АВДОТЬЮШКА (у террасы).

Уймите, барыня, Сереженьку!.. Озоруетъ все.

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

А что?

АВДОТЬЮШКА.

Принесли машину эту самую...

ГОРНИЧНАЯ (поясляетъ).

Граммфонъ!

АВДОТЬЮШКА.

Да, грама... Не выговорю ужъ... Поставили ее къ те-
лятамъ и завели... Тамъ такой скандалъ... Боятся, ко-
нечно... Неразумная тварь...

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(всплеснула руками).

Ахъ! И чего только не придумаетъ!

(Встаетъ и идетъ къ садовой калиткѣ. Здѣсь ее встрѣчаетъ и останавливаетъ Иванъ Ключниковъ)

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ

(снимая шапку).

Сдѣлайте божескую милость! Не оставьте!

С Е Р А Ф И М А С Е Р Г Ъ Е В П А .

Ты кто? Что тебѣ?

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

Да все я-же, барыня, Иванъ Ключниковъ! Ужъ ежели я не настоящій голодающій, какихъ-же еще нужно? Вѣдь это лавочникъ по злобѣ сказалъ... Четверо дѣтей, матка, сестра, самъ-семой!

(Съ пустыря возвращаются Городецкій, земскій начальникъ и полковникъ)

С Е Р А Ф И М А С Е Р Г Ъ Е В П А .

Вотъ земскій идетъ... Я ничего не могу. Велить записать,—запишу...

(Уходитъ Ключниковъ поживаетъ)

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ

(кланяясь компаніи).

Сдѣлайте божескую милость! Шестъ душъ, самъ-семой... Хоть по міру иди!

(Земскій начальникъ останавливается, Городецкій съ полковникомъ проходятъ въ комнату)

З Е М С К І Й Н А Ч А Л Ъ Н И К Ъ .

Пу, чѣго-же ты хочешь?

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

А такъ, чтобы въ ѣдоки насъ записали... Ужъ ежели мы не голодающіе, такъ кому-же и способіе выдавать?

ЗЕМСКІЙ ПАЧАЛЬНИКЪ.

Работать, братецъ, надо. Руки есть? Голова на плечахъ?

КЛЮЧНИКОВЪ

(мотнувъ руками).

Куда ихъ дѣну? Зря болтаются. И радъ бы...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Сдѣлай одолженіе — приходи ко мнѣ въ усадьбу, — мнѣ рабочія руки нужны... (Отходить) Всѣ на казенные хлѣба желаете.

КЛЮЧНИКОВЪ (съ отчаяніемъ).

А семейство? У меня семь душъ... (Земскій не обращаетъ вниманія) Ахъ ты, сдѣлай милость! Что станешь дѣлать?!.. (Топчется, вертитъ въ рукахъ шапку, смотритъ вслѣдъ упреждающему земскому начальнику. Вдали молодежь поетъ пѣсню: „Назови мнѣ такую обитель“) Эхъ вы, господа поштенные!

(Уходитъ)

Е. Чириковъ. Мужики.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Зимній вечеръ,—вьюга. Постоялый дворъ въ с. Городецкомъ: великорусская изба съ недоходящей до потолка перегородкой, съ просторной печкой-лежанкой, съ нарами и полатами. Въ лѣвомъ отъ зрителя углу—столь съ висящею надъ нимъ на веревкѣ лампой. За столомъ—два вощика рѣжутъ хлѣбъ къ ужину, который приготовляетъ Лукерья, за перегородкой. Стара-роста-хозяинъ стоитъ около входа за перегородку и, облокотясь на косякъ, рассказываетъ. Иванъ Ключниковъ сидитъ на лавкѣ вблизи стола. Въ темномъ углу, на нарахъ—старикъ съ внучкой. На полатахъ кто-то возится и вздыхаетъ. Время отъ времени за перегородкой скрипитъ покачиваемая люлька и доносится плачь грудного ребенка. Въ занесенное снѣгомъ окно постукиваетъ вѣтеръ, доносящій порою глухое бульканье лошадиныхъ бубенчиковъ. На перегородкѣ—маленькіе часы съ гирькой и привѣсомъ—тикають проворно, монотонно... При поднятїи занавѣса продолжается разговоръ.

СТАРОСТА.

Призвалъ это онъ насъ къ себѣ и говорить: желаю вамъ свою землю сдать на вѣчныя времена за малыя деньги, но чтобы эти деньги шли въ каку-то камессію..

КЛЮЧНИКОВЪ.

Не такъ говоришь! Подарю, говорить, обществу, но только чтобы вы по пяти цѣлковыхъ съ десятины вѣчно отчисляли и чтобы комитетъ выбрали, а въ этотъ комитетъ чтобы барышня, Лиміида Ивановна, сѣла...

СТАРОСТА.

Такъ, такъ... А на этотъ капиталъ, говорить, мы вамъ баню хорошую смстроимъ и школу поставимъ...

ВОЩИКЪ 1.

Вишь, куда они гнутъ!..

СТАРОСТА.

Въ грязи, говорить, живете; помпраютъ, говорить, ребятишки отъ этого...

ЛУКЕРЬЯ

(за перегородкой).

Что бы намъ съ ними дѣлать-то, кабы они не поми-

рали? Чѣмъ ихъ кормить-то? Про то не знаютъ они... (Плачь ребенка, скрипъ люльки) Спи, что-ли!.. Назóбла, про-сти Господи!..

КЛЮЧНИКОВЪ.

У цихъ всѣ сыты... У нихъ собаки ржаного хлѣба не жрутъ.

СТАРИКЪ.

У меня вотъ нечѣмъ ихъ кормить-то... Вотъ дѣвку-то въ экономію водилъ, думалъ въ услуженіе опредѣлить... Не берутъ... Въ городъ, видно, придется... (Дѣвка утираетъ глаза рукавомъ и хныкаетъ) Чего, дура, допрежде времени ревешь?.. Кабы было чѣмъ ихъ кормить, разя повель-бы? Телку и ту жалко...

ВОЩИКЪ 1 (встаетъ).

Пойти—лошадей посмотрѣть... (Уходитъ)

СТАРОСТА.

Хотѣлъ, чтобы приговоръ составили, что на вѣчныя времена принимаемъ по пяти цѣлковыхъ съ десятины...

ВОЩИКЪ 2.

А они этими деньгами будутъ орудовать?.. Ловки

ЛУКЕРЬЯ

(подаетъ миску и ложки)

Ихъ только послушай!..

СТАРОСТА.

Вотъ мы отошли на канаву—промежь себя покалякать, въ чемъ тутъ загвоздка? Что у него въ мысляхъ? Почему такое имъ охота насъ въ банѣ мыть?..

(Легкій смѣхъ слушателей)

СТАРИКЪ (глубокомысленно).

За что-нибудь зацѣпиться надо? Вотъ они баню и придумали. Когда волю давали, они насъ на кривой объѣхали... И теперь изловчатся...

КЛЮЧНИКОВЪ (сердито).

Способіе отъ казны всѣмъ идетъ, а они—кому дадутъ, а кому и не покажутъ. Ты, бають, не ѣдокъ: руки у тебя есть! Кабы у меня руки были, а брюха не было!

(Смѣхъ окружающихъ)

СТАРОСТА.

Ну, потолковали мы промежду себя, видимъ,—дѣло нечистое. Такъ и такъ, говоримъ, не подойдетъ дѣлито... „Почему такъ?“—Бани, говоримъ, намъ не надо, ни къ чему она, а школа только четыре версты—въ Сухомъ Долу, побѣгаютъ наши ребятишки, не господскіе... А что касаемое земли,—согласны, но только на вѣчныя времена не желаемъ, а, окромя того, по пяти рублей дорого: по три опредѣляемъ...—„Какъ,—говорить,—дорого? По десяти платите?“—Что было, говоримъ, то прошло. И опять—впередъ деньги платить не можемъ, а черезъ два года гуртомъ отдадимъ...

(Вощикъ 1 входитъ, постукиваетъ ногами и говоритъ: „вьюга!“)

СТАРИКЪ.

Правильно! Можеть, черезъ годъ все обпаружится, и ничего получить имъ не придется...

ВОШПЕЦ.

Все можеть быть!

СТАРОСТА.

Очень просто! Ну, вышла это барышня, Лимпіада

Ивановна, сестра его, и говоритъ: „не понимаете своей пользы, дураки,—говорить,—вы“...

СТЕПАНЪ (съ полатей).

На дурака вся надежа была, а онъ взялъ да и поумнѣлъ!

СТАРИЦЪ (смѣется).

Бываетъ всяко!..

СТАРОСТА.

Мы это и говоримъ: барышня! земля—Божія и ни отъ кого другого, окромѣ Господа, облегченья не ожидаемъ...

ЛУКЕРЬЯ.

Лимпіядѣ-то ихней хочется на мѣсто попасть въ учительницы, вотъ она все про школу-то и толкуетъ. Замужь-то не берутъ, а въ дѣвкахъ-то сидѣть зазорно... Былъ у ей женихъ-то, да, бають, въ тюрьмѣ его сгноили... А теперъ ужъ заматерѣла: не берутъ...

СТАРОСТА.

Больно у нихъ самъ-то баринъ, Николай-то Лексанычъ, крижистъ.. Павель-то Иванычъ съ Лимпіядой — какъ голуби, а только онъ, Николай Лексанычъ, онъ все ихъ мутить.

СТЕПАНЪ.

Всѣ они изъ одного дерева сдѣланы. Лѣтомъ я, какъ работалъ въ экономіи, стулья да разныя вещи изъ фригеля выгаскивалъ... Выпимши маленько былъ, ну, конечно, сѣлъ я въ кресло, Павла Иваныча оно, кресло-то, — а потомъ вызвалъ меня земскій и три дня подъ арестомъ выдержалъ...

ВОЩИКЪ I.

Вишь, какой ты: на барскомъ мѣстѣ захотѣлъ посидѣть! (Смѣются)

СТЕПАНЪ

(голосъ съ полатей).

Хвали сѣно въ стогу, а барыня въ гробу!..

(Лукерья подаетъ похлебку во щикамъ Тѣ, помолясь, усаживаются)

КЛЮЧНИКОВЪ (злобно).

Вотъ тоже и луга... Всегда намъ луга сдавали, а прошлое лѣто взялъ да Виноградову сдалъ. Мы эти луга для себя караулили, ѣздить не пускали, скотину отгоняли, а онъ — Виноградову!.. — „Давайте, говорить, впередъ всѣ деньги: мнѣ, говорить, деньги нужны“... — А гдѣ ихъ сразу-то взять?.. Мы — къ земскому: какъ-же, молъ, это? — „Никакого, говорить, вамъ дѣла нѣтъ, кому луга сданы“... — Мы — къ губернатору: какъ же это выходитъ, что наша скотина съ голодудохнуть должна?.. — „Ничего не могу сдѣлать!..“ (Разводитъ руками)

СТАРИКЪ.

Ничего не добьешься!.. У насъ вотъ земли на ревизскую душу двѣ съ половиной десятины, а душа у человѣка не ревизская, а живая. У меня вотъ въ семьѣ трое сыновей взрослыхъ, да двѣ дѣвки-внучки, (Лужка начинаетъ опять плакать) а ревизскій я одинъ!.. А ѣсть-то *живая* душа хочетъ, а не ревизская. Приѣхалъ это къ намъ земскій, мы его насчетъ земли и спросили: правда-ли, что прирѣзка будетъ?.. — „Ничего, говорить, не будетъ. Зря.“ — Я говорю: какъ-же жить-то живому человѣку?.. А онъ говоритъ: — „которыя души не имѣютъ, пусть у барыни арендуютъ.“ — А барыня у насъ за деньги

не сдаеть, а бери на отработки, а на отработки-то вдвое дороже выходить... да ежели чего не угодишь—штрахъ, да опять на отработки перекладываютъ... Такъ на ихъ всю жизнь и работай! А сломаешь ихни вилы—вся цѣна имъ четвертакъ, а штрафъ—шесть гривенъ, а отработаешь его—выйдетъ рупь, а то и больше.

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

Имъ все въ пользу!

С Т А Р П Ъ .

А придешь домой,—твою полосыньку вѣтромъ по-выдуло...

С Т Е П А П Ъ (съ полатей).

Они премудры: съ камня лыки деруть!..

С Т А Р И К Ъ .

Некуда податься... Что дѣлать, Господи?! А помирать—все будто бы не охота... Вотъ и надо что-нибудь придумать. Старшій сынъ на заработки ушелъ, а вотъ дѣвку одну, видно, въ городъ придется...

С Т Е П А Н Ъ

(свѣшивая голову съ полатей).

Ты вотъ хочешь въ городъ, а я—изъ городу... Живутъ тамъ, братецъ, люди суконные; дома у нихъ—глухіе, каменные, рѣшетками огорожены, окошки—рукой не достанешь. А въ окошкахъ двойныя рамы: ничего имъ тамъ не видать и ничего не слышать... Придешь, помаешься да съ тѣмъ и уйдешь... Да и Христа ради-то просить не приказываютъ: въ часть за это, и больше никакого разговору... (Лужка плачетъ сильнѣе) Много, старина, на небѣ звѣздъ, да высоко, много въ землѣ золота, да глубоко. Я вотъ полгода въ городѣ прожилъ.

изъ нихъ четыре мѣсяца на фабрикѣ проработалъ да два—въ тюрьмѣ, на казенной квартирѣ прогостилъ... А теперь домой иду... Попробовалъ!

СТАРИКЪ (вздыхнувъ).

Не родить земля!.. Устала!.. Грѣха на ней много.. Крови человѣческой да слезъ сиротскихъ!..

СТЕПАНЪ (съ полатей).

У кого и родить, не устала... (Жестъ на вощиковъ)
Вотъ они хлѣбъ везутъ!..

ВОЩИКЪ 1.

У Виноградова завсегда урожай. Сѣмена-ли какія заморскія, али машины - Богъ его знаетъ! Всѣ амбары хлѣбомъ забиты...

КЛЮЧНИКОВЪ

(съ угрюмымъ раздумьемъ).

Вонъ, въ народѣ сказываютъ, что въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне начали барскую землю запахивать, лѣса рубить, хлѣбъ снимать...

СТАРПКЪ.

У насъ народъ смиренный... Который выпьетъ лишнее, поспорить съ барыней, а проспится, придетъ прощенья просить...

СТЕПАНЪ.

Напьется, съ бариномъ дерется, а проспится, — свищи боится?..

(Общій смѣхъ. Отворяется дверь, входитъ солдатикъ)

СОЛДАТПКЪ.

Миръ вашей компаніи!..

ГОЛОСА.

„Спасеть Богъ!“ „Поди-ка къ намъ!“

ЛУКЕРЬЯ.

Милости просимъ!

СОЛДАТКЪ.

Дозвольте переночевать прохожему человѣку!.. Народу, какъ видно, много, да и мнѣ, чай, можно приткнуться гдѣ-нибудь... Я—не взыскательный.. (Хлопаетъ нога о ногу) Эхъ, ноги задрогли! Вертитъ, крутитъ въ полѣ непогодушка... Какъ это въ пѣснѣ поютъ: „не проѣхать, не пройти,—нельзя къ миленькой зайти“... Эхъ

СТАРОСТА.

А ты что за человѣкъ?

СОЛДАТКЪ.

Солдатикъ.

(Снимаетъ со спины котомку)

ЛУКЕРЬЯ.

Постоящій, али такъ... не служишь ужъ?

СОЛДАТКЪ.

Служу, а только въ отпуску захожусь. На поправку уволенъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Разные теперь люди по землѣ ходятъ. На прошлой недѣлѣ вотъ такъ-же зашелъ съ котомкой—книжками да картинками торгуешь. А потомъ слышимъ,—урядникъ его пымалъ... А мы вотъ эту картинку (показываетъ на стѣну) у него купили...

СОЛДАТИКЪ.

Меня ловить нечего. Я теперь самъ не дождусь, какъ опять въ Двинскъ добратся... въ полкъ свой.. 99-й Ивангородскій... (Разуваеъ лапти) Ноги словно чужія.

ЛУКЕРЬЯ (подозрительно).

Солдатъ, а въ лаптяхъ...

СОЛДАТИКЪ.

Это ничего не означаетъ. Пришелъ, какъ слѣдуетъ, въ сапогахъ. Домой пошелъ на поправку, а вышло вотъ какъ. Жалко было на родителей смотрѣть... Продавъ сапоги. Все лишнее продалъ, въ чемъ есть—остался. Вотъ она какая поправка моя вышла! (Послѣ паузы) А дозвольте спросить, откудава съ обозомъ ѣдете?..

ВОЩИКЪ 1.

Изъ Виноградовской экономіи... хлѣбъ веземъ...

СОЛДАТИКЪ.

А кому предназначается?

ВОЩИКЪ 1.

А кто его знаетъ!..

ВОЩИКЪ 2.

Въ городъ... Мы до чугулки только...

СОЛДАТИКЪ.

Нѣтъ, я полагаю, не для г.г.-ли голодающихъ жителей?..

СТЕПАНЪ (съ полатей).

Разъвай ротъ, распоясывай брюхо!.. На чугунку да въ за-границу... А въ Рассеѣ жрать нечего, ѣдятъ мякину да отруби, да и то не досыта...

ВОЩЕЕЪ 1.

Экономія спасается, вотъ и вывозить... У княгини въ Бѣломъ Ключѣ весь хлѣбъ сгорѣлъ...

СОЛДАТНЬЕЪ.

Отъ какой причины: подожгли, или по неосторожному обращенію?..

СТЕПАНЪ

(сердито, съ полатей).

А ты что, становой, что-ли?..

СОЛДАТНЬЕЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же?! Для любопытства спросилъ... (вѣщаетъ лапти у печки) Какъ въ лаптяхъ къ воинскому начальнику буду являться?.. Пропилъ сапоги, скажетъ... А я не только что пить, у меня съ утра маковой росинки во рту не было...

ВОЩЕЕЪ 1.

Можетъ, съ нами похлебашь горячаго? Садись!

СОЛДАТНЬЕЪ.

Горячаго? Что-же, если позволите, господа...

ВОЩЕЕЪ.

„Садись!“ „Осталось тутъ“... (Встаютъ, молятся)

СОЛДАТНЬЕЪ

(присаживаясь къ мискѣ).

Скучно человѣку безъ горячаго. Если у него къ этому манера есть,—тоска беретъ...

СТЕПАНЪ.

Привыкли на казенномъ хлѣбѣ!

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

Не сладко, небось, опять въ мужика-то перевертываться? Съ хлѣба-то на мякину?

Л У К Е Р Ъ Я .

Откуда ты родомъ-то?

С О Л Д А Т И К Ъ .

Далѣко! Версть 25 отсюда... Изъ Преображенскаго... А что говорите про казенный хлѣбъ, то это совершенно точно такъ. Солдатская пища хорошая, кажній день щи и каша...

С Т А Р П К Ъ .

Щи-то онѣ сытны!

С О Л Д А Т И К Ъ .

Каша съ саломъ! Это ужъ у насъ положеніе такое... И опять — ужинъ. Противъ деревенской жизни это даже безъ сравненія... Невозможно видѣть, какъ только люди живутъ!.. А у насъ кажній день щи и каша...

С Т Е П А Н Ъ (злбно).

Нажрешься щей-то, а потомъ пойдешь своего брата, голоднаго человѣка, прикладомъ потчивать?.. Чтобы у него въ брюхѣ не ворчало? Такъ, что-ли?

С О Л Д А Т И К Ъ (сконфуженно).

Меня не посылали. Одинъ только разъ на охраненіи стояли... А чтобы тамъ въ дѣйствиѣ,—этого не было. Что-же сдѣлаешь? Служба! Которому Богу служишь, тому и кланяешься...

С Т Е П А Н Ъ .

У человѣка только одинъ Богъ бываетъ...

Е. Чириковъ. Мужики.

СТАРИКЪ.

Какъ это въ писаніяхъ сказано: „Азь Господь Богъ твой, и не будутъ тебѣ бози, окромѣ меня“... Читаль, поди?

СТЕПАПЪ.

Ихъ этому не обучаютъ... Они только и знаютъ: „пятки вмѣстѣ, носки врозь!“

(Кругомъ смѣются)

СОЛДАТКЪ.

(встаетъ, вытираетъ усы).

Спасибо, господа честные! Пошелъ на поправку, а съ чего поправишься? Пошелъ въ сапогахъ, а вертаюсь въ лаптяхъ. А они, сапоги-то, казенные,—вотъ въ чемъ штука... Жену два года не видалъ. Пришелъ вотъ изъ Польши... больше тысячи верстъ... Пѣшкомъ больше сотни верстъ прошелъ, а даже одной ночки съ женой не ночевалъ!.. Другіе тамъ балуются, а я ни Боже мой!..

(Лукерья прибираетъ на столѣ)

СТАРОСТА.

Гдѣ-же она у тебя, жена-то?

СОЛДАТКЪ.

Не обнаружилъ. Родители сказывали,—въ экономію къ Виноградову ушла, въ услуженіе, а тамъ ея невидимо... Приходила, говорятъ, да не взяли, ушла куда-то... въ городъ, надо полагать... А въ какой опять городъ? Я вотъ, можетъ быть, больше сотни городовъ видѣлъ... Гдѣ найдешь?

СТЕПАПЪ.

Какъ же это не найти? Баба не иголка, въ щель не завалится...

СОЛДАТИКЪ.

Просиль обнаружить ее господина урядника... Мнѣ, говоритъ, не до бабъ вашихъ. Ежели бабъ вамъ искать, надо, говоритъ, жалованья прибавить и хорошихъ собакъ держать...

КЛЮЧНИКОВЪ.

Господская жена и та пропадаетъ, а наша... кому она нужна?

ЛУКЕРЬЯ.

А въ нашей экономіи былъ? Какъ у тебя жену-то звать?

СОЛДАТИКЪ.

Авдотей!

ЛУКЕРЬЯ.

Видно, она и есть!.. Рябая, что-ли?

СОЛДАТИКЪ (радостно).

Около носу и на лбу — дѣйствительно!.. Бладенка изъ себя...

ЛУКЕРЬЯ.

И та сказывала, что солдатка... У васъ ребенокъ померъ?

СОЛДАТИКЪ (радостно).

Вѣрно! Померъ! Дѣйствительно! Вотъ оно какъ вышло!.. А я цѣльный мѣсяцъ прожилъ... и не зналъ, гдѣ найти—отыскалъ. Надо вѣдь идти...

ЛУКЕРЬЯ.

Куда пойдешь? На улицѣ, погляди, что дѣлается! Пехорошо: придешь ночью-то... Собаки у нихъ. Сторожа... Изъ себя-то ты больно ужъ жуликоватый...

СОЛДАТНЬ.

Ахъ ты, Боже мой, какое случайное находженіе!.. До утра, видно, ужъ придется... А утромъ чуть-свѣтъ и пойду... Али идти сейчасъ?!

(Кругомъ смѣются)

СТАРОСТА.

А вдругъ—рябля, да не твоя?

(Опять хохотъ)

СОЛДАТНЬ.

Падо по этому случаю прикурить... (Раскрываетъ котомку, дѣлаетъ цыгарку) А то ищи въ городу, а въ какомъ—неизвѣстно. А сколько теперь народу въ города бѣгутъ!.. Какъ я съ чугулки шель, — ползуть, словно тараканы... Куда? Въ городъ!

СТАРИКЪ.

А оттуда, сказываетъ вонъ челоувѣкъ, гоняють. Сиди ло своимъ мѣстамъ!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Способія не дають,—работай! А работать нечего... А въ городъ работу искать пойдешь — гоняють... Что-жъ теперь дѣлать остается?.. Куда дѣться челоувѣку?

СТЕПАНЪ (съ полатей).

Мѣста много, а дѣться некуда!

СТАРИКЪ.

Когда въ Бѣломъ Ключѣ барыню спалили, пріѣхалъ земскій... У насъ на ревизскую душу двѣ съ половиной десятины, а у меня вотъ восемь душъ, живыхъ-то! Какъ же, говоримъ, ваше благородіе, жить прикажешь?—„Если, говоритъ, вамъ тѣсно, земли мало, мы, говоритъ, васъ переселимъ на привольныя мѣста... Никто, говоритъ, въ тѣхъ мѣстахъ отъ сотворенія міра не жилъ, земля,

говорить, тамъ жирная“... А я его и спрашиваю: нельзя-ли, ваше благородіе, на эту жирную землю нашу барыню посадить? Она — одна, одинокая женщина, ей безъ хлопотъ, а намъ очень ужъ трудно подняться, силъ не хватитъ. Какъ онъ разсердился!..— „За такія, говоритъ, слова можно въ тюрьмѣ сгноить“... Господи, Боже мой! Сотворилъ Господь землю и небо, и всякую тварь а крестьянину нигдѣ... мѣста нѣтъ...

СТЕПАНЪ

(свѣсивъ голову съ полатой).

Кому и просторно!..

СОЛДАТНЪ

(поднимая голову къ полатамъ).

А дозвольте спросить, господинъ, откуда вы будете?

СТЕПАНЪ.

Изъ того мѣста, гдѣ земля съ небомъ сходится...

СОЛДАТНЪ.

Шутите все!.. Я гляжу и ровно признаю васъ. Вы не изъ Сухого-ли Дола? Васъ было три брата, одного въ Сибирь угнали?

СТЕПАНЪ (глухо).

Все можетъ быть. (Скрывается на полатахъ)

КЛЮЧНИКОВЪ (тихо).

Онъ самый... (Общая пауза)

ЛУКЕРЬЯ (тихо).

За что его въ Сибирь-то?

КЛЮЧНИКОВЪ.

Дохторовъ въ холеру били...

СТАРИКЪ.

За мiръ, значить, пострадалъ...

СОЛДАТИКЪ.

За глупость свою...

СТАРИКЪ.

Морятъ народъ хрещеный...

ДУБЕРЬЯ (тайственно).

Случалось, морили... Миѣ одинъ человекъ сказывалъ, будто своими глазами видѣлъ, какъ фельдшеръ заразу въ воду наливалъ изъ пузыречка... Махонькій пузыречекъ въ кармашкѣ на груди держить...

СОЛДАТИКЪ

(съ пренебреженіемъ).

Что-нибудь видалъ, да понятія настоящаго не имѣеть... Для санитарности что-нибудь, а вы—отрава! Кислота какая-нибудь... (Идетъ на печь) Вотъ теперь и на печкѣ полежать можно... (Скрывается на печкѣ)

КЛЮЧНИКОВЪ

(съ тяжелымъ сомнѣніемъ).

А кто ихъ, докторовъ, посылаетъ? Понаѣдутъ со всѣхъ сторонъ... И какъ пріѣхали тогда,—хуже народъ помирать началъ...

СТЕПАНЪ (съ полатей).

Темнота! Какая имъ нужда народъ морить?..

СТАРИКЪ.

Вотъ что, служивый: когда въ позапрошломъ году у насъ двѣ коровы сдохли, пріѣхалъ это къ намъ скотскій докторъ и давай живыхъ коровъ приканчивать... Понялъ теперь?

СОЛДАТКЪ
(съ печки, задорно).

Что этимъ вы желаете доказать?

СТАРИКЪ (наставительно).

А вотъ, значить, и тогда было такъ: двое у насъ, дѣйствительно, сами померли, нечего говорить: померли, такъ померли... а остальныхъ они прикончили... Чтобы зараза до города не дошла... Идетъ народъ въ города съ голоду, а господа боятся, что они съ собою заразу принесутъ... И слыхаль я, что въ нонѣшнемъ году опять холеру стануть пускать,—приготовленья разныя дѣлають... На войнѣ много народу прикончили, а все-таки еще тѣсно, вотъ они и придумали... Множатся люди, а земли не прибавляется... А вотъ сказываютъ еще, что убавляться она, матушка, стала: будто море-окіянь изъ береговъ выходитъ и все больше земли заливаеть...

СОЛДАТКЪ (поучастъ).

Окіянь имѣеть свой приливъ и свой отливъ... это у него кажній мѣсяць—законъ такой отъ природы, а не то, чтобы безпорядокъ какой...

ВЛЮЧНИКОВЪ
(смотря въ землю).

А что, служивый, правда, что въ городѣхъ пановъ бьютъ?

СОЛДАТКЪ
(спуская босыя ноги съ печки).

Это которые вродѣ жидовъ прокламаціи распускають, народъ мутять, а хорошаго господина — зачѣмъ-же?.. Это—враговъ, которые внутренніе...

СТЕПАНЪ (сердито).

Поѣлъ шей и спи, „пятки вмѣстѣ, носки врозь!“
Разговорчивый сталъ...

СТАРИКЪ.

Начальство теперь очень беспокоится: все ѣздить, ѣздить... У насъ, какъ барыню спалили, всѣ перебывали... и становой, и исправникъ, и земскій... Непокойно стало на землѣ... Въ писаніяхъ сказано: „на землѣ миръ и въ человѣцахъ—благоволеніе“, а теперь смута по землѣ пошла...

СОЛДАТИКЪ.

Отъ жидовъ все... Враги, которые внутренніе...

ВОЩИКЪ 1.

У насъ народъ волнуется, а никакихъ жидовъ нѣтъ. Вотъ тоже говорятъ, что студенты забастовку дѣлаютъ, а тоже... у насъ и званія нѣтъ и—каке-таке студенты эти—не знаемъ...

КЛЮЧНИКОВЪ (утрюмо).

Жить стало невозможно народу... Податься некуда... (Пауза) А что, солдатъ, будто въ газетахъ было написано, что манифестъ вышелъ насчетъ земли?

СОЛДАТИКЪ (съ увѣренностью).

Ожидается, дѣйствительно, но только не сказано, чтобы скоро...

ВОЩИКЪ 2.

Какъ на станцію мы пріѣзжали, тамъ въ трахтерѣ бумагу читали... Въ ней сказано, что они неправильно землей владѣютъ... Пусть они съ нами попашутъ, а ежели не охота бѣлы руки марать, то, значить, нечего и за землю держаться...

(Ключниковъ одобрительно мотаетъ головой)

СТАРИКЪ.

Правильно! Нѣшто Господь Богъ землю сотворилъ?..

Для нихъ однихъ, что-ли? Чтобы они ее, матушку, въ аренду намъ сдавали? Въ писаніяхъ сказано: „плодитесь и наполняйте землю, и пусть она вамъ произроститъ всякую злаку“... а мы безъ хлѣба!.. Сказываютъ, что въ Петенбурхѣ теперь размежевка идетъ: сколько душъ и сколько всей земли... Нашего старшину въ городъ вызывали и спрашивали, отъ какихъ причинъ притѣсненіе народу... Только что старшина на ихъ сторону перекинулся... Земскій его поставилъ, онъ его руку и держитъ...

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

Барской курицѣ племянникъ!..

(Во щ и к ъ 2 уходитъ поить лошадей, потомъ возвращается, тихо о чемъ-то говорить съ другимъ во щ и к о м ъ и оба они укладываются спать на лавкахъ)

С Т А Р И К Ъ .

А тоже вотъ у насъ болтаютъ, будто по землѣ наслѣдникъ ходить, будто хочеть онъ отъ-самого народа всю правду узнать, а не отъ чиновниковъ... Секретно ходить... Ходитъ и будто горючими слезами заливається, на нужду нашу, хрестьянскую, гляючи. И будто скоро праведный законъ въ силу войдетъ, и кончится наше страданье... (Очень таинственно) Вотъ они и ѣздятъ-безпокоятся... Сказываютъ, всѣхъ, кто съ нимъ разговаривалъ, всѣхъ въ тюрьму заточаютъ...

К Л Ю Ч Н И К О В Ъ .

Правду не спрячешь...

Д Ъ В Ъ А (гнусаво).

У насъ одна дѣвчонка видѣла его, наслѣдника-го!.. Сверху онъ въ нашей хрестьянской одѣжѣ, а подъ

ей свѣтлы пуговицы... Вплоть видѣла!.. Какъ она въ лѣсу грибы искала, онъ къ ей подошелъ и—ласковый такой... „что,—говорить,—дѣвонька, устала?.. Сколько,—говорить,—у васъ земли на душу приходится?“

СТАРИКЪ (печально).

Не пойдетъ, чай, онъ по лѣсу?

СОЛДАТИКЪ (задорно).

Позвольте вамъ сказать: это даже очень сомнительно! Наслѣдникъ у насъ двухъ годовъ отъ рожденія, какъ же онъ можетъ ходить одинъ, безъ присмотра, по лѣсамъ? Это даже, можно сказать, глупость одна...

КЛЮЧНИКОВЪ (раздумчиво).

Ужъ если что—брательникъ царскій, а не наслѣдникъ...

СОЛДАТИКЪ.

Есть имъ время ходить... Развѣ они могутъ подобное... Что-нибудь видѣли, да понятія настоящаго нѣтъ... Надо было къ уряднику этого человѣка. Можетъ быть, и награду бы получили... У насъ одинъ солдатикъ этакого поймалъ,—пять цѣлковыхъ выдали, и въ приказѣ благодарность была...

КЛЮЧНИКОВЪ (встаетъ).

Разное говорятъ, не знаешь, кому и вѣрить... Одинъ человѣкъ спросилъ становаго, насчетъ земли-то, такъ не зналъ, какъ развязаться... Таскали его, таскали, подъ арестомъ держали, по мордѣ били... Добивались все, кто сказалъ, а онъ и самъ не знаетъ... (Помолчавъ) Что-нибудь должно-же быть, не иначе...

(Стоитъ и тупо смотритъ въ землю.
Стукъ въ окошко. Всѣ встрепены-

лись — испугались... Лукерья подходит къ окну, смотритъ. Ключниковъ уходитъ за перегородку. Вошкин лѣзутъ на полати)

ЛУКЕРЬЯ.

Человѣкъ какой-то... вродѣ какъ баринъ... Что за оказія?... Поди-ка, Миколай!

(Староста выходитъ въ сѣни)

СТАРИКЪ

(словно испугавшись).

Спать надо... Лягъ, Лушанька!.. А я—на полати... Не начальство-ли какое прибыло... (Лѣзетъ на полати) Сколько этого начальства разнаго развелось... и все бѣдять, все беспокоятся...

(Скрывается на полатяхъ. Дверь отворяется)

СТАРОСТА.

Не оступись, баринъ!.. (Входитъ, за нимъ Павелъ Ивановичъ въ коротенькомъ полушубкѣ, въ валенкахъ и въ башлыкѣ пикой) А мы думали,—кто-нибудь заблудящій... Лукерья! Самоварчикъ поставь: баринъ это нашъ, Павелъ Ивановичъ!..

ЛУКЕРЬЯ (выходить).

Что это ты, баринъ, въ такую непогодь?.. Али что случилось?

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ

(отряхиваясь отъ снѣга).

Достаньте мнѣ лошадь до почтовой станціи... Напьюсь чаю и поѣду...

ЛУКЕРЬЯ.

Самоварчикъ можно... У меня и угли горячіе есть...
А что на своихъ-то лошадахъ?..

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ

(сбрасываетъ башлыкъ, шапку, разстегивается).

У меня своихъ нѣтъ...

ЛУКЕРЬЯ.

Пѣшкомъ пришелъ?.. Что ты это?!

(Уходитъ и бряцнть самоваромъ)

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Пѣшкомъ... (Пожимается отъ холода) Въ сугробъ попалъ..

(Садится на лавку, снимаетъ вале-
нокъ и вытрясаетъ снѣгъ)

СТАРОСТА.

Али что у васъ неблагополучно, Павелъ Иванычъ?..

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ (взволнованъ).

Ничего особеннаго... Неприятности разныя...

СТАРОСТА (вздохнувъ).

Крутой онъ человекъ, Николай-то Александрычъ.
Сколь мы его упрасивали луга за нами оставить, —
не уважилъ... Грѣхъ ему будетъ...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Какъ же насчетъ лошади?... Можно у кого-нибудь
достать? (Ходить)

СТАРОСТА.

Ужъ не знаю какъ... Погода-то какая... У кого у
насъ лошади-то?.. (За перегородку) Можетъ, Иванъ, све-
зешь барина-то?..

К Л Ю Ч И К О В Ъ

(недружелюбный голосъ изъ-за перегородки).

Не поѣду...

ЛУКЕРЬЯ (размышляя).

Можетъ, Игнатъ поѣдетъ?.. Добѣжалъ-бы, Миколай спросиль...

СТАРОСТА (почесываясь).

Что-же, можно спросить... Почему не спросить?.. Гдѣ у меня тулупъ-то? (Ищетъ тулупъ) У Игната саней-то хорошихъ нѣтъ, наши—крестьянскія... Вотъ если бы Афанасій далъ саночки-то. Сани есть — лошади нѣтъ, лошадь есть—саней настоящихъ нѣтъ...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ (нетерпѣливо).

Какія есть!.. Мнѣ все равно...

СТАРОСТА (уходя).

А много-ли давать-то?

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Что?

СТАРОСТА.

Какую цѣну-то давать?..

ЛУКЕРЬЯ.

Чай, ужъ не обидятъ...

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, сколько надо?.. Рубль, полтора...

(Староста уходитъ)

СТЕПАНЪ

(слѣзая съ полатей).

Здравствуй, Павелъ Ивановичъ!

(Павелъ Ивановичъ нервно
вздрагиваетъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Здравствуйте! (Всматриваясь) Знакомое лицо, а не припомню...

СТЕПАПЪ.

Разя пасъ вспомнишь?.. Мы всѣ на одно лицо... Работалъ я у васъ въ экономіи... На твоёмъ креслѣ три минуты посидѣлъ, а за это трое сутокъ подъ арестомъ пробылъ, за мягкое-то сидѣнье... Я-то очень хорошо это помню, а вамъ—гдѣ-же?!

ПАВЕЛЪ ПИАНОВИЧЪ

(обезкураженъ и обиженъ).

Когда?.. Какъ это?.. Ахъ... да... (Виновато ухмыляется) Помню, но вѣдь я-то... Вы, кажется, думаете, что я васъ посадилъ?! (Махнувъ рукой, начинаетъ ходить) Пора бы всѣмъ вамъ понять, что я никогда не былъ вашимъ врагомъ... что я желаю вамъ только добра. (Пожимаетъ плечами) Чудаки!.. да...

СТЕПАПЪ.

Ужъ кто тамъ это устроилъ,—не знаю, а только трое сутокъ я отсидѣлъ.

(Проходить за перегородку, возвращается и лѣзетъ опять на полатн)

ЛУКЕРЬЯ.

А Лимпіада-то Ивановна тамъ осталась?..

ПАВЕЛЪ ПИАНОВИЧЪ.

Тамъ!.. (Напряженно курить)

ЛУКЕРЬЯ.

Какъ-же это ты тамъ ее оставилъ: заѣдятъ они се безъ тебя...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(съ большой улыбкой).

Ее? Нѣтъ, не заѣдятъ... (Послѣ паузы) Кто у васъ теперь старшиной?

ЛУКЕРЬЯ.

Все тотъ-же, Симеонъ Васильичъ... Разя кого другого поставятъ? А что тебѣ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хотѣлъ бы я съ обществомъ еще потолковать насчетъ земли, прежде чѣмъ уѣхать...

ЛУКЕРЬЯ.

Ужъ когда теперь толковать?.. Спать у насъ все... Наше какое житье: какъ темно, такъ и спать, а какъ свѣтаетъ—поднимаются... Не выходить у васъ все дѣло-то съ нашими мужиками... Народъ темный, не вобьешь ему въ башку-то... Спасибо Лимпидѣ, все-таки которыхъ ребятешекъ выучить, выростутъ — мужиками стануть, посвѣтлѣе въ головѣ-то будетъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (разсѣянно).

Въ томъ-то вотъ и дѣло...

СТАРИКЪ (съ печки).

Тѣмно, баринъ; никакого понятія не имѣемъ... Васъ Господь ничѣмъ не обидѣлъ, а вотъ мы... вродѣ какъ слѣпые... Земскій все говоритъ: „дураки вы“... Оно и вѣрно. Гдѣ его, ума-то, на всѣхъ набраться?... Кому-нибудь надо дуракомъ быть... На то онъ и дуракъ, чтобы умнаго замѣтно было... Много ли намъ ума надо, чтобы землю-то ковырять? Вамъ вотъ—дѣйствительно... У васъ въ головѣ-то, Господи Боже мой!.. Чего, чай, тамъ нѣтъ?.. Всякой премудрости тамъ достаточно...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, да... Пожалуй, и отбавить бы слѣдовало...

СТАРИКЪ (смѣется).

Бываетъ.. Другой человѣкъ гордится очень передъ людьми и передъ Богомъ... умомъ своимъ... А вѣдь онъ, умъ-отъ, отъ Бога-же... Вонъ у насъ земскій говоритъ: „я вамъ царь и Богъ“!.. Что ужъ это!.. Господи!.. И умный, будто, человѣкъ, образованный, на музыкѣ играетъ а вотъ поди...

(Входитъ староста)

СТАРОСТА.

Вотъ вѣдь народъ какой!.. Три цѣлковыхъ просить... и то кочевряжится...

ЛУКЕРЬЯ.

Гдѣ у него совѣсть-то!.. За семь гривенъ ѣздить...

СТАРОСТА.

Какъ хотите, — говорить:—могу и совѣмъ не поѣхать... Къ чорту я его, Павелъ Иванычъ, послалъ... Насъ, говорю, Павелъ Иванычъ съ Лимпіядой уважаютъ, а ты прижать хочешь...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(обидно ухмыляясь).

Эхъ вы!.. (Пауза) Ну и ладно!.. (Смотрить въ окно) Вѣрно, такъ будемъ... Ваше счастье,—меня прижмете, мое, — я васъ прижму... Этакъ, вѣрно, будемъ? Чудаки вы... да!

СТАРОСТА.

Зачѣмъ-же, Павелъ Иванычъ?.. Насъ тебѣ не трудно обидѣть, а мы-то что тебѣ можемъ сдѣлать?..

ЛУКЕРЬЯ.

Мы тебѣ, Павелъ Ивановичъ, и Лимпидѣ, много благодарны за вашу ласку... Миколай Лѣксанычъ насъ дѣйствительно прижалъ лугами-то, но только опять не ты это... Вы съ сестрой ласковые... Ты не причинень... (Подаетъ самоваръ) Чай-то у насъ плохой, кирпичный чай-то!.. Пить не будешь...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Я пилъ кирпичный лѣтъ пять, какъ въ Сибири жилъ... (Послѣ паузы) Хочу я, Николай, съ вапимъ обществомъ окончателно переговорить...

СТАРОСТА.

Что-же, въ добрый часъ!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Надо остаться до завтра... Завтра пусть которые потолковѣе сюда придуть... Я уѣду, а оставлять довѣренность на землю Николаю Александровичу не хочется... У него прикацикъ мнѣ не нравится... Пожалуй, съ вами неприятности пойдуть...

СТАРОСТА.

У-у, неправильный человекъ!..

ЛУКЕРЬЯ.

Вотъ ужъ аспидъ, такъ аспидъ! Грѣхъ будетъ Миколаю Лѣксанычу, что онъ держитъ его...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, это не мое дѣло, кого онъ тамъ держитъ... Наимать отдѣльнаго управляющаго мы не можемъ... Однимъ словомъ... или берите у насъ землю въ аренду на самыхъ выгодныхъ для васъ условіяхъ,— берите по четыре цѣлковыхъ! Не возьмете—нашлевать: не заслу-

жилъ вашего довѣрія—и ладно; больше упрашивать не буду... Не понимаете своихъ интересовъ, какъ хотите... Потомъ вспомните!.. будете каяться...

ЛУКЕРЬЯ.

Ты только ужъ баней-то насъ да училищемъ не обижай!

СТАРОСТА.

Чай, сдѣлаемся какъ-нибудь!..

ЛУКЕРЬЯ.

Что ужъ намъ, баринъ, бѣло умываться, коли не съ кѣмъ цѣловаться!.. (Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (съ сердцемъ).

Чортъ съ ней, съ баней... Этой баней мнѣ виски простучали! Не я эту баню предложилъ.. Олимпиада Ивановна хотѣла... Впрочемъ, теперь нечего толковать.. Ни про школу, ни про баню!.. Или покупайте, или берите на выгодныхъ условіяхъ... (Послѣ паузы) Подарить сей-часъ не можемъ... Тамъ послѣ, когда измѣнятся наши обстоятельства,—другое дѣло...

(Шумъ подъѣхавшихъ санокъ, ржанье лошади, затѣмъ шумъ въ сѣняхъ и женскіе голоса)

ЛУКЕРЬЯ (испуганно).

Что такое? Господи, помилуй!..

(Староста идетъ къ двери, дверь отворяется, и вбѣгаютъ двѣ фигуры, занесенныя снѣгомъ. Наташа въ отцовскомъ ергаки и шапкѣ и Олимпиада Ивановна въ коротенькой шубкѣ, съ головой, обмотанной громадной шалью)

НАТАША

(распахивая взящійся по полу ергакъ).

Павель! Это—глупости!.. Папа велѣлъ... и мы поѣхали тебя догонять... Сейчас же домой!.. Папа сказалъ, что онъ не сердится... и дѣдушка... Онъ вспыльчивый, но добрый... Уфъ! (Садится на лавку) Стоять не могу... тяжело и жарко. (Поводить носомъ) Махоркой воняетъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Вотъ ужъ, барышня, напугали!.. Сперва, какъ вошли, я думала—какой-нибудь баринъ, а какъ вы бабьимъ голосомъ заговорили, такъ у меня индо сердце зашло.

(Наташа звонко хохочетъ, съ печки и полатей съ удивленіемъ и любопытствомъ выглядываютъ старикъ, солдатикъ, Степанъ)

ЛИПА

(нервнымъ голосомъ).

Я тебя, Павель, тоже прошу вернуться... мы живемъ вовсе не изъ милости...

НАТАША

(подошла къ Павлу).

У-у! Какія глупости!.. Мамочка плачетъ, вы се и такъ обидѣли... и всё другъ друга обижали... И теперь всё хохочутъ... Ухъ! Ну, Павель, будетъ! Погорячились остыли и... надо ѣхать... Сейчас будетъ ужинъ... вафли со сливками!.. (Разматриваетъ лубочныя картины на стѣнѣ)

ЛИПА

(тихо, нервно).

Мы можемъ пріѣхать прямо во флигель и тамъ подумаемъ. (Подсаживается къ брату и совѣмъ тихо говорить ему) Ты уѣдешь, а я... У меня все здѣсь, въ деревнѣ.

Никому я не нужна, а здѣсь... все-таки... (Вынимаетъ платокъ и прикладываетъ къ глазамъ) Ты знаешь: у меня ничего не осталось въ жизни... (Стихаетъ. Общее молчаніе)

ЛУКЕРЬЯ

(подойдя къ Наташѣ).

Папапина, что-ли, шуба-то?.. Гляди, съ обѣхъ сторонъ мѣхъ-отъ!.. (Щупаетъ) Мягкая, ровно пухъ... Чай, сколько она стоитъ?!

НАТАША.

Не знаю, сколько стоитъ... Вотъ поддержи-ка, я изъ нея вылѣзу...

(Сбрасываетъ на руки Лукерьян ергакъ, тотъ падаетъ на полъ)

ЛУКЕРЬЯ

(поднимая и кладя на лавку).

Ужъ склизкій какой,—такъ и вылазитъ изъ руки-то...
(Гладить ергакъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(молчить, крутить усы, курить, потомъ хмуро).

Чаю желаете?.. Кирпичнаго?..

ЛУКЕРЬЯ (суетливо).

Ахъ вы, гости дорогія!.. Чѣмъ мнѣ васъ попотчевать-то?... И чашечка-то у меня одна.

(Бѣжитъ за перегородку и выноситъ одинъ стаканъ и одну чашку)

НАТАША

(очень восторженно).

!Давай, Липа, пить кирпичный чай!.. Ну! раздѣвайся!
(Рашпортываетъ съ ея головы шаль) Я никогда не пила кирпичнаго чая!

ЛУКЕРЬЯ.

А вотъ откушайте-ка! Попробуйте! Понравится-ли?

НАТАША

(морщитъ носъ).

А вотъ махорочкой только надушили... (кашляетъ) въ ротъ лѣзеть!

СТАРОСТА (на печку).

Солдатъ! Ты, что-ли, тамъ безперечь дымишь? Брось покуда!

СОЛДАТИКЪ (на печкѣ).

Я ужъ бросилъ... Которые не выносятъ.

СТАРИКЪ.

Махорка съ непривычки-то горло выворачиваетъ. Господа не могутъ ее... У нихъ табачокъ кроткій и духъ отъ него ласковый...

НАТАША (шалить).

Да, духъ здѣсь... (морщитъ носъ и хохочетъ) не особенно! Не ласковый!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (съ упрекомъ).

Наташа!.. Ты къ нимъ пришла, а не они къ тебѣ... Не надо это забывать!

НАТАША.

Слушаюсь! Ну, наливай намъ кирпичнаго чаю! Ухъ, какъ у меня щеки горять... (Прикладываетъ ладони рукъ къ щекамъ) Я—кра-а-сная? (Встаетъ, видитъ кусокъ зеркала и смотрится) У-у... какая я рожка! (Хохочетъ) Поди-ка, Липа, полюбуяся!

(Липа улыбнулась и смолкла, она что-то шепчетъ Павлу Ивановичу)

ЛУКЕРЬЯ.

Мухи лѣтомъ его изгадили, а помыть-то все руки не доходятъ... (Къ Наташѣ) Ужъ какія вы, барышня, хорошенькія!.. Чай, все только на себя и глядите дома-то!

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ (къ сестрѣ).

Я думаю, что надо, наконецъ, говорить открыто правду, которую много лѣтъ носишь гдѣ-то, на двѣ души... на привязи всякихъ условностей и родственныхъ отношеній...

(Подходить Наташа.)

НАТАША.

Павель, Павель! Постыдитесь! Что-же сквернаго сделали вы, папа?

ЛИПА.

Потомъ... послѣ... не здѣсь.

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Не понимаете, Наташа?

НАТАША.

Не понимаю... Объясни!..

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Я не могу допустить, чтобы въ моемъ присутствіи оскорбляли моихъ товарищей. Надоѣло молчать... Все можно опоганить, все... Пусть знаютъ, что не все прощается... Говорятъ красивыя слова, а сами хлещутъ мужика по мордѣ, пишутъ разныя резолюціи...

ЛИПА.

Оставь, Павель! Надо вернуться: могутъ подумать, что ты испугался... (Наташа, опустивъ голову на руки собирается плакать. Павель встаетъ, ходитъ и куритъ) Успокойся и поѣдемъ, а завтра подумаемъ и рѣшимъ, какъ

БЫТЬ и что дѣлать... (Подходить къ Наташѣ) Будеть, Наташа! Что случилось, того не воротишь...

НАТАША
(сквозь слезы).

Я... всѣхъ люблю — и васъ, и папу, и дѣдушку — и всѣхъ мнѣ жалко... (Съ досадой) Ахъ, зачѣмъ это люди такіе злые, такъ мало любятъ другъ друга!..
(Входитъ ямщикъ)

КУЧЕРЪ (входитъ).

Стихать стало... Можно-бы ѣхать... Мнѣ еще полковника надо отвезти, барышня...

НАТАША.

Убирайся съ твоимъ полковникомъ!..

КУЧЕРЪ.

Какъ угодно... Я только сказать... Не наша лошадь господская... (Уходитъ обратно)

СТАРОСТА.

Подъ повѣть-бы ее надо поставить: продрогнетъ...

(Уходитъ)

СТАРИКЪ.

Господская лошадь нѣжная... Простудится—кашлять будетъ... (Наташа начинаетъ смѣяться) Вѣрно, барышня!— У насъ въ Бѣломъ Ключѣ у барыни лошадь была, вотъ такъ же простудилась, и дохторъ лошадиный ѣздилъ. А какъ лошадь померла, — барыня плакала... Одинокая она у насъ женщина... а душа господская, жалостливая.. какъ что—такъ плачетъ!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вы, говорятъ, эту барыню спалили?

СТАРИКЪ.

Кто спалилъ? Огонь спалилъ. Богъ послалъ, Богъ и отобралъ! (Послѣ паузы, къ Наташѣ) Ты — барышня добрая... Натальей тебя звать-то?

НАТАША.

Натальей. Ну?

СТАРИКЪ.

А у меня вотъ тутъ тоже дѣвка есть... внучка... Лушкой зовутъ. Что-то все забнетъ она... Налила-бы ты ей чайку чашечку! (Дѣвка возится въ углу) Ну, чего ты? Не съѣдятъ тебя...

НАТАША.

На мою чашку! (Старикъ подходитъ) Сахаръ туда положень, въ чашку! (Къ Липѣ, тихо) Не могу пить: неприятно пахнетъ...

СТАРИКЪ

(подавая чай дѣвкѣ).

Спасибо скажи, барышнѣ! Въ накладку тебѣ еще досталось! По-господски! Вотъ ты какая у меня счастливая! Право!

(Дѣвка пьетъ чай въ углу, на нарахъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хорошо, я поѣду. Надо все обдумать и рѣшить окончательно. Передамъ, Липа, тебѣ свою часть въ полное владѣніе и дѣлай, какъ хочешь... Я хочу быть свободнымъ... Не могу больше... Какъ хотите!..

ЛИПА (сдержанно).

Тамъ увидимъ... Послѣ поговоримъ... Не здѣсь. Поѣдемте. (Встаетъ)

НАТАША.

Прекрасно! Милый, хороший Павелъ! Какъ я васъ люблю, если бы вы только чувствовали... Но ты не чувствуешь? Да? (Начинаетъ собираться; надѣваетъ шапку)

СТАРИКЪ.

На попа вы, барышня, въ этой шапкѣ ходите!
(Кругомъ смѣхъ)

НАТАША.

На отца діакона!.. Ну, Павелъ, живо!.. Поѣдемъ—и все обойдется. Побранились и будетъ... Помогите-ка ергакъ напялить!

(Лукерья помогаетъ надѣть ергакъ)

ЛУКЕРЬЯ.

Что же это вы мало погостили? И чайку не попили. Не нравится вамъ у насъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Николай! Скажите пожалуйста нашему кучеру, что мы сейчасъ выходимъ.

(Староста идетъ изъ избы)

ЛУКЕРЬЯ

(любуясь Наташей).

Ахъ, хорошенькая! Краля моя писаная!

(Павелъ у стола звенитъ мелочью.
Солдатикъ слѣзаетъ съ пѣчки)

СОЛДАТИКЪ.

Дозвольте васъ, барышня, спросить: жену вотъ я нщу...

НАТАША (съ хохотомъ).

Что же, думаешь меня посватать?

СОЛДАТИКЪ.

Зачѣмъ-же? Я понимаю. Женатый я.

ЛУКЕРЬЯ.

Потерялъ законную жену!..

СОЛДАТИКЪ.

Сказываютъ,—у васъ въ кухаркахъ баба есть... Авдотьей звать?

НАТАША.

Авдотьюшка?.. Да, служить. А ты ей мужъ?

СОЛДАТИКЪ

(радостно улыбаясь).

Законный-съ! Сомнѣваюсь только: моя это Авдотья или кому другому принадлежить?! Удостовериться надо-бы...

НАТАША.

Я ей недавно письмо къ мужу писала куда-то... въ Двинскъ, кажется.

СОЛДАТИКЪ (съ восторгомъ):

Она самая! Авдотья!

СТАРИКЪ.

Вы, барышня, на козлы-бы его прихватили. А то онъ намъ всю ночь спать не дастъ!

ЛУКЕРЬЯ.

А то какъ-же. Это ужъ у всѣхъ одинаково: и у господъ, и у насъ... Все ужъ къ законной-то сердце рвется.

НАТАША (громко).

Господа! Возьмемъ этого законнаго?! На козлы, вмѣсто камердинера!

ЛЮБА (глухо).

Возьмемъ... (Отвернулась и прячетъ слезы)

СОЛДАТНІКЪ (радно).
 Я сею минуто!

(Хватаетъ лапти, лѣзетъ на пенку)

ПАТАША.

Вотъ паша Авдотьюшка замреть отъ счастья!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ
 (къ вошедшему Николаю).

Такъ вотъ, Николай, пусть завтра еще ваши побы-
 ваюгъ... Пусть — прямо ко мнѣ, во флигель... Оконча-
 тельно столкнемся, или ужъ... какъ хотите... Поѣдемъ!

СТАРИКЪ.

Путь-дорога!.. Лушка, а ты встань да поклонись...

ЛУКЕРЬЯ.

Благодаримъ васъ на ласковомъ словѣ!.. Когда при-
 дется, милости просимъ!..

СТАРОСТА.

Столкуемся... Мужикамъ-то вѣдь тоже нельзя безъ
 земли... Сойдетесь...

(Лукерья и Николай провожа-
 ютъ гостей — уходятъ. Старикъ
 подходитъ къ окну. Колокольчики)

СТАРИКЪ.

Поѣхали!.. Солдатъ на козлахъ... Занятные они, пра-
 во!.. Ссора вышла промежду себя...

ЛУКЕРЬЯ (вбѣгаетъ).

Нечего дѣлать-то... Ахъ ты, Господи!.. (у стола) И
 пить не пили, и хлопотъ надѣлали... Что-то у нихъ все
 нелады идутъ съ землей-то...

СТАРИКЪ.

Что у нихъ на умѣ—Господь знаетъ... Не надо, говорить, мнѣ земли, ослобошите, говорить... А держатся... Поди вотъ!..

(Входитъ Николай)

СТАРОСТА (съ радостью).

Смякли... Они подадутся... Развѣ можно?..

(Съ полатей свѣшиваются головы
вощиковъ, Степана)

ВОЩИКЪ 1.

Самъ въ руки дается...

ВОЩИКЪ 2.

Отдасть .. Не надо бумагу подписывать...

СТАРОСТА.

А что, господа, давайте чайку попьемъ!.. Все одно, надо его выпить... (Веселый смѣхъ) Для господь готовлень, намъ вышло... Слѣзайте-ка! Солдаты-го, солдаты-то!.. (Хохочетъ) Какъ онъ живо прилачился!.. Теперь скоро у своей Авдотьи будетъ... Сколько онъ муки принялъ прежде, чѣмъ съ женой-го ночевать!..

(Вощики слѣзаютъ съ полатей)

ЛУКЕРЬЯ.

А Иванъ все около шестка держится... (Зоветь) Иванъ! Иди чайку попить—будетъ прятаться-то!.. Уѣхали они!.. (На полати) Степанъ! Али спитъ онъ...

КЛЮЧНИКОВЪ

(выходитъ, останавливается около притолки).

Что-то я смотрѣть на нихъ не могу... То есть вотъ такъ бы .. Ахъ!.. Слушать я ихъ разговору не могу—вотъ какъ!..

ДѢВКА (гнусаво).

Я бы чашечку одну еще выпила... (Несет свою чашку къ столу) Ужъ какъ сладко они пьютъ!.. (Облизываетъ губы)

СТЕПАНЪ (съ полатей).

Отъ нихъ сладко!

ЛУКЕРЬЯ (на полаты).

Не слышь?.. Слѣзай,—попьешь чаю-то господскаго!

СТЕПАНЪ.

Была охота да прошла... (За перегоролкой начинаетъ плакать ребенокъ) Вонъ и младенецъ, видно, господскаго чаю захотѣли...

(Лу кер ья бѣжить къ ребенку)

СТАРИКЪ

(подходить къ столу, таинственно-пророчески).

Все скоро обнаружится, все объявится... Не можетъ Господь больше грѣха этого терпѣть... Попомните мое слово: не долго ждать остается!

Е. Чириковъ. Мужики.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Столовая въ старомъ барскомъ домѣ; съ лѣвой стороны— передняя, ведущая на черное крыльцо; здѣсь звонокъ въ кухню, широкое окно во дворъ; съ правой стороны—дверь въ кабинетъ и винтовая лѣстница на мезонинъ; старинная громоздкая мебель: круглый столъ, глубокий диванъ, часы въ формѣ часовни, каминъ. Въ углу на столикѣ—граммофонъ. Въ задней стѣнѣ дверь въ маленькую библиотечную комнатку и арка въ залъ. Темный вечеръ глубокой осени. Въ залѣ темно. У потрескивающего камина сидитъ, кутаясь въ мягкую шаль, Серафима Сергѣевна. За столомъ Наташа и Липа говорятъ о чемъ-то таинственно. Часы медленно выбиваютъ секунды. За стѣнами—вѣтеръ; гдѣ-то скрипитъ и стучаетъ болтомъ ставень, скрипитъ флюгеръ на крышѣ. Полковникъ молча, сосредоточенно ходитъ по комнатамъ.

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Что это тамъ скрипитъ и стучаесть?.. Неприятно!

НАТАША (успокаивая).

Это же, мамочка, болтъ у ставни...

(Шепчется съ Липой)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Точно все кто-то стучится. (Пауза)

ПОЛКОВНИКЪ

(маршируя изъ залы).

Вотъ ты, Лина, миѣ брошюру дала Ю. Либиха...
Юлія Либиха, должно быть? Тамъ есть прекрасная
мысль: (останавливается у стола и произноситъ—словно читая)
„уничтоженіе производительности полей расхищающимъ
хозяйствомъ положило конецъ и римскому, и испан-
скому государствамъ“. (Идетъ въ залъ)

НАТАША (тихо).

Я ужасно боюсь мертвецовъ... а ты?

(Липа дѣлаеъ знакъ въ сторону
Серафимы Сергѣевны, На-
таша прикусываетъ губу)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Холодно у насъ: зябнуть и руки, и ноги...

ПОЛКОВНИКЪ

(маршируя изъ залы).

Тоже самое будетъ и у насъ. Вотъ поэтому-то я и говорю, что дворянскія имѣнія никоимъ образомъ не должны продаваться банкомъ съ торговъ. Иначе выйдеть экспроприация, которой такъ добиваются разные социалисты... (Останавливается у стола) Какъ это сказалъ поэтъ? (Припоминаетъ)

„Не много выигралъ народъ, (затрудняется)

И легче нѣтъ ему покуда

Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,

Ни отъ начитанныхъ глупцовъ“...

(Разводя руками) Это, ужъ извините, про васъ скасано: „Ни отъ начитанныхъ глупцовъ, лакеевъ мыслей благородныхъ“. Про всѣхъ либераловъ и разныхъ радикаловъ!.. (Опять идетъ въ залъ и, возвращаясь) Что же, чай у васъ скоро будетъ?.. Какъ бы тамъ ни было, а безъ чаю—нельзя... Подъ Горнымъ. Дубнякомъ, когда мы шли въ атаку, почти на вѣрную смерть, я страшно захотѣлъ стаканъ чаю съ малиновымъ вареньемъ...

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Позвони, папа, въ кухню еще разъ!

НАТАША.

Я! (Бѣжить и сильно дергаетъ за ручку звонка, потомъ пугливо смотреть въ окно и на цыпочкахъ возвращается) Иногда мнѣ кажется въ темнотѣ, что кто-то идетъ позади меня и хочетъ схватить...

ЛИПА.

Какая ты трусиха!..

(Пауза. Часы медленно бьютъ восемь)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Восемь! Я ужасно безпокоюсь за Николая... Лучше бы ужъ не вѣзиль... (Послѣ паузы) Что-же, папа, вскрывать Григорія будутъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Безусловно... Иначе нельзя предать тѣло землѣ... (Вздохнувъ) Вѣчная память! Такихъ управляющихъ нынче мало...

НАТАША

(пожимаясь отъ страха).

Авдотьюшка говоритъ, что ей рассказывали, какъ его убили... Григоріи стоялъ на колѣняхъ и плакалъ, а одинъ мужикъ закричалъ: „молись!“ и ударилъ его по головѣ киркой!.. Онъ и покатился...

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Господи, какое звѣрство!..

ПОЛКОВНИКЪ

(идеть въ переднюю, звонить и возвращается).

Оглухли!..

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Онъ боится ходить по двору. Зачѣмъ было перевозить на дворъ?! Пусть бы тамъ и остался...

ПОЛКОВНИКЪ.

И не имѣли права трогать, пока не прибыли слѣдственные власти...

НАТАША.

Я тоже боюсь ходить по двору. Онъ прикрытъ рогожей, а одна рука, со скрюченными пальцами, выставилась... похожа на птичью ногу! (Серафима Сергѣевна

20*

встаетъ и тихо идетъ въ кабинетъ и тамъ вскрикиваетъ. Наташа и Липа вскакиваютъ и бѣгутъ къ кабинету, Серафима Сергѣевна выходитъ, тяжело дыша) Мама! Мамочка! Что съ тобой?

ЛИПА.

Тетя! Богъ съ вами!..

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Испугалась... Показалось, что въ углу... за Колинымъ гардеробомъ... кто-то стоитъ... Надо тамъ огня зажечь... Боже мой! Дайте воды!

(Липа подаетъ воду, успокаиваетъ. Полковникъ, откашлянувшись, рѣшительной походкой направляется въ кабинетъ, Наташа шагаетъ за нимъ въ отдаленіи. Полковникъ въ самыхъ дверяхъ зажигаетъ спичку и, еще разъ кашлянувъ, входитъ въ кабинетъ)

ПОЛКОВНИКЪ

(возвращаясь, серьезно).

Моя шинель виситъ и больше ничего! (Всѣ смѣются) Эти женщины всегда пугаютъ своимъ визгомъ... Я неоднократно смотрѣлъ въ лицо смерти, а вотъ отъ этого женскаго визга... вотъ видите: руки трясутся... Удивительно! (Стукъ въ окно въ передней и глухіе женскіе голоса) Что такое?... а?

(Смотритъ на окружающихъ. Всѣ притаили дыханіе, стукъ повторяется)

НАТАША (вскакиваетъ).

Ай-ай-ай! Я и забыла, что заперла дверь на крючокъ!

(Бѣжить отпирать; всѣ облегченно вздыхаютъ. Въ переднюю входятъ горничная и Авдотьюшка съ

самоваромъ. Наташа смѣется
тѣ шепчутся, нервно посмѣива-
ются; голосъ Авдотьюшки:
„страшно, чай!“ Наташа идетъ
въ столовую)

ПОЛКОВНИКЪ (къ Наташѣ).

Вотъ видишь, Коза Ивановна: заперла двери и за-
была. Не могутъ же подать самоваръ сквозь затворен-
ныя двери?!

(Горничная накрываетъ столъ,
подаетъ посуду, Авдотьюшка
поставивъ на столъ самоваръ, ухо-
дить въ переднюю и садится здѣсь
на сундукъ. Серафима Сер-
гѣевна садится къ столу, въ
кресло. Всѣмъ дѣлается веселѣе.
По лѣстницѣ съ мезонина сходить
Владимиръ на клюкъ, за нимъ
Павель Ивановичъ)

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Все-таки ты поосторожибе... Не споткнись!

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ это кстати вышло, что ты когда-то занимался
медициной!..

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Я въ Сибири практиковалъ. На триста верстъ въ
окружности у насъ не было ни одного врача, и я,
братъ, былъ у якутовъ своего рода знаменитостью!

НАТАША.

У тебя, Павель, говорятъ, даже романъ былъ съ
якуткой?!

ЛИПА (останавливая)

Наташа Те! (Грозитъ пальцемъ) Не надо объ этомъ!..

НАТАША (тихо).

Нельзя?.. (Дѣлаетъ гримасу)

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну что, какъ твоя нога, анархистъ?

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Лучше, Володя?

ВЛАДИМИРЪ.

Прекрасно!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Его счастье: понади пуля чутьчку ниже, — остался бы хромымъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

И пенсіи не дали бы, братъ!.. Эти сраженія не одобряются...

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА (прислушиваясь).

Погодите-ка! Кажется, колокольчики? Нѣтъ. Послышалось...

НАТАША.

Это, мамочка, въ часахъ пружина звенить, всегда...

ГОРНИЧНАЯ.

Вѣдь они поѣхали, барыня, безъ колокольчиковъ! На бѣгункахъ.

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Да... я и забыла... И зачѣмъ только было ѣхать!..

ПОЛКОВНИКЪ.

Пожалуйста не нервничай! Не ѣхать было нельзя: повалили около двухсотъ деревъ строевого лѣса... Если не принять мѣръ, то отъ вашего лѣса останутся одни пеньки!

С Е Р А Ф И М А С Е Р Г Ъ Е В Н А .

Ахъ, да Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ!

В Л А Д И М И Р Ъ .

Ничего не подѣлаешь... Температура народнаго терпѣнія поднялась до точки кипѣнія...

П А В Е Л Ъ И В А Н О В И Ч Ъ .

Идетъ волна... И ничѣмъ ее не запрудишь..

П О Л К О В Н И К Ъ (сердито).

Ну, конечно! Сперва—лѣсъ... „Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ“, а потомъ и земля... Это ужъ мы слышали... И, конечно, Богъ съ нимъ, съ дворянствомъ! И его не нужно... Вашъ капитализмъ садится на нашу шею и гонитъ въ омутъ анархїи, разрушенїи и всякихъ безобразїи.

В Л А Д И М И Р Ъ .

Не изъ той, дѣдушка, оперы!

П О Л К О В Н И К Ъ .

Вотъ у васъ тамъ пишутъ о надстройкахъ... Вотъ всѣ эти безобразїя: забастовки, уличныя драки, грабежи—вотъ все это и есть надстройки! Не ухмыляйтесь... Ничего смѣшнаго. Только будьте спокойны: всѣ эти надстройки легко сломать, снести... И останется прежнїи крѣпкїи фундаментъ... Стариннїи фундаментъ.

В Л А Д И М И Р Ъ .

Очень стариннїи! Прогнилъ!

П О Л К О В Н И К Ъ .

Не прогнулъ... Фундаментъ крѣпкїи, стариннїи, какїихъ нынѣшнїе архитектора не умѣютъ и строить.

ВЛАДИМИРЪ (насмѣшливо).

Лица! Ты бы перестала давать дѣдушкѣ брошюрки!
А то, въ концѣ концовъ, онъ сдѣлается марксистомъ!.

ПОЛКОВНИКЪ (строго).

Я слишкомъ старъ, чтобы мѣнять свои убѣжденія!..
А что ваши забастовки устраиваютъ жида,—въ этомъ
нѣтъ никакого сомнѣнія!

НАТАША.

Дѣдушка! Не горячись! Садись, вотъ твой чай!..

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Папа!.. Это неправда... Перестаньте повторять чужую
ложь!

ПОЛКОВНИКЪ.

Правда! Имъ все хочется забрать нашу Имперію въ
свои руки,—вотъ и забастовки!

НАТАША.

Ну, а Володя? Ты скажешь, пожалуй, что Володя
тоже жидъ?!

ПОЛКОВНИКЪ.

Не суйся прежде отца-матери! Володя! Володя —
жертва своей глупости...

ВЛАДИМИРЪ.

Ого!

ПОЛКОВНИКЪ (къ Владимиру).

Попробовалъ нагайки? Вкусно? Потомственный дво-
рянинъ! Какъ это благородно!

ЛИПА.

Бить людей нагайкой?!

ПОЛКОВНИКЪ.

На этотъ разъ прѣхалъ хромымъ, а вмѣшаешься еще разъ въ уличныя скандалы, кривымъ можешь вернуться...

ВЛАДИМИРЪ.

Случается...

ПОЛКОВНИКЪ.

Да это ужъ повѣрь мнѣ!

НАТАША.

Ты, дѣдушка, ужасно любишь пророчествовать! Словно ты радъ, что Володѣ прострѣлили ногу...

ПОЛКОВНИКЪ.

А какъ же иначе?!

(Липа возмущенно отходить въ сторону,

НАТАША.

Злой ты! (Встаетъ изъ-за стола)

ПОЛКОВНИКЪ

(подходить къ Наташѣ).

Коза губы надула...

НАТАША.

Убирайся отъ меня! Не хочу съ тобой... (Отвертывается и отходить)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Милые бранятся... (Пройдясь по комнатѣ, садится на диванъ. Большая пауза. Липа съ Наташей тихо говорятъ въ сторонѣ о чемъ-то) Наташа! Сыграйте-ка лучше что-нибудь... На прощанье! Завтра я уѣду и, Богъ знаетъ, когда увидимся...

НАТАША.

Боюсь... Тамъ темно ..

ВЛАДИМИРЪ.

Что это, Натася!.. Ты вѣдь не ребенокъ... постыдись!

ЛИПА.

Пойдемъ вмѣстѣ... (Беретъ ее подъ руку, идутъ въ залъ).

НАТАША (оглядываясь).

Что сыграть? Марсельезу, дѣдушка, хочешь?

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, конечно!

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Папа не любитъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Марсельезу!

НАТАША.

На зло дѣдушкѣ, сыграю марсельезу!

ПОЛКОВНИКЪ.

А мнѣ наплевать! Рѣшительно все равно! (Наташа играетъ въ залѣ марсельезу и вмѣстѣ съ Липой подиѣваетъ. Владимиръ встаетъ и, дирижируя клюкою, затягиваетъ вдругъ громко: „Вставай, поднимайся, народъ!“) Ну, ты! Пожалуй-ста не махай палкой! Демагогъ! Здѣсь не улица...

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА.

Володя! Оставь!

(Марсельеза обрывается, Наташа играетъ элегію. Липа подсаживается на диванъ, къ брату, они ведутъ интимный разговоръ)

ЛИПА (грустно).

Ты уѣдешь... я останусь одна...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(очень нѣжно).

Пиши мнѣ чаще... Не скучай. (Беретъ ея руку, ласкаетъ)

ЛИПА.

Скучать не буду, Павелъ... Некогда... Можетъ быть, удастся эту... воскресную школу. Уйду съ головой... Они меня любятъ, Павелъ!.. И это даетъ силы... и радость...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хорошая ты, Липка! Право... (Пауза)

ЛИПА (смущенно).

Я тебя попрошу объ одномъ... Можетъ быть, это сантиментально, но... когда будешь въ Петербургъ... (Обрываетъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Пу!? Что сдѣлать въ Петербургъ?

ЛИПА.

Сходи на... къ Васѣ на могилу...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Хорошо...

ЛИПА.

Отнеси ему вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ... Онъ любитъ астры... Сдѣлай это... Очень прошу! (Склоняетъ голову, прячетъ слезы)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Схожу... Непремѣнно! (Встаетъ и взволнованно ходить по комнатѣ)

ПОЛКОВНИКЪ (къ Павлу).

Отъѣжаешь? Рѣшилъ? А Липа?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Липа не хочетъ... Остается... Не хочетъ бросать де ревню... Работать здѣсь хочетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Было бы тебѣ извѣстно... Я вчера видѣлъ Виногра дова: цѣликомъ все имѣніе онъ купить, но одинъ лѣсъ —не желаетъ... Рубятъ теперь лѣсъ... ваши милые му жички...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Не желаетъ, —не надо... Ничего не подѣлаешь.

(Наташа выходитъ изъ зала)

ГОРНИЧНАЯ.

Можно мнѣ, барыня, въ кухню идти? (Улыбается)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Тебѣ нечего тамъ дѣлать...

(Въ передней Авдотьюшка про-
являетъ безпокойство)

ГОРНИЧНАЯ.

Авдотѣ надо въ кухню, а одна она боится идти!

АВДОТЬЮШКА

(жалобно, изъ передней).

Боюсь, я, барыня! (Приближается къ дверямъ) Что-то вотъ трясется во мнѣ... Словно подняла чего не подѣ силу...

ПОЛКОВНИКЪ (строго).

Что-же это въ тебѣ трясется?

(Всѣ смѣются)

АВДОТЬЮШКА.

Боюсь! На дворѣ темно, какъ въ печкѣ. Я и такъ давеча чуть не померла отъ страху-то... Бѣгу по двору, вдругъ—человѣкъ предо мной... (очень таинственно и взволнованно) словно изъ земли выросъ... Я такъ и обмерла

(Нервно смѣется)

ГОРНИЧНАЯ.

Дура! Это, вѣрно, былъ десятникъ, который покойника караулить, а она думала,—разбойникъ! (Смѣется)

АВДОТЬЮШКА (таинственно).

Нашто десятникъ? Разя я не знаю десятника? Десятникъ въ кухнѣ сидѣлъ... Я подумала: студенты пришли забастовку дѣлать!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Не болтай пустяковъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Я, Авдотьюшка, студентъ тоже... Меня не боишься?..

АВДОТЬЮШКА.

Что мнѣ васъ бояться...

ГОРНИЧНАЯ.

Они студентами называютъ мужиковъ, которые усадьбы громятъ... Не понимаютъ...

АВДОТЬЮШКА.

Да, это которые господъ выжигаютъ. Вечоръ какой-то приходилъ, такъ сказывалъ: „ждите,—говорить,—го-

стей!“ Я этта его и спрашиваю: „какихъ-такихъ стей?“ А онъ и говоритъ: „студенты придуть забастовкамъ дѣлать!“

ПОЛКОВНИКЪ.

Что-же ты, дурица полосатая, не пришла и во-время не сказала?!..

АВДОТЬЮШКА.

Кто ихъ знать... Ничего я не знаю...

ПОЛКОВНИКЪ.

Пусть кучеръ сейчасъ-же ѣдетъ верхомъ ко мнѣ въ имѣніе!.. Пусть мои стражники немедленно скачутъ сюда!

НАТАША

(съ нервнымъ смѣшкомъ).

Никто не придетъ... Насъ мужики любятъ... Мы для нихъ все дѣлаемъ... и папа имъ всякія льготы даетъ. и... и кормимъ... За что насъ?.. Все ты выдумала! Н смѣй!

АВДОТЬЮШКА.

Что мнѣ выдумывать-то? Я икону сниму, ежели вру. А вотъ говорятъ еще, что управляющій-то живой еще рукой будто шевелить... Баютъ, видѣли, какъ онъ кулакъ сжималъ!..

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА (раздраженно).

Убирайся вонъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Мама! На что сердилась? Развѣ она виновата...

НАТАША.

Она всегда такъ! И вчера... наговорить, напугаетъ, а потомъ я спать не могу... (Тихонько плачетъ) Пусть уходитъ (Липа подходитъ къ ней, успокаиваетъ)

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА (горничной).

Поди и проводи эту глупую бабу.

ПОЛКОВНИКЪ.

Пусть кучеръ немедленно скачетъ ко мнѣ за стражками! Поняла?

АВДОТЬЮШКА.

Поняла.

ГОРНИЧНАЯ.

Я прикажу, баринь!..

(Горничная уводитъ Авдотьюшку. Продолжительная общая пауза. Серафима Сергѣевна утираетъ слезы. Павелъ Ивановичъ ходитъ по комнатѣ. Владимиръ звонко помѣшываетъ ложкой чай въ стаканѣ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

У всѣхъ васъ измотались нервы... Поскорѣе переби-
вайтесь въ городъ, чѣмъ жить подъ вѣчнымъ стра-
хомъ...

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА

(сквозь слезы).

Я прошу Николая скорѣе перевезти семью. Отдѣлыва-
ть квартиру... Зачѣмъ? Лишь-бы поскорѣе... (Замолкаетъ)

ВЛАДИМИРЪ.

Мама, мама! Сдержи нервы! Не надо, не распускайся!

ПОЛКОВНИКЪ

(къ Владимиру и Павлу).

Это вы все! „Волна, волна! Идетъ волна!“

(Владимиръ идетъ въ библиотеку и роется тамъ въ книгахъ. Къ нему уходитъ и Лица)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вѣдь это говорилось вообще... Здѣсь можетъ и
быть ничего...

(Ходить взадъ и впередъ по
натѣ. Въ окнахъ зала зарево
жара)

ПОЛКОВНИКЪ.

Дайте мнѣ полсотни казаковъ, и никакой волны
будетъ. Глупо церемониться... (Передразниваетъ кого
„Какъ можно! Намъ стыдно обращаться къ оружію и
тивъ безоружнаго мирнаго населенія!“ Хорошо мирн
населеніе! (Пау

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(увидя зарево).

Господа! Что такое?! Зарево?..

(Торопливо идетъ въ залъ. За ни
Наташа и полковникъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(поднимаясь, съ ужасомъ).

Гдѣ? Гдѣ? Близко?! Володя! Липа! Тамъ—пожаръ
(Владимиръ ковыляетъ на клюкѣ въ залъ, Липа бѣжитъ
туда-же) Близко! близко! Господи! Гдѣ-же отецъ?! Э
чѣмъ онъ уѣхалъ... Что дѣлать!.. (Почти въ истерикѣ
Подите сюда!

(Вбѣгаютъ Наташа и Лип

НАТАША.

Мамочка! Не волнуйся: далеко, дальше кирпичны
сараявъ...

ЛИПА.

Тетя! Ничего опаснаго... Право...

(Даютъ ей воды, мочатъ виски
сами почти плачутъ)

ПОЛКОВНИКЪ

(очень распорядительно).

Серафимочка! Прежде всего—спокойствие! Не волнуйся... Иди въ спальню и лягь... Уведите мать... А я сейчась...

СЕРАФИМА СЕРГЪЕВНА.

Я въ кабинетъ... На диванъ... Ты, папа, не уходи... Не пускайте его!..

(Липа и Наташа уводятъ Серафиму Сергѣевну въ кабинетъ. Полковникъ, взволнованно проходя по комнатѣ, идетъ въ переднюю и сильно звонить, вызывая прислугу. Павелъ Ивановичъ и Владимиръ задумчиво идутъ изъ зала и тихо говорятъ между собою)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Подожгли...

ВЛАДИМИРЪ.

Подожгли...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(очень тихо).

Надо... увезти женщинъ.

(Подходитъ полковникъ, и всё трое о чемъ-то тихо и торопливо совѣщаются. Изъ кабинета выходитъ Липа, вопросительно смотритъ въ залъ, гдѣ все ярче разгорается зарево)

ЛИПА

(вслушиваясь и идя на цыпочкахъ къ группѣ мужчинъ).
Вы ничего не слышите?

(Всѣ слушаютъ. Чуть слышенъ доносимый вѣтромъ набатъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Это набать... въ Городецкомъ...

ВЛАДИМИРЪ (тихо).

Куда-же поѣдешь? На станцію — мимо завода
Опасно...

ПОЛКОВНИКЪ.

Всѣ—ко мнѣ!..

(Идетъ въ переднюю и снова зв
нить въ кухню. Въ переднюю вб
гаетъ горничная)

ГОРНИЧНАЯ

(хочетъ говорить громко, полковникъ останавливаетъ ж
стомъ).

Кирпичный сарай горить...

ПОЛКОВНИКЪ (приказываетъ).

Сю-же минуто лошадей!.. Одну въ тарантасъ, а дру
гую... хоть въ телѣгу... все равно... Живо! (Горнична
убѣгаетъ) Липа! Приготовь Серафимочкѣ пальто, пледъ.
На дворѣ вѣтеръ... Живо!.. Всѣ!..

ЛИПА.

Вы, господа, думаете, что...

ПОЛКОВНИКЪ.

Некогда думать!.. Собирайтесь!.. (Дѣлаетъ руками какі
то жесты)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Стоптъ-ли, господа?..

(Владимиръ бѣжитъ въ библио
теку и тащить оттуда охапку
книгъ)

ВЛАДИМИРЪ.

Заберу рѣдкія книги...

(Кладеть на полъ и снова идетъ въ библіотеку. Липа и Павелъ Ивановичъ тихо скользятъ по комнатамъ, складывая въ одну кучу одежду, калоши, башлыки. Полковникъ ходитъ и заглядываетъ то въ залъ, то въ кабинетъ и приговариваетъ: „живо!.. живо!“)

НАТАША

Исходитъ изъ кабинета и останавливается, съ ужасомъ озираясь вокругъ).

Что? Зачѣмъ?!. Вы думаете, что... А какъ же папа?.. Тихо, глухо доносится набатъ и едва слышный неопредѣленный шумъ) Что это?..

АВДОТЬЮШКА

(вбѣгаетъ въ переднюю, запыхавшись).

Идутъ они... Ёдутъ!.. Телѣгъ, телѣгъ ёдетъ! Что будемъ дѣлать-то! Голубчики!

НАТАША.

Кто? Зачѣмъ?..

АВДОТЬЮШКА.

Барышня! Милая! Что дѣлать-то будемъ?.. Они идутъ!.

(Общее замѣшательство. Наташа бѣжитъ къ матери Липа одѣвается. Полковникъ, надѣвъ калоши, идетъ къ кабинету)

ПОЛКОВНИКЪ.

Одѣньте мать! Владимиръ! (Къ Авдотьѣ) Помогите барыню! Живо! (Павелъ и Владимиръ идутъ въ кабинетъ, подъ руки выводятъ Серафиму Сергѣевну, уса-

живають на стуль и одѣвають) Есть какое-нибудь ору
жје?.. Оружіе есть?

ПАВЕЛЪ ПВАНОВИЧЪ (спокойно).
Не надо! Хуже!.. Насъ не трогаютъ...

НАТАША
(въ ногахъ у матерп).
Мамочка! Они убьютъ насъ...

ГОРНИЧНАЯ (вбѣгаетъ).
Ѣдутъ мужики... Подводъ, подводъ!.. Въ садъ вс
выходите, въ бесѣдку всѣмъ надо...

АВДОТЬЮШКА.
А изъ сада-то огородомъ въ луга... Въ сѣно зарои
тесь!..

ПОЛКОВНИКЪ.
А лошади готовы?

АВДОТЬЮШКА
(машетъ рукой).
Всѣ разбѣжались!.. (Всѣ торопливо одѣваются. Слышен
стукъ двойныхъ дверей на террасу, замокшихъ и неотворяю
щихся. Шумъ многосотенной толпы, крики, смѣхъ и гармоника
Господи! Никакъ, на дворѣ ужъ!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА
(безсильно опускается въ кресло).
Поздно ужъ... Не могу... Ноги не слушаются... Гдѣ
Коля?.. Коля, Коля!..

(Дверь въ передней растворяется,
врывается нестройный шумъ го
лосовъ, и входятъ трое: Ключни
ковъ, старикъ и Степанъ изъ
Сухого Доду)

ПОЛКОВНИКЪ (пріосаниваясь).

Кто вы такіе и что вамъ надо?

СТЕПАНЪ.

Люди мы! Хрещенные!

ПОЛКОВНИКЪ.

Кто васъ звалъ?

КЛЮЧНИКОВЪ (угрюмо).

Сами пришли! Ждали, что позовете, не дождались...

СТАРИКЪ.

А вы постойте! Ничего не сказамши, вздорить начали. (Выдвигается впередъ) Ты, енераль, намъ не нуженъ... покуда.

СТАРОСТА

(входитъ, молится Богу).

Еще здравствуйте! (Кланяется) Здравствуй, Павелъ Ивановичъ! Какъ у васъ тутъ дѣло-то?

СТАРИКЪ

(къ Степану и Ключникову).

Погодите! Вотъ староста долженъ поговорить... А свару зря нечего дѣлать...

(Староста идетъ въ глубь комнаты, подаетъ Павлу Ивановичу руку)

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты—староста?

СТАРОСТА.

Я... (Замѣтивъ Липу) Барышня! Мое почтеніе!
(Подаетъ Липѣ руку)

ПОЛКОВНИКЪ (строго).

Какъ-же это? Ты староста, а закона не знаешь!

ПАВЕЛЪ ИВАПОВИЧЪ (къ полковнику).

Не кричите!.. Дайте—я буду съ ними...

СТАРОСТА.

Обчества, Павелъ Ивановичъ, приговора составили: землю у васъ всю отобрать, а вамъ только подъ усадьбу, чтобы лѣтомъ было гдѣ разгуляться, десять десятищъ оставляютъ... Это разь!.. А потомъ...

ПОЛКОВНИКЪ (издали).

Незаконный приговоръ!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Законы господа писали... для своей пользы!—Вотъ что!

СТЕПАНЪ.

Свои законы сдѣлаемъ!

(Наташа и Серафима Сергѣевна плачуть)

СТАРИКЪ

(приближаясь къ плачущимъ).

Что вы зря плачете? Вы-бы пошли въ опочивальню, а мы покалякали-бы промежь себя... съ вашими мужиками..

ПОЛКОВНИКЪ.

Жгите, грабите—и плакать не надо?

СТЕПАНЪ (окрижъ).

Помолчи! Будетъ ломаться!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА.

Папа! Оставьте!

НАТАША.

Дѣдушка! Молчи ради Бога!

(Владимиръ подходитъ къ полковнику и, взявъ его подъ руку, говоритъ что-то и отводитъ въ библіотеку)

СТАРОСТА.

А вы погодите! Разберемся! Ты, епераль, не кричи, да и ты, Степанъ, тоже... послабже!.. Вотъ я вамъ, Павелъ Ивановичъ, приговоръ объявляю... Обчество Городецкое, Сухого Долу и Никифоровки... Десять десятинъ вамъ подъ усадьбу... Всѣмъ, стало быть,—дѣлитесь промежду себя, какъ хотите... И еще двѣ десятины лѣса и двѣ луговъ...

ПАВЕЛЬ ПАВЛОВИЧЪ.

Садитесь!.. (Староста и старикъ садятся у стола, Степанъ—на диванъ, Ключниковъ стоитъ безъ движенія, уставивши глаза въ землю) Приговоръ, говорите... Вы меня знаете... Я васъ никогда не обманывалъ... Мы съ сестрой... Мы хотѣли вамъ только добра... Не вѣрите.. ваша сила... и ваша воля...

КЛЮЧНИКОВЪ (вызывающе).

Да, ужъ не безъ этого! Довольно вы надъ нами покуражились.

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

Дайте договорить! Надо-же выслушать! Я никогда не былъ вашимъ врагомъ!

СТАРИКЪ (вскакивая).

Погодь, Иванъ!

СТАРОСТА.

Пушай скажетъ! Что вы?! Говори, Павелъ Ивановичъ!
Тебѣ вѣримъ!

ПОЛКОВНИКЪ

(кричитъ изъ дверей библіотеки).

А земскій начальникъ утвердилъ вапшъ приговоръ?

СТЕПАНЪ И КЛЮЧНИКОВЪ (вмѣстѣ).

Не пугай! Не страшно!

ПОЛКОВНИКЪ.

Вотъ какъ!

СТЕПАНЪ.

Этакъ! Поговори тамъ...

(Полковникъ ступевывается)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Мы съ сестрой предлагали вамъ свою землю взять почти даромъ. Почему вы не хотѣли? Берите!.. Берите даромъ... Мы съ сестрой ничего вамъ не скажемъ... А пріѣдетъ начальство и распорядится по-своему, отберутъ у васъ обратно и васъ будутъ судить... Потомъ ужъ насъ не вините!..

СТАРИКЪ.

Судить, такъ судить... всѣхъ!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Ужъ конечно! Вы другъ за дружку крѣпко держитесь! (Ударяя кулакомъ по столу) А манифестъ знаешь?! (Полковникъ испуганно выглядываетъ изъ библіотски. Се-рафима Сергѣевна и Наташа опять начинаютъ плакать) Гдѣ онъ? Нашто его прячете? Жулики, а не господа!

ЛИПА

(со слезами въ голосъ).

Иванъ! Мы ничего не прячемъ! Ничего! Развѣ я васъ обманывала когда-нибудь?!

СТАРОСТА.

Не зѣвай! Не въ кабакъ...

СТАРИКЪ.

Что зря кричать?.. Испугалъ бабъ... Эхъ!.. Шли бы онѣ на свою половину!

СТАРОСТА.

Лимпiяда Ивановна! Мы противъ тебя ничего не имѣемъ... Вѣрно оно... Идите-ка всѣ съ Богомъ!.. Чаво тутъ? Дѣло не женское...

(Липа уговариваетъ уйти Серафиму Сергѣевну и Наташу)

СЕРАФИМА СЕРГѢВНА

(поднимаясь съ кресла).

За что? Развѣ мы вамъ не помогали въ нуждѣ? Мы всегда дѣлали для васъ все, что могли... А вы пришли и оскорбляете... Грѣхъ вамъ...

НАТАША

(и гордо и робко).

Кормили вашихъ ребятишекъ... Папа всегда за васъ заступался.

(Наташа, Липа и Владимиръ уводятъ Серафиму Сергѣевну въ кабинетъ)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Покормили и будетъ!.. Мы васъ, можетъ, больше тысячи годовъ кормили! Насъ вѣдоками...

СТАРИКЪ.

Брось, Ивапы!

СТАРОСТА.

Оставь, говорю!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Насъ ѣдоками зовете, а сами безперечь жрете!

ПОЛКОВНИКЪ

(проходя изъ библіотеки въ кабинетъ).

Что только творится въ Россіи—понять невозможно...

СТЕПАНЪ.

Не понимаешь?.. А еще енераль!.. (Кричитъ хрипло)
Съ голоду, что-ли, намъ помирать?.. Сколько васъ, а
сколько насъ?..

КЛЮЧНИКОВЪ.

Захотимъ, всѣмъ вамъ отставку дадимъ!

ПОЛКОВНИКЪ (изъ двери).

Я уже, голубчикъ, и безъ того въ отставку, стало
быть...

(Липа тянетъ его за руку въ кабинетъ)

СТАРИКЪ.

Ахъ ты, Боже мой! Будетъ вамъ зря толковать!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (встаетъ).

Давайте тихо, безъ крику...

(Владимиръ выходитъ изъ кабинета)

СТАРОСТА.

Вѣрно! будеть!.. Садись, Павелъ Иванычъ... Такъ касательно земли вамъ сказано. Вамъ она ни къ чему... Нашто вамъ?

БЛЮЧНИКОВЪ
(сердито, но тихо).

Попащите ее вмѣстѣ съ нами, а такъ нечего вамъ и за землю держаться!..

СТАРОСТА.

Теперь обчества приговоры сдѣлали... Такъ что теперь время тяжелое, голодное, а у васъ, промежду прочимъ, хлѣбъ въ амбарахъ крысы ѣдятъ... приговоръ такой, чтобы хлѣбъ этотъ у васъ отобрать... для народа... Согласны?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что же я могу сказать?.. Все равно, вѣдь возьмете...

СТЕПАНЪ.

А то, думашь, оставимъ?

СТАРОСТА.

Ужъ ничего, Павелъ Иванычъ, не сдѣлашь... Надо ужъ по хорошему... Пожалуйста распорядитесь ключи отъ амбаровъ выдать!

(Въ переднюю вваливается чело-
вѣкъ 10 мужиковъ и съ ними Лу-
керья съ груднымъ ребенкомъ
на рукахъ. Часть мужиковъ вхо-
дитъ въ столовую, Лукерья съ
любопытствомъ заглядываетъ туда
изъ-за косяка)

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО
(съ гармоніей подъ мышкой, весело).

Примайте гостей!

МУЖИКЪ 2.

Миръ честной компаніи! Павлу Иванычу! Владимиру Николаичу! (Оборачивается къ передней) А вы идите! Чего боитесь?!

(Входитъ еще нѣсколько человѣкъ; трое и съ ними дѣвка и Лукерья остаются въ передней. Входя, всѣ кланяются и осматриваютъ комнату и мебель, заглядываютъ въ залъ; одинъ тычетъ пальцами въ клавиши и пугается; двое шепчутся въ уголку, около граммофона. переговариваются, смѣются все смѣле)

СТАРОСТА.

Потише, православныя! Такъ ключи пожалуйста ужъ!..

ПАВЕЛЪ ПЯНОВИЧЪ.

Ключи? (Безпомощно озирается) Гдѣ-же ключи?.. Володя! Гдѣ ключи?

ВЛАДИМИРЪ.

Не знаю... Неизвѣстно... Были у управляющаго, а теперь неизвѣстно...

(Идетъ въ кабинетъ. Полковникъ выходитъ изъ бібліотеки)

ПОЛКОВНИКЪ.

А-а зачѣмъ сарай-то подожгли? Ну хлѣбъ... я понимаю, а сарай что вамъ помѣшалъ?

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Сарай зажгли для свѣту... Не зря-же! Темно было ѣхать.

МУЖИКЪ 2.

Замѣсто лампы!

(Общій смѣхъ. Карявый мужиченко беретъ аккордъ на гармоничѣ)

БАРЯВЫЙ МУЖИЧЕПО.

Вотъ она, грошъ дана!.. Сыграль-бы да некогда!..

СТАРОСТА.

Не играй! Можеть, у нихъ которые не любятъ.

ВЛАДИМИРЪ

(идеть изъ кабинета).

Никто не знаетъ, гдѣ ключи...

ПОЛКОВНИКЪ.

Пу, а кто изъ васъ управляющаго убилъ? За что?
У него—жена, дѣти...

ГЛЮЧНИКОВЪ.

А у насъ, думаешь, нѣтъ этого добра?!

СТЕПАНЪ.

Онъ пасъ за людей не считаютъ. Мы — скотина...
Хуже скотины!

ПАВЕЛЬ ПВАНОВИЧЪ.

Цеправда. Невѣрно. Городецкіе мужики насъ знаютъ...
Кто изъ нихъ скажетъ, что я крестьянъ за людей не
считаю?..

СТАРОСТА.

Зря болтають... Это, Павелъ Ивановичъ, дѣйствитель-
но... Мы противъ тебя ничего не имѣемъ... Зла противъ
тебя и Лимпіяды никто въ сердцахъ не носитъ...

ЛУКЕРЬЯ (изъ передней).

Про нихъ этого пельзя сказать!.. Грѣхъ...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Правильно!.. Ты—человѣкъ душевный... Даль бы мнѣ стаканчикъ водки, я бы тебя вѣкъ не забылъ... Страсть охота!..

(Кругомъ смѣются)

ГОЛОСА.

„Чай, имъ не жалко!..“ „По-хорошему надо!“

(Владимиръ достаетъ изъ буфета графинъ съ водкой хлѣбъ, чашки. Выпиваютъ. Пьютъ за здоровье Павла Ивановича и Владимира, водворяется веселое настроеніе и пропадаетъ первоначальный страхъ у женщинъ. Тѣ выглядываютъ изъ кабинета. жалобно какъ-то улыбаются и снова прячутся)

СТЕПАНЪ

(усаживаясь въ кресло).

Вотъ и сѣлъ! И ничего не сдѣлашь!

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО

поднявъ книгу, вырываетъ листокъ и дѣлаетъ себѣ цгарку).
Прикурить слѣдуетъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Эхъ! Напрасно вы книгу рвете. Хорошая книга... Я лучше вамъ...

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Я вѣдь маленько!.. У тебя ихъ вошь сколько! Гора!

ВЛАДИМИРЪ.

Я лучше папиросу-бы далъ вамъ!

(Раскрываетъ портсигаръ, карявый мужиченко беретъ папиросу, еще двое-трое подходятъ и берутъ)

СТЕПАНЪ.

Что, Павелъ Иванычъ, не любишь, когда я въ креслу сажусь?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Сдѣлайте одолженіе—сидите пожалуйста!

СТЕПАНЪ.

„Сидите!“ „Пожалуйста!“ А какъ въ прошломъ году посидѣлъ на твоей креслѣ, такъ въ каталажку запрятали? (Встаётъ, пинаетъ ногой кресло,—оно падаетъ) Видѣлъ? Я, братъ, помню! не забылъ! (Старикъ и староста уговариваютъ Степана не шумѣть) Довольно посидѣли, теперь мы—на мягкомъ, а вы подите на снѣгу посидите! Да! На снѣгу тоже мягко!

КЛЮЧНИКОВЪ (громко).

Пасчетъ земли надо отъ нихъ росписку взять!

ГОЛОСА.

„Вѣрно!“ „Пусть дадутъ отказъ!“

КЛЮЧНИКОВЪ.

Пушай отрекутся, чтобы опосля не кляузничали!

(Въ толпѣ гулъ удовольствія. У Лукерьи плачетъ грудной ребенокъ)

БАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Младенецъ! Хрестьянскій! Не плачь, не плачь! Теперь, братъ, самъ помѣщикомъ будешь!..

(Смѣхъ въ толпѣ. Въ переднюю входятъ двое мужиковъ и кричатъ: „Ключи скорѣй! А то разобьемъ!“ и исчезаютъ)

СТЕПАПЪ

(встаетъ, проталкивается къ выходу).

Какіе тамъ ключи! (Показываетъ кулакъ) Вотъ ОП-ключь!

(Уходитъ. Съ нимъ уходятъ ставшіе въ передней)

СТАРОСТА (ласково).

Лучше бы отдали безъ скандалу! Все одно, возьми! Не удержишь... Лучше по-хорошему бы!

ГОЛОСА.

„Ладно и такъ!“ „Песъ съ нимъ!“

СТАРОСТА.

И касательно земли: пусть ты съ сестрой насчетъ своей земли отдѣльный документъ выдадите, а Миколай Александрычъ касательно своей... по формѣ... Согласны, моль, и обязуемся... прочее такое... Правильно падо.

ЛЮЧИНЦЕВЪ.

И чтобы больше никакого разговору! А разъ отъ своей подписи откажутся — хуже будетъ! Все одно: не житье вамъ здѣсь... Всѣхъ, какъ вшей изъ рубахи, выжаримъ.

БАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Все одно, подадитесь...

КЛЮЧНИКОВЪ.

А манифестъ прятать — это которые безъ совѣсти! Да! А еще господа!

ПАВЕЛЬ ПВАНОВИЧЪ.

Я ничего не прячу...

СТАРШЕЪ (Павлу Ивановичу).

Какъ его, хромого-то барина, звать?

СТАРОСТА.

Володимеръ.

СТАРШЕЪ.

Володимеръ, принесь-ка сюда бумагу, чернильницу, всякій струментъ.

МУЖИКЪ 2.

Сами пусть напишутъ! Собственноручно! Отдаемъ, дескать, землю въ полную собственность, съ лѣсомъ и лугами и всякимъ угодемъ.

ГОЛОСА.

„Скотину отобрать!“ „Знамо, отобрать!“

МУЖИКЪ 2.

И со всѣмъ скотомъ, который держимъ въ экономіи въ пользу хрестьянъ... трехъ обчествъ... И все, дескать, за землю и прочее сполна съ хрестьянъ получили, въ чемъ и росписуемся.

ПОЛКОВНИКЪ.

Это съ кого-же получили? Когда?

БЛЮЧНИКОВЪ (раздраженно).

Какъ съ кого? Съ кого вы аренду брали? Сколько годовъ вытягивали? Больше того и земля ваша не стоитъ, что съ насъ получили... Когда?.. Отъ вѣку вѣковъ!— вотъ когда! И съ банку получили, и съ насъ! Какого вамъ лѣшняго еще надо? Али опять на выкупъ хотите? Прошло! вотъ! возьми!

(Показываетъ кукишъ; полковникъ отворачивается и пожимаетъ плечами)

ГОЛОСА.

„Правильно!“ „Все свое изъ земли вынули! Больше вынули!“ „Нечего съ ними толковать! Требовать!..“

(Владимиръ приносить изъ библиотеки бумагу, чернильницу, ручку—кладеть на столъ)

СТАРОСТА.

Ребята! Тише: условіе будемъ писать!.. (На дворѣ страшный шумъ: тамъ громятъ амбары и увозять хлѣбъ) Что это народъ шумить?

СТАРИКЪ.

Амбары ломають... Надо было ключи отдать, тогда бы этого безпорядку не было!

ПОЛКОВНИКЪ.

Вотъ ты—старикъ, скоро предъ судомъ Божиимъ предстанешь.

СТАРИКЪ..

Ничего не сдѣлашь... И ты не молодой: вмѣстѣ, вѣрно, придется...

(Въ толпѣ одобреніе)

ПОЛКОВНИКЪ.

Что ты скажешь Господу? Онъ тебя спроситъ: „зачѣмъ, старикъ, въ разбойничье дѣло впутался?..“ Что отвѣтишь?

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

Чай, и за насъ, хрестьянъ, кто-нибудь на небѣ-то заступится? Неужто и тамъ (показываетъ въ потолокъ) опять вамъ же, господамъ, послабленіе будетъ, а мы, мужики, на васъ пахать будемъ?

(Обшій смѣхъ)

СТАРОСТА

(аккуратно раздѣляетъ бумагу).

Будеть вамъ! Повремените!

ПОЛКОВНИКЪ.

Тамъ, братъ, пахать никому не придется... Всѣ сравняются...

КЛЮЧНИКОВЪ (со злобой).

А здѣсь равняться не жалашь?.. Ецераломъ хошь оставаться?.. Ловкій!

(Владимиръ и Павелъ Ивановичъ ухмыляются)

СТАРОСТА.

Ладно! Будеть ужъ... Пиши, Павелъ Ивановичъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(береть ручку).

Чудаки... Ну! Что писать? Говорите!

КЛЮЧНИКОВЪ.

А ты не прикидывайся! Будто не знаешь?!

СТАРИКЪ.

Небось, съ нами условіе писать, такъ хорошо знаешь, какъ его надо написать.

СТАРОСТА.

Пиши: сего года, числа... которое у насъ число-то... семнадцатое? Мы, нижеподписавшіе, помѣщики Городецкаго хутора... Поминай всѣхъ: Миколай Лексаныча, жену его, себя, сестру и другихъ сродственниковъ. Написалъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

(пишетъ. Пауза).

Написалъ.

КАРЯВЫЙ МУЖИЧЕНКО.

И еперала-то припиши! За одно!

(Кругомъ смѣхъ.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Бумага все стерпитъ.

СТАРОСТА.

Не надо его! Онъ—другой волости! Тамъ другіе будутъ отбирать... Пиши, Павелъ Ивановичъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну?

СТАРОСТА.

Всѣ мы, нижеподписавшіе, которые по доброй волѣ, безъ принужденія, рѣшили исполнить крестьянскую волю: оставить себѣ—подъ усадьбу, садъ, огородъ и другое хозяйство—десять десятинъ, изъ лѣсу—двѣ десятины строевого и двѣ десятины лугу заливного. А всю остальную землю, луга и лѣсъ, какой незаконно владѣемъ съ воли Императора Александра II, согласны. вполнѣ возвратитъ крестьянамъ по принадлежности.. Въ чемъ и подписуемся...

(Павелъ пишетъ, мужики тихо переговариваются)

СТАРИКЪ.

Добавь: спорить и прекословить не будемъ, а ежели начнемъ судиться, всѣ убытки примаемъ на себя жс.

КЛЮЧНИКОВЪ (съ угрозой).

Коли начнете судиться, духу вашего не останется!.. Званія!..

ПОЛКОВНИКЪ.

Теперь только къ нотариусу... Прекрасно... Удивительно!

СТАРОСТА.

Ладно и такъ! Подписку теперь давайте!

ГОЛОСА.

„Пусть всѣ роспишутся!“ „Пусть икону сымуть! Передъ Богомъ откажутся!“ „Сперва пусть подпишутся!“

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Подписываться? Мнѣ?

СТАРИКЪ.

Сперва пусть самъ, Николай Лексаньчъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Пить его!

СТАРОСТА.

Пусть за его жена роспишется!.. Все одно! Спорить не будемъ... И Володимеръ, и барышня ихняя. Зови ихъ сюда!

КЛЮЧНИКОВЪ.

Скажи: народъ требуетъ для подпису!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

Сходи, Володя! Объясни!..

(Владимиръ и полковникъ идутъ въ кабинетъ; толпа весело гуторитъ. Карявый мужиченко около граммофона—что-то толкуеть про него окружающимъ)

СТАРИКЪ

(подойдя къ двери кабинета).

А вы не пугайтесь! Ничего не будетъ... Только росшаться... (Отходить) Онѣ пугливыя!..

(Павелъ Ивановичъ встаетъ и идетъ къ кабинету. Навстрѣчу

полковникъ и Владимиръ вѣдутъ Серафиму Сергѣевну подъ руки; за ними Наташа съ заплаканными глазами, смотреть въ землю и вздрагиваетъ плечами; Липа грустная, тихая, усталая и равнодушная. Серафиму Сергѣевну усаживаютъ въ кресло даютъ перо,—она подписывается и ее снова уводятъ въ кабинетъ. Затѣмъ подписываются Владимиръ и Наташа)

НАТАША

(съ перомъ въ трясущейся рукѣ).

Я капнула... Ничего это?

СТАРОСТА.

Ладно! Сойдетъ у насъ!

(Наташа съ гордостью уходитъ въ кабинетъ)

КАРЯВЫЙ мужиченко (вслѣдъ ей).

Теперь безъ приданаго останется.

МУЖИКЪ 2.

У нихъ и такъ возьмутъ...

ЛУКЕРЬЯ.

Она красивенькая... У нихъ этики-то безъ ничего берутъ...

СТАРОСТА

(слизывая кляксу).

Топерь ты, Павелъ Иванычъ, подписывайся и Лимпиды Ивановна...

ЛИПА.

Намъ ничего не надо... Берите все... все... (Подписывается)

КЛЮЧНИКОВЪ (злобно).

Не надó, а дóржишься?.. Баню придумала!..

(Липа вдругъ нервно зарыдала и убѣжала въ залъ)

ПАВЕЛЪ ПВАПОВИЧЪ.

Липа! Липа! Перестань!

(Владимиръ идетъ къ Липѣ)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Жалко, небось!.. Печать надо! Староста! Печать есть?

ГОЛОСА.

„Вѣрно!“ „Печать надо.“ „Безъ печати нельзя.. Прикладывай! Свѣчка есть?“

БАРИВШІЙ МУЖИЧЕНКО.

Вопъ она!

(Бѣжитъ, беретъ свѣчу со столика зажигаетъ и подаетъ)

КЛЮЧНИКОВЪ.

Прикладывай!

(Староста коптитъ на свѣчкѣ печать и прикладываетъ, крихтя и напрягаясь)

СТАРОСТА.

Хорошо видать! Четко вышло!..

(Полковникъ подходитъ къ столу)

ПОЛКОВНИКЪ.

Отлично! Теперь все по формѣ... Идите съ Богомъ!
(Громко) Расходитесь!..

(На дворѣ страшный крикъ, нѣсколько выстрѣловъ. Всѣ вздрагиваютъ, настораживаются. Въ переднюю вбѣгаетъ Степанъ съ топоромъ въ рукахъ, безъ шапки, съ дикими глазами, и кричитъ, размахивая руками)

СТЕПАНЪ.

Баринъ прѣхалъ! Со стражниками! Въ народъ стрѣляютъ! Бей ихъ, проклятыхъ!..

КЛЮЧНИКОВЪ.

Бей ихъ!

(Бѣжитъ за полковникомъ, полковникъ бѣжитъ на мезонинъ. Ключниковъ настигаетъ и убиваетъ его. Опять стрѣльба и крики на дворѣ. Истерическіе визги женщинъ въ домѣ. Толпа мечется по комнатамъ. Павелъ что-то кричитъ)

СТЕПАНЪ

(подбѣгаетъ къ Павлу Ивановичу).

Въ народъ стрѣлять?! Въ народъ!

(Замахивается топоромъ на Павла Ивановича, тотъ хватается руками за голову)

СКИТАЛЕЦЪ.

ЛѢСЪ РАЗГОРАЛСЯ.

Скиталець. Лѣсъ разгорался.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во
всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ
на переводъ и за справками къ представителю автора,
книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему
адресу:

Société d'édition et de librairie „Demos“;
22, Bd du pont d'Arve, Genève, Suisse.

или,—что то-же:

Berlin W, 15, Ludwigskirchstrasse, № 1;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.

БИБЛИОТЕКА

„РУССКАЯ ИМОДЬ“

А. И. ЧЕТКОВА

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

„Rue de la Harpe“

CONSTANTINOPLE PÉRI

I.

На луговой сторонѣ Волги стоитъ голая, каменпстая гора, похожая на опрокинутый вверхъ дномъ котель. Зовутъ ее Курганомъ.

Курганъ странно и неожиданно возвышается на плоскомъ песчаномъ берегу. Передняя часть его, обращенная къ рѣкѣ, безжизненно-каменная, а затылокъ покрытъ зеленой березовой гривой.

Позади кургана гладкая степь до самаго горизонта.

У подошвы горы пріютилось маленькое село съ бѣлой церковкой и называется Буяномъ.

Весной Волга подходитъ вплотъ къ селу и кургану, заливааетъ кругомъ всѣ луга и перелѣски, и тогда стоитъ курганъ среди широкой водной равнины. Черезъ Волгу, прямо противъ кургана, виднѣются крутыя зеленыя горы, заросшія кудрявымъ лѣсомъ, окаймленныя внизу, около воды, сверкающей бѣлой полосой: это каменоломни обнажили ихъ дѣвственныя известковыя груди.

И стоятъ горы, словно дѣвичій хороводъ, зеленой гирляндой, бѣлогрудыя, кудрявыя, отраженныя въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, и молча улыбаются кургану, но курганъ угрюмъ и печаленъ: голый, каменный, онъ словно сжалъ и затаилъ въ твердомъ сердцѣ своемъ огромное, глубокое горе.

Изъ-за спины его глядитъ сѣрое, голодное село съ маленькой бѣленькой церковью.

Бѣдно живеть Буянъ. Земли у Буяновцевъ мало и родить она плохо: они умерли бы съ голоду, если бы не кормилица-Волга, если бы не благодатныя горы: весной у кургана бываетъ хлѣбная пристань, и буяновцы „грузятъ“, а лѣтомъ они идутъ въ горы, въ каменоломни и ломаютъ камни.

Тяжелъ и суровъ ихъ трудъ: каждый годъ во время ломки камня погибаетъ ихъ нѣсколько человѣкъ, раздавленныхъ каменной глыбой, и каждый день кто-нибудь возвращается съ работы окровавленный. Оттого и характеры у буяновцевъ дерзкіе, мрачныя, оттого и пропиваютъ они осенью почти весь свой заработокъ.

Вдали съ кургана виденъ большой красивый городъ. Днемъ онъ блеститъ на солнцѣ золотыми головами церквей, а ночью горитъ красными огнями, словно тысячью пламенныхъ глазъ. И кажется, что многоглавый исполинскій звѣрь днемъ и ночью смотритъ на приволжскія села, внушаетъ имъ что-то и властно притягиваетъ къ себѣ своимъ огнемъ и блескомъ, какъ бы простирая къ нимъ длинныя, лучистыя нити, по которымъ льется токъ его жизни, отзываются удары его сердца. Онъ не только вытягиваетъ изъ этихъ сельскихъ жизненныхъ силы, но и самъ даетъ имъ въ обмѣнъ что-то горькое и острое, блестящее и опасное, то, что мучить, но зажигаетъ, что становится огненнымъ оружіемъ противъ него же. Можно подумать, что въ дымящихся зданіяхъ каменоломенъ, мельницъ и кузницъ, разбросанныхъ по берегу у подножія горъ, зданіяхъ, гдѣ мучатся поработенныя села и деревни, — сотни мускулистыхъ рукъ уже куютъ богатырскій мечъ освобожденія.

А кругомъ, по обомъ берегамъ громадной рѣки, день и ночь горятъ заповѣдныя, вѣковые лѣса. Облака сѣраго дыма вмѣстѣ съ запахомъ гари, разрѣжаясь, плывутъ надъ горами отъ горизонта къ Волгѣ, и надъ нею стоитъ сѣрый дымный туманъ.

Ночью по всему небосклону — то за лѣсистыми горами, то въ далекой степи пылаетъ гигантское зарево, освѣщающее кровавымъ свѣтомъ высокое ночное небо. Едва потушатъ пожаръ въ одномъ мѣстѣ, какъ огонь появляется въ другомъ. Но крестьяне какъ бы не замѣчаютъ лѣсного пожара: даже между собою не любятъ говорить о немъ. Лица ихъ серьезны, уклончивая рѣчь коротка и осторожна. Молчатъ крестьяне.

Горитъ огромное богатство, дивная красота, первобытный уголь мѣра. Быть можетъ, скоро пламя охватитъ милыя кудрявыя горы, обойметъ каждую строїную сосенку, и запылаетъ вся страна.

Тревожнымъ настроеніемъ затишья передъ грозой охвачено все кругомъ: и горы, и Волга, и старый печальный курганъ.

Тревожище блеститъ вдали каменный городъ, окутанный облакомъ дыма и пыли, напряженнѣе смотритъ онъ въ темную весеннюю ночь своими кровавыми глазами на тихія приволжскія села, озадаченный тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ приближается пламя.

Все молчитъ, молчитъ напряженно, тревожно, торжественно...

Лѣсъ разгорается.....

II.

Сельскій учитель с. Буяна Дивногорскій сидѣлъ утромъ передъ раскрытымъ окномъ своей маленькой квартирки, пилъ чай и поджидалъ къ себѣ въ гости мужика Мирона, обычнаго и почти единственнаго своего посѣтителя.

Дивногорскій — длинный, нескладный юноша съ первымъ пухомъ на румяныхъ щекахъ, застѣнчивый, робкій и тупой на видъ, былъ здѣсь учителемъ недавно

и уже тяготился своимъ положеніемъ: исключенный за малоуспѣшность изъ духовнаго училища, онъ долго шатался безъ дѣла и, наконецъ, чтобы не идти въ солдаты, пристроился въ учителя. Но ему претила возня съ ребятами, дерзкими и озорными, какъ и все село; ребяташки и мужики не влюбились его, а онъ сталъ бояться ихъ.

Юнша не ожидалъ, чтобы мужики, вообще, могли быть такими, какими онъ ихъ нашелъ: ему казалось, что они умнѣе его и желаютъ дать это почувствовать, при всякомъ разговорѣ предлагаютъ ему замысловатые вопросы и злорадно любятъ его невѣжествомъ, ненаходчивостью и мальчишескимъ смущеніемъ.

А невѣжество свое онъ впервые почувствовалъ только здѣсь. Прежніе учителя пріучили адѣшнихъ мужиковъ къ воскреснымъ лекціямъ, любительскимъ спектаклямъ, къ запрещеннымъ книжкамъ и всякимъ умственнымъ разговорамъ. Обо всемъ этомъ Дивногорскій не имѣлъ понятія, какъ будто жизнь его до сихъ поръ проходила гдѣ-то въ пустынѣ. И ему хотѣлось какъ можно скорѣе сложить съ плечъ непосильное бремя учительства.

«Уйду въ дьякона», — думалъ онъ, помѣшивая ложечкой простывшій чай. Широкія бѣлыя брови юноши были низко опущены надъ маленькими сѣрыми глазами, смотрѣвшими угрюмо и грустно, а пухлыя, сочныя губы, чуть-чуть оттѣненные золотистымъ пушкомъ, не шли къ глазамъ и складывались въ капризную дѣтскую улыбку. Мысль о дьяконствѣ онъ уже вслухъ высказывалъ сторожу, и сторожъ иронически одобрилъ ее.

Хотѣлось ему объ этомъ поговорить еще съ Миронемъ, молодымъ, грамотнымъ парнемъ, который за послѣднее время что-то часто повадился къ нему приходить. Въ первый разъ Миронъ пришелъ недѣли двѣ назадъ, помолился на икону, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Здравствуйте,

— Здравствуй! Чего тебѣ?

— А до вашей милости, Иванъ Петровичъ, съ до-
кукой.

— Съ какой?

— А вотъ вы люди ученые, всякія умныя книги
читаете...

— Ну, такъ что-же?

— А мы мужики—дураки, ничего не знаемъ...

— Ну?

Миронъ осклабился.

— Нѣтъ ли у васъ какой книжечки почитать?

Дивногорскій не ожидалъ такого вопроса и запнулся.

— Есть у меня книги, да вѣдь они... того...

— Чего?

— Не разрѣшены для васъ, для мужиковъ...

Миронъ словно ждалъ такого отвѣта.

— Какъ это не разрѣшены? Для всѣхъ разрѣ-
шены, а для насъ—нѣтъ? Отчего? Почему такое?

На учителя посыпался дождь щекотливыхъ вопро-
совъ. Юноша растерялся. Вопросы Мирона казались
заранѣе обдуманными и привели учителя къ тому, что
пришлось дать книгу изъ „неразрѣшенныхъ“.

Но Миронъ не отвязался. Черезъ два дня онъ опять
пришелъ—возвратить прочитанную книгу—и опять за-
велъ разговоръ, въ формѣ вопросовъ, которыми онъ какъ-
бы вытягивалъ желаемые отвѣты. Дивногорскому было
не по себѣ.

— А вотъ,—завелъ Миронъ, уже развязно сидя на
стулѣ передъ стоявшимъ учителемъ:—ссть ицо одна
книга по ефтому самому, какъ бы сказать, вопросу...

И онъ, смѣшно перевирая, съ трудомъ выговорилъ
какое-то иностранное слово.

— Вы, чай, знаете ее? читали?

— Нѣтъ, не читаль...—skonфyзившись, произнесъ
юноша.

— А я читаль!—неожиданно заявилъ Миронъ и медленно вытащилъ изъ кармана истрепанную книгу:— не желаете ли почитать? Примѣчательная книга.

Съ тѣхъ поръ они стали обмѣниваться книгами, а визиты Мирона стали почти ежедневными.

„Мужикъ!“ — съ досадою думаль про него Дивногорскій: „какой онъ мужикъ—онъ студентъ! Нахватался гдѣ-то верхушекъ, брошюръ, книгъ, обо всемъ толкуеть, обо всемъ знаетъ, выписываетъ какую-то газету... что я ему дался? зачѣмъ ходить?“

Къ Мирону зародилось у него двойное чувство: завистливой вражды и невольнаго уваженія. Ему хотѣлось сравняться съ Мирономъ въ развитости и выйти изъ того унижительнаго положенія ученика, въ которомъ онъ нечаянно очутился.

Онъ смотрѣлъ въ окно и все хмурился. Веселное утро было тихое, отрадное. На широкую сельскую площадь, заросшую зеленой травой, падала горбатая тѣнь кургана. Волга тихо дрожала на солнцѣ. У берега чернѣла длинная купеческая баржа, которую крючники—буяновцы уже болѣе недѣли съ перерывами нагружали чужимъ хлѣбомъ, а теперь почему-то забастовали, и кажется, что забастовкой тоже руководилъ Миронъ.

За дверью послышались тяжелые быстрые шаги; учитель обернулся. На порогъ стоялъ улыбающійся молодой парень—Миронъ. Онъ вошелъ, и Дивногорскому показалось, что все кругомъ стало яснѣе, веселѣе и проще, а самъ Дивногорскій почувствовалъ себя болѣе умнымъ и болѣе нужнымъ для людей, и все это зависѣло, должно быть, отъ широкой улыбки Мирона, отъ его сіяющихъ сѣрыхъ глазъ и всей крѣпкой, бодрой фигуры.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! чай да кофей,—звучнымъ теноромъ громко заговорилъ Миронъ.

— Милости прошу! — улыбулся и Дивногорскій: — садись за компанію.

— Милости прошу къ нашему грошу со своимъ гятакомъ! — досказаль Миронъ, садясь, и засмѣялся разсыпчатымъ смѣхомъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на студента изъ трестьянъ: это былъ крѣпышъ лѣтъ двадцати семи, блондинъ, съ маленькими бѣлокурыми усами, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ. Сѣрые глаза его искрились умомъ, хитростью и весельемъ. Такія лица бывають у бѣдняковъ-студентовъ и еще у нѣкоторыхъ рабочихъ. Волосы онъ стригъ „ежиномъ“, одѣвался въ синюю рабочую блузу и высокіе сапоги. Но, походя на студента, онъ все-таки оставался мужикомъ: онъ былъ крѣпкій, ядреный, сочный какъ морковь, только-что вытащенная изъ влажной, теплой земли. Онъ весь былъ насыщенъ запахомъ солнца и поля.

Миронъ придвинулъ къ себѣ стулъ, сѣлъ къ самовару и, кивнувъ на открытое окно, спросилъ:

— Любуется?

— А чѣмъ тутъ любоваться? — угрюмо отвѣтилъ учитель.

— Какъ чѣмъ? Лѣсъ горить! Казенный лѣсъ! Вы сходите-ка на курганъ, да оттудова поглядите: такъ и полыщеть! Дымище надо всей Волгой столбомъ стоять! Страсть! Вотъ, братъ, Иванъ Петровичъ, до чего дошло

— Отчего же оно горить? — пробурчалъ учитель, змурясь и прихлебывая чай.

Миронъ слегка отодвинулся отъ стола, прочно усѣлся на стулъ, какъ разъ противъ учителя, разставилъ короткія ноги въ тяжелыхъ сапогахъ, уперся руками въ колѣни, глубокомысленно нахмурился и воскликнулъ своимъ звучнымъ груднымъ теноромъ:

— Какъ отчего? Да мужики же поджигаютъ! Неужто не знаете? Стражники давно ужъ перестали ту-

шить: все равно никакого толку не выйдеть, вродѣ того, какъ бы на смѣхъ; въ одномъ концѣ заляютъ, а — хватъ — съ другого занялось. Рази можно что подѣлать супротивъ народа? Все сгорить!

— Неужели? — изумился учитель, близко нагнувшись къ Миرونу и глядя ему въ лицо.

А свѣтло-сѣрые глаза Мирона сіяли какимъ-то особеннымъ привлекательнымъ огонькомъ. Онъ пришелъ точно до краевъ переполненный какими-то большими чувствами.

— Весь народъ, — продолжалъ Миронъ самоуверенно: — зашевелился! На томъ берегу что дѣлается — слышали? Васильевцы забастовали ренду платить, говорятъ: не дадимъ одиннадцать рублей за десятину, хотимъ только пять... А въ другихъ которыхъ деревняхъ и того не платятъ: давайте, говорятъ, намъ землю даромъ, потому что наша она — крестьянская!

Миронъ энергично потрянулъ головой, стукнулъ себя по колѣну и воскликнулъ, сія глазами:

— И дали даромъ! Ого!

Онъ весь дышалъ злораднымъ мужицкимъ торжествомъ. Широкая синяя блуза была полна его мускулистымъ, крѣпкимъ тѣломъ, облежала плечи, и замѣтно было, какъ высокая плотная грудь Мирона глубоко и свободно дышала.

Учитель, облокотясь на подокошникъ и вытянувъ свои длинныя, худыя ноги въ короткихъ брюкахъ, молча смотрѣлъ на него, слушалъ, заражался его самоуверенностью и ощущалъ желаніе такъ-же волноваться, имѣть такую-же объемистую грудь, какъ у Мирона, и такимъ же звучнымъ груднымъ голосомъ говорить о свободѣ.

— Димакраты! — неожиданно воскликнулъ Миронъ: — они говорятъ этакъ, иные — прочіе господа — такъ! — Онъ повернулъ растопыренную ладонь сначала въ одну.

потомъ въ другую сторону.—И всѣ промежь собой споръ ведутъ!

Онъ развелъ руками, пожалъ плечами и глубоко-мысленно нахмурился.—Не намъ ихъ разбирать! Мы, мужики, знаемъ одно: землю! Тамъ вы какъ хотите, а намъ перво-на-перво землю подайте! нарѣжьте намъ землю, а потомъ мы уже поглядимъ и сами разберемъ всю вашу нелягальную литературу.

Миронъ чуть было не подавился двумя послѣдними словами, но выпалилъ ихъ самоувѣренно.

— А не дадите — сами возьмемъ! — добавилъ онъ гордо.

Когда онъ заговорилъ о землѣ, лицо его преобразилось, приняло одухотворенное, поэтическое выраженіе, глаза сверкали, грудной голосъ тепло вибрировалъ. И чувствовалась въ немъ могучая жажда земли, нѣжная любовь къ ней. Онъ словно сжалъ и затаилъ въ сердцѣ что-то огромное и тяжелое, и только слово „земля“ могло всколыхнуть затаенное.

Сильнымъ человѣкомъ показался въ эту минуту Миронъ Дивногорскому.

— Да будетъ ли все это когда-нибудь?—жалобно спросилъ учитель:—побѣдить ли народъ?

Миронъ словно загорѣлся весь.

— Будетъ!—съ необыкновенной силой убѣжденія отвѣтилъ онъ:—побѣдить! Восторжествуетъ правда!

Глубоко взволнованный, онъ замолчалъ и, глядя на собесѣдника блестящими глазами, полными слезъ, почти прошепталъ трепещущимъ отъ сильнаго чувства голосомъ:

— Насталъ великій часъ!

Оба торжественно замолчали. Сердце Дивногорскаго трепетало. Слово волна прокатилась и захватила ихъ, или огненная искра, родившись въ душѣ одного, проникла въ сердце другого и обожгла это сердце.

Слезы на глазахъ мужика сверкнули и высохли, го-

лось опять зазвучать ровно и твердо, но долго еще послѣ этой минуты сердце юноши продолжало горѣть и трепетно биться.

Миронъ придвинулся къ нему ближе, наклонился къ самому лицу и заговорилъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ:

— Въ Ключахъ мужики землю захватили у помѣщиковъ... Выѣхали въ поле и давай пахать... Конечно, скачеть стражникъ верхомъ. „Что вы дѣлаете?“ А ему говорить: „не лѣзь! рази не видишь? весь міръ здѣсь.“

Голосъ Мирона опять затрепеталъ и зазвенѣлъ, какъ струна, лицо словно освѣтилось изнутри, глаза сияли.

— Весь міръ!—повторилъ онъ, вставая и наклоняясь къ другу; въ мерцающихъ глазахъ Мирона былъ восторгъ и любовь, дѣтская вѣра и сила внушенія:—міръ!..

Онъ хотѣлъ было разъяснить смыслъ этого слова учителю, но только махнулъ рукой и сталъ продолжать:

— Стражникъ поглядѣлъ видить—народу много, что съ нимъ подѣлаешь, съ народомъ-то,—подумалъ и говорить: „братцы, я и самъ знаю, что ничего противъ васъ не могу, да вѣдь—служба, взыщутъ съ меня! Вонъ управляющій на меня въ окошко глядитъ! Пожалѣйте, притворитесь, будто бы я васъ прогналъ, такъ—для близиру. а когда уѣду—опять пашите!“

Ну, мужики пожалѣли его, повернули назадъ, стражникъ уѣхалъ, а они воротились. Управитель все это видитъ и присылаетъ сказать имъ: „хочу, дескать, добромъ поговорить съ вами, соберитесь къ моему крыльцу“. Мужики послушались, пришли. Вышелъ на крыльцо старичишко, Мосеемъ его зовутъ, я его знаю: хитрый, изъ мужиковъ онъ, и вся мужицкая душа наизусть ему извѣстна. Локлонился на обѣ стороны всему народу, сдѣлалъ харю ласковую и говорить: „православные! не

я хозяинъ землѣ, мнѣ все равно, а только я добра вамъ хочу, потому какъ и самъ я мужикъ. Ну, хорошо, западете вы землю... вѣдь должны вы знать, что даромъ это вамъ не пройдетъ: прѣдутъ казаки, начальство, что тутъ хорошаго? а не лучше ли, говорить, сдѣлать такъ: я вамъ земличку-то вспашу и посѣю на ней, а время придетъ—уберу, обмолочу и въ амбаръ ссыплю. А вы осенью придете, да все готовенькое и возьмете? Ась?”

Миронъ, изображая управляющаго, заговорилъ смѣшнымъ старческимъ голосомъ и состроилъ такую комическую рожу, что учитель не выдержалъ и расхохотался.

— Ахъ, чортова ноздря!—воскликнулъ онъ, заливаясь тонкимъ бабьимъ смѣхомъ и брыкнувъ ногами:—ну, что-же мужики-то?

— Мужики?—ухарски переспросилъ Миронъ:—мужики задумались, помолчали маленько, а опосля того говорить ему: „вѣрно!“

И опять онъ изобразилъ изъ себя мужиковъ, которые задумались надъ ехиднымъ предложеніемъ старичишки, неуклюжія мужичьи фигуры, простодушныя рожи и легковѣріе на этихъ рожахъ.

— Хи-хи-хи! — взвизгивалъ развеселившійся учитель, —чудакъ ты, братъ, Миронъ! Какъ это все у тебя ловко выходитъ! И откуда ты все знаешь? Я вотъ, напимѣрь, про здѣшнюю забастовку и то ничего не знаю.

— А что-же вамъ рази надо про нее знать?—серьезно спросилъ Миронъ.

— Очень любопытно!—вспыхнувъ, признался юноша.

— Ну, такъ я расскажу вамъ...

Миронъ опять отодвинулся отъ учителя, облокотился на спинку стула, положилъ ногу на ногу и сталъ рассказывать.

— Составилась насъ артель,—началъ онъ дѣловымъ, обстоятельнымъ тономъ:—въ двѣсти пятьдесятъ человекъ. Прежде-то всегда по четыре рубля съ тысячи

грузили, а теперича захотѣли наши грузчики свою цѣну поставить. Отрядили меня съѣздить въ городъ — цѣны узнать. Поѣхалъ я. Вижу, въ городѣ всѣ бастуютъ, грузчики — тоже, и мы забастовали на десяти. Тогда купецъ бросился въ степныя деревни и набралъ тамъ пока-что человекъ тридцать по старой цѣнѣ. Мы имъ сказали: „что вамъ за охота — по четыре, когда мы хотимъ не только для себя, но и для васъ десяти достигнуть. Вѣдь васъ тридцать, а насъ двѣсти пятьдесятъ, вашей смѣнѣ разъ въ недѣлю придется грузить. Много ли заработаете? Проѣдите больше!“ Ну они сейчасъ-же перешли на нашу цѣну и стали вмѣстѣ съ нами бастовать. Онъ — другую артель, — и другая къ намъ пристала. Дѣлать нечего — согласился. Поработали немного — опять вчерась забастовали: просимъ двадцать.

— Ну, это, пожалуй, не того, нехорошо! — возразилъ учитель.

— Нехорошо-о? — иронически протянулъ Миронъ и вдругъ поблѣднѣлъ; на лицѣ его выразилась ненависть, тонкія ноздри расширились, глаза сверкнули недобрымъ огнемъ и весь онъ, энергичный и дикій, напомнилъ какого-то красиваго, опаснаго звѣря.

— Нѣтъ, это хорошо! — крикнулъ онъ. — Купецъ-то вѣдь скулилъ: „что вы со мною дѣлаете? Это раздѣванье нашего брата! Я, говорить, въ городъ поѣду, губернатору донесу, казаковъ сюда потребую, усмирю васъ!“ А я и говорю ему: „ваше степенство! сколько лѣтъ мы чуть не даромъ на васъ работали, когда была ваша сила, а вѣдь не ѣздили къ губернатору усмирять вашъ аппетитъ! Отчего-же вы-то, говорю, теперь о казакахъ мечтаете? Что у насъ здѣсь? беспорядки али бунтъ? ничего, молъ, такого нѣтъ! Напротивъ того — у насъ, ваше степенство, теперича оч-чень даже тихо! А ежели вамъ кажется, что отъ нашей забастовки ваша милость

чахнуть и хизнеть, то, молъ, у вашего степенства еще многопко осталось!“ Подошелъ и пальцемъ ему въ толстое брюхо ткнулъ.

Миронъ зло засмѣялся и началъ ходить по комнатѣ. Учитель сконфуженно слѣдилъ за нимъ глазами и, видимо, не находилъ возраженій.

Успокоившись, Миронъ опять заговорилъ:

— У насъ вѣдь на самомъ дѣлѣ тсперича во всемъ селѣ тишина: ни дракъ, ни пѣсенъ! Винную лавку закрыли приговоромъ, всемъ селомъ согласились такъ, чтобы не пить: не такое время. Мужикъ теперь долженъ быть постоянно трезвый, потому-что пьяный онъ не вытерпитъ, разгорячится и выболтаетъ что-нибудь секретное..... У насъ только одинъ разъ и отпирали казенку, когда намедни исправникъ пріѣзжалъ и съ похмѣлья былъ...

Миронъ стоялъ посреди комнаты, широко разставивъ ноги, и, потрясая поднятой кверху рукой, ораторствовалъ передъ учителемъ:

— Протрезвились мужики! Проспались! Призадумались! Помяните мое слово: будутъ теперь дѣла у насъ!...

И какъ бы вспомнивъ что-то внезапное, Миронъ развеселился и прервалъ самого себя:

— А попь-то нашъ!..—весело вскричалъ онъ:— слышали, какъ онъ проповѣдь сказалъ про нашу забастовку?

— Нѣтъ, я не былъ,—отозвался учитель.

— Не были? Скандалъ вышелъ въ церкви! Пошли мы съ отцомъ моимъ пѣвчихъ послушать въ воскресенье къ обѣднѣ... Ладно. Вотъ попь вышелъ проповѣдывать. „Горе вамъ, говорить, братіе... Ефто все виѣшніе и внутренніе враги устраиваютъ вамъ ваши окаянныя забастовки. Всѣ, говорить, будьте довольны тѣмъ, что у васъ есть, а лишнее—ближнему. А кто ближ-

ний? Начальники“. Тутъ мой отецъ не вытерпѣлъ, протолкался къ нему поближе, да какъ заоретъ ему на всю церкву, проповѣдь перебилъ: „батюшка! У насъ вотъ земли нехватка, а у помѣщиковъ много ее! Что-же они съ нами не подѣлятся?“

Голосъ Мирона опять дрогнулъ уже знакомой учителю струнной дрожью, лицо преобразилось, на глазахъ сверкнули слезы. И опять волна сильнаго чувства охватила обонхъ, а жгучая искра, рожденная однимъ сердцемъ, вновь зажгла другое. Слово „земля“ гремѣло въ душѣ Мирона, оно потрясало ее, зажигало въ немъ сердце. Только это слово.

— Остановился попъ и отвѣчаетъ строго: „а это, говорить, кому сколько дадено свыше: овому талантъ, овому два“. Тутъ вся церква такъ и загудѣла: „а! хорошо попу говорить! Онъ сытъ!“ Отецъ мой подступилъ къ нему совѣмъ близко, головой мотааетъ, длинную бороду впередъ выставилъ, весь дрожить со зла, лысина свѣтится, кафтанъ распахнулъ, уперся въ боки, да и говорить ему: „эхъ ты, попъ, попъ ты и есть! Пустозвонъ ты, пустосвятъ! Все-то ты врешь, да еще и писанія не знаешь! Понимаешь ли ты, что значить талантъ, въ какомъ смыслѣ и къ чему про талантъ въ писаніи сказано?“ и пошелъ, и пошелъ чесать... А народъ галдитъ, никто никого не слушаетъ. Скандаль! Попъ — тягу, въ алтарь, а народъ весь изъ церкви разошелся съ руганью, съ гвалтомъ, со злостью...

Миронъ выпрямился и воскликнулъ, смѣясь:

— Вотъ такъ обѣдня была!

Онъ жестикулировалъ передъ учителемъ, въ лицахъ изображая попа, своего отца и мужиковъ, а учитель, не спуская съ него глазъ и съжившись на стулѣ, жадно слушалъ его рассказы. Онъ думалъ о попѣ и о томъ, что такое талантъ.... И талантъ казался ему то могучей волной любви одного человѣка къ другимъ лю-

дямъ, то жгучей искрой, рожденной сильнымъ сердцемъ и зажигающей слабыя души. Въ головѣ его смутно мелькала мысль, что, пожалуй, не стоитъ уже уходить въ дьякона, потому-что тогда Миронъ навѣрно лишитъ его дружбы, прекратитъ свои интересныя посѣщенія, и что надо какъ-нибудь такъ жить, чтобы возвыситься во мнѣни Милона. Но какъ-же? Что нужно дѣлать?

— Приходи уже на кургань!—какъ бы отвѣчая на его мысли, сказалъ Миронъ и взялся за картузь.

— А что?—просіялъ вдругъ учитель.

— Будетъ собраніе трезвенниковъ, всего нашего кружка сознательныхъ мужиковъ!

— Приду, непременно приду!—радно забормоталъ учитель, вставая во весь свой длинный ростъ и возбужденно махая руками: —я теперь — вотъ что: я прямо—вашъ! да! повѣрь мнѣ, Миронъ, милый ты человѣкъ, ей-Богу!.. Примите меня, пожалуйста, въ этотъ вашъ мужицкій кружокъ! а? можетъ, и я пригожусь вамъ на что-нибудь? ну, хоть писаремъ, что-ли..

На глазахъ юноши сверкнули слезы.

Миронъ синсходительно засмѣялся.

— Ладно, ладно!—сказалъ онъ, протягивая учителю сильную, загорѣлую лапу:—тамъ видно будетъ! Парень ты хорошій. только не ходи въ дьякона: не къ лицу это учителю!

— Ни за что!—вскричалъ учитель:—какіе тамъ къ чорту дьякона! Я съ вами!..

— Ну, то-то!..

— Это я какъ, сдуру болталъ, а теперь у меня голова просвѣтлѣла! ей-Богу, голубчикъ Миронъ!

И принявъ степенный видъ, юноша дѣловито спросилъ:

— Насчетъ чего будетъ собраніе?

— Михайлу Василича судить будемъ!—спокойно отвѣчалъ Миронъ.

— Судить? агронома?—изумился Дивпогорскій:—это за что-же?

— А тамъ увидишь... Недовольны имъ мужики... Началь онъ назадъ пятиться, какъ ракъ... А мужики на умѣ держуть много... Вотъ теперь лѣса горять!—широко махнулъ онъ рукой:—а придетъ осень, усадьбы запылаютъ! да!

Глаза Мирона сверкнули ненавистью.

Озадаченный учитель немножко попятился отъ мужика.

— У меня въ аккуратъ есть книжечка для васъ по ефтому самому—какъ бы сказать—вопросу,—продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ Миронъ и полъвъ въ карманъ штановъ; онъ вытащилъ оттуда маленькую, сложенную вчетверо, книжонку и молча сунулъ ее учителю.

— Это что? — спросилъ тотъ, съ любопытствомъ развертывая тонкую бумагу.

Тогда Миронъ оглянулся по сторонамъ, близко наклонился къ плечу учителя и, понижая голосъ почти до шопота, сказалъ сильно, многозначительно и любовно: „не-ля-га-шка!“

Учитель вздрогнулъ и застылъ на мѣстѣ съ „неля-гашкой“ въ рукѣ. Ротъ его раскрылся, сердце горѣло.

— Ничего, ничего... — успокаивалъ его Миронъ, уходя:—займись.

Глаза ихъ встрѣтились и оба они почувствовали, что теперь уже заключенъ между ними прочный, важный союзъ, какъ будто за время разговора души ихъ, наконецъ, соприкоснулись и одна изъ нихъ, горящая, побѣдила другую—темную

III.

На затылкѣ кургана, тамъ, гдѣ по отлогому зеленому склону росла кудрявая роща, собралось на полянѣ: человекъ двадцать-тридцать мужиковъ. Немного

лонниже горной дороги, въ тѣни деревьевъ, на горбѣ кургана, пестрѣли они своими разноцвѣтными рубашками; фигуры въ этихъ рубахахъ стояли, сидѣли, полулежали на травѣ въ разнообразныхъ позахъ.

Тутъ были пожилыя кудластыя головы, густыя черныя и рыжія бороды, лапти, сапоги, босыя ноги. Молодые парни были въ блузахъ и брюкахъ и носили длинные волосы, закинутые назадъ.

Въ центрѣ всей группы, въ позахъ противниковъ, сидѣли другъ противъ друга Миронъ и земскій агрономъ Михайло Васильичъ, давнишній другъ и руководитель буяновцевъ. Рядомъ съ Мирономъ сидѣлъ учитель.

Агрономъ и Миронъ спорили.

Всѣ слушали.

Михайло Васильичъ былъ худенькій, маленькій человѣчекъ въ пиджакѣ, косовороткѣ и высокихъ сапогахъ. Блѣдное, нервное лицо его съ подстриженной, остренькой бородкой, въ которой уже пробивалась кое-гдѣ сѣдина, казалось измученнымъ.

Онъ полулежалъ на травѣ, нервно комкалъ и кусалъ сорванный стебель и внимательно, враждебно слушалъ. Говорилъ Миронъ.

— Пятнадцать лѣтъ!—звучалъ его грудной голосъ:—пятнадцать лѣтъ шепталъ ты намъ каждому по-одиночкѣ, а которымъ чуть ли не съизмальства: „поднимайтесь“, а мы — спали, ходили впотьмахъ, боялись, какъ маленькіе ребятишки. Мы тогда, правду сказать, мало что у тебя понимали. А все-таки мы думали: ежели придетъ это время, то ужъ никто, какъ онъ пойдетъ у насъ впереди...

Миронъ сидѣлъ въ центрѣ всей толпы, поджавъ подъ себя ноги, нервно возясь на мѣстѣ и сдвинувъ картузь на затылокъ. Лицо его было серьезно, брови нахмурены, плотная грудь глубоко дышала; что-то сильное хотѣлъ онъ сказать и не находилъ подходящихъ

словъ. Онъ перевелъ духъ, отеръ потъ со лба и хмуро задумался. Учитель подобострастно смотрѣлъ ему въ лицо. Толпа молчала.

По густымъ, сочнымъ вѣтвямъ березъ, липъ и вязовъ скользили теплый весенній вѣтерокъ, и листья тихо, задумчиво шелестѣли. Сквозь темно-зеленую листву мелкими бликами пробивалось золото солнечнаго свѣта и падало пятнами на густой, зеленый коверъ травы. Солнце садилось за потемнѣвшія горы. Съ кургана раскрывался громадный горизонтъ: было видно Волгу, всю гряду жигулевскихъ горъ и безграничную, ровную степь. За Волгой темныя горы разостлали по ней свои черныя, какъ тучи, тѣни, а вдали, въ матовой дымкѣ вечерняго тумана, гасли на солнцѣ золотыя главы церквей большого каменнаго города. Чуть слышно доносился оттуда серебристый звонъ колоколовъ. Съ грустью задумалась Волга, блестящая, какъ сталь. Все мрачнѣе и мрачнѣе становились тѣни.

Надъ лѣсомъ стоялъ дымъ.

Нѣжною, печальною грезой, восточной сказкой вѣяло кругомъ.

Вся страна была, какъ мучительно-грустная, красивая пѣсня о скованной силѣ, о задавленномъ гнѣвѣ...

Такъ хороши были эти печальныя горы... высокія, прямыя, какъ свѣчи, сосны... „Люблю“ — хотѣли сказать мягкія очертанія горъ, полная грудь Волги и то-скливая степная даль... „Люблю“ — думало все кругомъ.

Горы и сосны молили небо о чемъ-то...

Но безжалостно смотрѣло оно и молчало.

— Выслушай ты насъ, пойми ты насъ! — нервно звенѣлъ голосъ Мирона: — мы терпѣли, и отцы наши терпѣли, и дѣды и прадѣды терпѣли... Мы сотни лѣтъ терпѣли... А когда мы спрашивали, гдѣ правда, насъ умиряли, сѣкли, сажали въ остроги, и мы опять терпѣли. Конца не было нашему терпѣнію... Будь оно про-

клято—мужицкое терпѣніе! Кровавыми слезами мы поливали вотъ эту каменистую землю, костями своими удобряли ее. И—терпѣли...

Толпа безпокойно зашевелилась и глухо, невнятно застонала: не было словъ и не было ясныхъ восклицаній: былъ только стонъ и вдохъ одной общей груди.

— Но вотъ пришелъ конецъ нашему терпѣнію... мы пришли къ тебѣ и сказали: „веди насъ, указывай, что намъ дѣлать; мы согласны.“ А ты что намъ сказалъ? Ты испугался первый! Ты не ведешь насъ и прочь не отходишь и даже—мѣшаешь намъ! Зачѣмъ же ты намъ столько лѣтъ говорилъ, коли словъ своихъ не можешь оправдать на дѣлѣ? Вспомни, какъ ты намъ возвѣщалъ о правдѣ и училъ, какъ надо стоять за нее, жертвовать всѣмъ, что только есть у тебя, оставить все, что дорого сердцу,—жену, отца и мать—и идти. И, когда у насъ открылись глаза—вспомни, легко ли намъ было исполнять то, что ты требовалъ? Мы по ночамъ ходили къ тебѣ, а наши жены не знали, куда мы ходимъ, допытывались, ревновали, плакали... Эхъ! Бывало, сердце переворачивается, когда воротишься домой подъ утро, а жена-то на крыльцѣ сидитъ и все ждетъ и все плачетъ, и не понимаетъ ничего. Да какъ начнетъ молить, чтобы сказалъ, кто ея разлучница, да головой объ землю биться, да обмирать—такъ свѣта божьяго не взвидишь! Я свою-то жену тогда подъ навѣсомъ съ возжей снялъ, да цѣлый годъ она, бѣдная, не въ своемъ умѣ была—вотъ до чего доходило!.. А рассказать, открыть—нельзя было: страшную клятву взялъ ты съ насъ, ты училъ насъ тайну свято хранить! И мы сохраняли. А старики воевали съ нами изъ-за Бога, изъ-за церкви, изъ-за постныхъ дней!.. Что только было въ семьяхъ, — какой содомъ! какая распря! Но для насъ твои рѣчи были, какъ новая вѣра, за которую мы всѣ съ радостью готовы пострадать!..

Ты посмотри-ка теперь на село,—что съ нимъ стало? Всѣ ходять со свѣтлымъ лицомъ, трезвые, точно къ причастію готовятся! А у тебя, скажи-ка, признайся, что на душѣ? Кажется намъ теперь, что одинъ только страхъ у тебя тамъ, страхомъ полна вся твоя душа! Ну, такъ что-же? Ступай куда-нибудь отъ насъ по-дальше, на покой, мы тебя не неволимъ, только хотъ не мѣшай ты намъ, ради Христа!... Кончилось время, когда по задворкамъ-то шептались, пора громко говорить! Насталъ часъ идти намъ всѣмъ добывать свое мужицкое счастье!..

Слова о мужицкомъ счастьеѣ Миронъ произнесъ торжественно, глубокимъ голосомъ. Этотъ крѣпкій, грудной голосъ дрогнулъ всѣмъ знакомой огненной дрожью, лицо Мирона преобразилось, глаза сверкнули слезами. Отъ глазъ и отъ словъ его изошла зажигающая сила. Онъ стоялъ передъ изможденной фигурой Михайла Васильича, словно вылитый изъ бронзы, сильный, молодой, вдохновенный.

— Не становись на дорогѣ, Михайло Васильичъ, уходи!—прошептала онъ, энергично тряхнувъ головой.

У Михайлы Васильича дрожали руки, мигали глаза, судорожно подергивались беззвучныя, блѣдныя губы. Толпа молчала.

Внизу, рядомъ съ курганомъ, сѣрѣли крыши избъ, тянулась, какъ лента, дорога, исчезающая за селомъ въ сосновомъ лѣсу.

У берега чернѣла длинная баржа, отъ которой были спущены мостки на берегъ. На берегу виднѣлся складъ мѣшковъ съ хлѣбомъ. Толпа народа въ цвѣтныхъ рубахахъ усѣяла берегъ. Она все увеличивалась; къ ней со всего села сползались люди, казавшіеся съ высоты кургана кучкой разноцвѣтныхъ насѣкомыхъ. Все внизу уже тонуло въ сумеркахъ, и только верхъ кургана освѣщался красными лучами солнца.

— Вѣрно ли я сказалъ?—спросилъ Миронъ, обращаясь къ собранію:

Толпа молчала. Въ ней копилась тяжесть, готовая оторваться и упасть, какъ нависшая капля.

— Вѣрно!—вдругъ рѣзко вымолвилъ кто-то.

И тогда что-то прорвалось и хлынуло. Всѣ загалдѣли разомъ.

— Вѣрно! Вѣрно! Все сказалъ!

— Пора въ отставку! Ха!

— Отобратъ довѣренность!

— Пусть уходитъ! Невозможно съ нимъ!. Несогласны!

Михайло Васильичъ поблѣднѣлъ. Губы его искривились, глаза часто замигали, лѣвая бровь подергивалась.

— Господа! — шевелилъ онъ губами, озираясь на всѣ стороны.

— Уходи!—кричали кругомъ возбужденныя, враждебныя лица.

Михайло Васильичъ переводилъ растерянный взглядъ съ одного лица на другое, желая найти хоть одно сочувствующее, и не находилъ. Онъ стоялъ на бугрѣ одинъ передъ бунтовавшей толпой.

— Уходи!—галдѣли мужики.

Тогда онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ, прося слова, и толпа мало-по-малу стихла.

Михайло Васильичъ заговорилъ хриплымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Сначала онъ заикался и подбиралъ слова, но потомъ овладѣлъ собой и сталъ говорить свободнѣе, горячо жестикулируя и пронизывая мужиковъ колющимъ, пронизательнымъ взглядомъ.

— Постойте!—крикнулъ онъ:—въ чемъ дѣло?... за что вы гоните меня?... не за то-ли, что я пятнадцать лѣтъ воспитывалъ, развивалъ... училъ васъ? Пятнадцать лѣтъ шептался съ вами по задворкамъ? Но какъ бы я могъ иначе говорить, если бы не шептался? я шепталъ вамъ великія слова... слова о правдѣ.. о человѣческомъ счастьѣ... о томъ, чтобы вы

поднялись когда-нибудь... я налагалъ на васъ страшныя клятвы, и вы держали ихъ, вы повинувались одному моему слову, вы всегда вѣрили мнѣ... И оттого я пробылъ съ вами такъ долго и создалъ васъ! Не за то ли вы гоните меня, что я отдалъ вамъ лучшую часть моей жизни, или, можетъ быть, за то, что я любилъ васъ, какъ своихъ дѣтей?

Теперь—дальше: вы укоряете меня за то, что вы рѣшили „подниматься“, а я не соглашаюсь подниматься вмѣстѣ съ вами, не исполняю моихъ словъ на дѣлѣ... Но какъ вы поднимаетесь? Стихійно! Вы поджигаете лѣсъ, открыто захватываете землю, собираетесь громить помѣщиковъ! Мнѣ не жалко лѣса и не жалко помѣщиковъ, мнѣ жалко васъ: васъ разгромить казаки, васъ перебьютъ, разсажаютъ по тюрьмамъ! Погибнетъ мой трудъ, погибнетъ все, надъ чѣмъ я трудился пятнадцать лѣтъ! Если за это вы гоните меня, то я откровенно заявляю вамъ: да, я не пойду впереди васъ, я буду останавливать васъ на этомъ пути, до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечена побѣда! Я умоляю васъ: подождите, готовьтесь понемножку, потихоньку, не вступайте въ открытую борьбу... Я всю жизнь боялся, всю жизнь хитрилъ и говорилъ шопотомъ—и теперь уже не могу иначе и не вѣрю еще, что настало время громко говорить!.. Можетъ быть, придетъ время, когда я рѣшусь и докажу своею смертью, что не смерти я боялся! Послушайте меня, какъ слушались прежде, не выходите подъ выстрѣлы, поберегите себя... вы—мужичья интеллигенція, васъ мало! Васъ перебьютъ свои же, темные, несознательные односельчане...

Вы подумайте только, что начинается теперь въ деревняхъ: все перемѣшалось, перепуталось, какая-то всеобщая смута, льется кровь, отнимаютъ землю, лѣсъ разгорается...

— Будетъ! — крикнули ему: — поздно тушить! И не тебе бы за это дѣло братья! Сказано—уходи!

— Довольно, Михайло Васильичъ! Брось возжи! Теперь мы сами хотимъ, одни, безъ тебя! Не хотимъ по старому!

Мужики размахивали руками и возбужденно шумѣли:

— Врутъ, всёхъ не перебьютъ!

— Чего тутъ? уходи домой!

— У насъ Миронъ будетъ замѣсто тебя!

— Не хочешь быть впереди, такъ останешься сзади!

— Онъ—ни взадъ, ни впередъ!

— Стара стала—уставать стала!

Краска сдержаннаго гнѣва залила блѣдныя щеки агронома.

Прощайте, больше не о чемъ говорить!—прерывающимся голосомъ, рѣзко крикнулъ Михайло Васильичъ. Онъ весь перекосясь, безнадежно махнулъ рукой, повернулся отъ мужиковъ и сталъ спускаться съ бугра внизъ по откосу. Ноги его скользили по влажной травѣ и онъ прыгая, побѣжалъ внизъ, раскинувъ руки, какъ подшитоленные крылья. На обгуг онъ цѣплялся за кусты и камни, мадая то на одну, то на другую сторону, и былъ въ это время похожъ на подстрѣленную птицу.

Онъ побѣжалъ все быстрѣе, спотыкаясь и поднимаясь, и, наконецъ, пропалъ изъ глазъ.

Солнце погасло за горами, и только широкое, кроваво-золотое зарево весенняго заката великолѣпно пылало и медленно гасло на причудливыхъ облакахъ. Закатъ былъ гнѣвнымъ: его золотистыя краски чуть замѣтно багровѣли, сгущались, темнѣли и блекли. А уже все кругомъ одѣвалось мягкими, печальными тѣнями, погружалось въ густую, теплую тьму. И на все легла печать грусти и величавой, строгой думы: какъ оудто великій гнѣвъ и безмолвную, смертельную боль затанло въ себѣ могучее, молчаливое сердце.

Вдали задрожали безчисленные, серебристые городские огни. Съ темнѣющаго неба одна за другой стали выглядывать любопытныя, милыя звѣздочки, а надъ лѣсомъ ясно обозначилось грандіозное зарево лѣсного пожара. Угасающій закатъ перелился въ грозное, живое пламя.

Казалось, что за гребнемъ темныхъ, угрюмо-задумчивыхъ горъ бушуетъ огненно-красное море, что оно идетъ все ближе и ближе, охватывая лѣсъ.

Алые волны рдѣли, вздымались и падали, и опять вздымались, а надъ ними трагически пылало небо.

Свѣтъ колоссальнаго пожара озарялъ весь курганъ отъ подошвы до вершины фантастическимъ красноватымъ сіяніемъ, и оно возбуждало людей, раздражало и звало куда-то.

Внизу, около подошвы кургана, отблески огня освѣщали огромную черную толпу народа; она копошилась и сердито ворчала.

Отъ околицы села скакалъ къ ней отрядъ казаковъ; съ кургана было видно, какъ болтались за ихъ спинами ружья.

Мужики на курганѣ всѣ обернулись лицомъ къ Мирону.

Освѣщенный краснымъ заревомъ, въ рубахѣ, съ шапкой на затылкѣ, приставивши щитомъ ладонь одной руки къ глазамъ, а другой отстраняя отъ себя учителя, который хотѣлъ ему что-то сказать, онъ стоялъ выше всѣхъ ихъ, на бугрѣ, откуда только-что сошелъ Михайло Васильичъ.

Лицо Мирона выражало напряженное, сумрачное вниманіе, глаза стали острыми и, словно впиваясь во что-то, грозно смотрѣли изъ-подъ густыхъ, сдвинутыхъ бровей поверхъ ихъ головъ, туда, гдѣ готовилась битва.

Въ воздухѣ пахло дымомъ.

Лѣсъ разгорался...

ТРИ ЗНАМЕНИ.

Надъ землею вьется знамя, знамя черное.
Знамя черное, громадное, какъ туча.
Стонетъ, плачетъ чья-то грудь подъ пыткой.
Долго стонетъ.. Какъ она могуча!

Въ грудь могучую,
Въ грудь живучую,
Злымъ судьей на смерть осужденную,
Кто-то сталь вонзилъ раскаленную,
Кто?
Кто этотъ великанъ, свалившій великана?
Какъ шла борьба? Великая борьба?
Судьба-ли это? Или не судьба?
И не было-ли здѣсь обмана?

Не видно ничего. Откуда тьма кругомъ?
А! Знамя черное родило эту тьму.
Чуть слышно борется замученный съ врагомъ.
Куда вошелъ я? А! Въ тюрьму.

Вотъ знамя черное замкнулось аркой свода.
Какъ душно здѣсь! И хочется кричать.
И я рванулся. Закричалъ:—Свобода!—
А эхо мнѣ отвѣтило:—Молчать!—

Тюрьма. Мы всѣ живемъ въ тюрьмѣ,
Подъ чернымъ знаменемъ окаменѣлымъ.
Въ тюрьмѣ, гдѣ можно лишь страдать душой и тѣломъ,
Иль ползать гадами во тьмѣ.
Во тьмѣ! Во тьмѣ!

Вы, что родились
Подъ чернымъ знаменемъ,
Подъ страшнымъ символомъ бича и тьмы,
Давайте грезить
О свѣтломъ времени,
О дняхъ паденія твердынь тюрьмы.
Давайте грезить.
Вотъ знамя черное
Въ клочки разорвано. Геритъ въ кострахъ.
Тюрьма упала.
Вбѣгутъ тюремщики,

Въ преступныхъ душахъ ихъ и злость, и страхъ.
 Ужъ мы свободны.
 Вотъ символъ новаго—
 Мы знамя бѣлое несемъ впередъ.
 Ужъ мы не стадо
 Рабовъ закованныхъ.
 Ужъ мы—стихія, Ужъ мы—народъ.
 Проходить годы.
 И трудъ свободнаго,
 И геній смѣлаго творять, творять.
 Надъ нами знамя
 Святое, бѣлое,
 И нѣтъ возврата намъ въ тюрьму, назадъ.

Но кто это? Кто тамъ? Подходятъ сюда...
 Ихъ много. Какъ много... Все страшныя лица.
 Эй! Кто вы, бродяги? Вонъ наша граница!
 Здѣсь строится мирное царство труда.
 Эй! Кто вы, бродяги? Откуда? Куда?

—Не бродяги мы. Не люди мы.
 Мы—лишь призраки людей.
 Стоны, слезы—мы. Мы вырвались
 Изъ раздавленныхъ грудей.
 Наше небо—пропасть черная,
 Каждый день нашъ—черный день.
 Мы изъ тюрьмъ идемъ, изъ каторги,
 Изъ голодныхъ деревень.
 Тамъ религія—безправіе.
 Тамъ пророки—палачи.
 Тамъ земля и стѣны шепчуть:
 —Эй! Молчи!—

А! Страшно мнѣ. Сквозь тьму, сквозь стѣны
 Я вижу все. Я вижу все.
 Вонъ ночью вѣшаютъ кого-то,
 Вонъ бьютъ кого-то... по лицу...
 А! Страшно. Гдѣ мой сонъ прекрасный?
 Гдѣ знамя бѣлое мое?
 Въ моей душѣ нѣтъ ликованія,
 Но гнѣвъ растетъ въ моей душѣ.
 И вижу я теперь не знамя бѣлое—
 Вонъ знамя красное, какъ зарево, горить.
 Я слышу дикій крикъ: „О! будьте прокляты!“
 И знаю я, кому и кто кричить.
 И хочется и мнѣ кричать: „О! Будьте прокляты!“
 Бѣжать и оставлять кровавый слѣдъ.
 И хочется поднять стаканъ вина безумнаго,
 Вина кроваваго,
 И пить, и пить за красный цвѣтъ...

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПЕТЕРБУРГА

“РУССКАЯ МЫСЛЬ”

А. И. ЧЕРНОВА

ÉDITION ET LIBRAIRIE

„Russkaja Mysl“

1898

СВЯТЫЙ МАРТИРЪ СЕРГІЙ

* РУССКАЯ ВЕЩЬ *

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАНИЕ И ЛИБРАРИИ

Російскій Клубъ

КНИЖНЫМ МАГАЗИНЫМ И БУДУЩЕМУ

“РУССКАЯ МЫСЛЬ”

А. И. ЧЕРНОВА

EDITION ET LIBRAIRIE

“Russkaja Mysl”

115, rue de la Harpe

UNIVERSITY OF

3 9015 0630

СВЯТЫЙ МАТРОСЪ СЪВѢТЪ

«РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА»

И. И. ПЕТРОВЪ
EDITION ET LIBRAIRIE
Petersburg 1844

